

**"Я ЛИРУ
ПОСВЯТИЛ
НАРОДУ
СВОЕМУ..."**

№ 16 АВГУСТ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

**РЕШЕНИЯ
XXV
СЪЕЗДА КПСС
ВЫПОЛНИМ!**

Как добиться, чтобы ученик ни в чем не уступал учителю? Инициатор соревнования под девизом «Ни одного отстающего рядом!», бригадир слесарей-инструментальщиков Горьковского автозавода Герой Социалистического Труда А. И. Косицын считает: главное средство для достижения этой цели — наставничество. Постоянное совершенствование комплексной системы воспитания и обучения кадров — вот та база, на которой основано соревнование рабочих автозавода.

Почин «Ни одного отстающего рядом!» давно перешагнул границы одного завода, области. Его внедрение, как убедились на многих предприятиях, помогает политическому, профессиональному и нравственному росту молодежи. Но так происходит только там, где почин принят как норма жизни. Постоянное внимание к отстающим и новичкам рождает встречную инициативу, творческое отношение к своему делу у молодых рабочих.

Широкое развитие почина может дать важные для всей страны результаты, подчеркивалось на XXV съезде КПСС. Поэтому нельзя допустить формального подхода к хорошей инициативе, забвения важнейших принципов социалистического соревнования — взаимопомощи, передачи накопленного опыта.

В нашем номере рассказывается о работе комсомольских организаций по распространению почина горьковчан.

ТАЛАНТ

Валерий КРАСНОВ,
корреспондент свердловской
областной газеты «На смену!»

Все,— подвел итог разговору начальник управления,— поэкспериментировали, и хватит. Завтра же бригаду расформируем, за счет этого пополним другие, и все проблемы решены.

Никто из участников незапланированного совещания не возражал. Да и не было другого выхода. От созданной недавно из выпускников ГПТУ бригады отказался бригадир. Назначили другого. Через четыре часа после начала своего первого бригадирского дня и второй попросился на свою прежнюю работу. За пять дней в эту непокорную бригаду назначили четырех руководителей, и никто из них не мог там проработать больше одной смены. О случившемся стало известно уже всем в тресте «Свердловскпромстрой». Нужно было что-то срочно решать. Никто добровольно возглавить бригаду не соглашался. Уж очень «трудные» девчата там подобрались. Опоздать на работу или отказаться от выполнения указаний бригадира для них ничего не стоит. А уж если бригадир в чем-то помедлит или просто слово не так произнесет — смею на час.

— Однако для распределения девчат нужно дня три-четыре,— заметил начальник участка,— а что же я эти дни с ними делать буду?

— Временно назначьте бригадиром любого. За три дня ничего не случится.

На другой день к неподдающимся пришел шестой начальник. Впрочем, за начальство пришедшую утром девушку никто не признал. Да и речи повела она странные:

— Девчата, зовут меня Тамарой и назначили меня к вам бригадиром временно. Родом я из Тамбовской области и некоторые слова произношу не по уральски. Сейчас я их буду произносить а вы смейтесь. Потом вместе подумаем что в этом смешного.

Всех такое начало сильно удивило. Потом началось еще более непонятное. Новый бригадир вдруг заявил:

— Сегодня нам предстоит работать краскопультами, и поэтому я вам предлагаю от работы отказаться, а если что, то сваливайте все на меня.

Около девяти часов утра к ним подошел встревоженный мастер. Ведь целый час бригада не приступает к работе.

— Разминку делаем, Николай Федорович,— объяснила задержку Тамара.

— Я бы тоже не прочь поразмяться, но кто работать будет?

— А вы разомнитесь. Вот, например, сколько раз вы сможете качнуть насосом краскопульт? Пятьдесят раз без отдыха качнете — мы к работе приступим.

— Ладно. Но потом дашь задание девчатам и зайдешь, Тамара, ко мне. Я объясню тебе, почему так с мастером нельзя разговаривать.

Николай Федорович выполнил обеща-

ТАМАРА БОКАРЕВА... ТАЛАНТ БЫТЬ БРИГАДИРОМ. ИЛИ ТАЛАНТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ?

Фото Александра ЛЫСЯКОВА

ние. Пятьдесят раз ручка насоса в его руках поднималась и опускалась вниз. Потом он утер катившийся со лба пот и устало сел на скамью.

— Начинать работу.

— Так вот, Николай Федорович, вы, здоровый, взрослый и сильный мужчина, умаялись, проработав всего три минуты. А девчатам в моей бригаде по 16—17 лет. Каково им? Они ведь целую смену стоят у насоса. Я не имею морального права приказывать им выполнять эту тяжелую работу, так же как и носить полные ведра воды на пятый этаж, носилки с раствором. Так что действительно пойдете к вам в кабинет и поговорим.

Так начались бригадирские будни Тамары Бокаревой. Ее послали в бригаду на три дня, а она руководит ею вот уже

восемь лет. В феврале 1972 года постановлением ЦК ВЛКСМ бригада занесена в «Летопись комсомольской славы», пять лет подряд завоевывает первые места в соревновании комсомольско-молодежных бригад «Главсредуралстроя», выполнила план девятой пятилетки за три с половиной года и сейчас трудится в счет последних недель 1977 года.

Но вернемся к тем первоначальным дням... Когда в управлении все формальности были улажены и настало время Тамаре идти в свою прежнюю бригаду, то девушки взбунтовались. Теперь они не хотели расставаться с Тамарой. И бригаду оставили. Решили посмотреть, что получится.

А получались одни неприятности. Бокарева доставала где-то различ-

ные журналы и шла с ними в управление.

— Вот в журнале написано, что сейчас на стройках применяются пистолеты для покраски батарей, что уже есть механические валики. Почему ничего этого у нас нет?

— Ничего нет и в тресте. Но если мы достанем, то что вы с ними делать будете? Это же не кисть малярная. Не справятся девчата.

— Девчата, уверяю вас, будут работать, а ремонт и настройкой займется слесарь.

— Откуда он возьмется?

— А вы его к нам назначите.

Ей доказывали, что это фантастика, что ничего путного не получится, что необходимость механизации в малярных работах—дело спорное. А она стояла

на своем. Мол, давайте в нашей бригаде попробуем...

Вскоре пришел к девчатам Семен Бердник. Невеселый пришел. Его, опытного слесаря, оторвали от серьезной работы и из-за каприза девчонок прислали в бригаду.

Вынул какие-то машинки, распутал провода и воткнул вилку в розетку. Раздался треск—и в один миг на пять метров вокруг не было ни одной девчонки. Испуганно они смотрели на странное сооружение. Семену это понравилось.

— Не бойтесь, девчата. Это шлифовальная машина. День делов—и будете с ней на «ты». А эта штуковина зовется «пчелкой». Ею швы линолеума сваривают. Но с ней познакомьтесь потом.

В этот день Тамара пришла домой не в настроении. Ей даже было немного

Наша обложка:
Портрет
А. С. ПУШКИНА.
Работа художника
Юрия ИВАНОВА.

- 1** «ТАЛАНТ». Очерк Валерия КРАСНОВА, корреспондента свердловской областной газеты «На смену!»
- 3** «КРАСНЫЙ НАРЯД». Фотоочерк Валерия КАДЖАЯ и Юрия УСТИНОВА.
- 6** «ЧУЖИЕ» ЛЮДИ. Статья Владимира АНИСИМОВА.
- 8** «МУЗЫКА ПОЛКОВАЯ». Рассказ Михаила БАРЫШЕВА.
- 11** Стихи Лорины ДЫМОВОЙ.
- 12** НАУКА: АСТРОНОМИЯ. Очерк Льва ШЕРСТЕННИКОВА «ЗВЕЗДЫ — ЗЕМЛЕ».
- 14** ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. «ПОРТРЕТ НЕВИДИМКИ». Очерк Александра ВАСИНСКОГО.
- 15** Стихи Аллы БЕРИДЗЕ.
- 16** «ТЕАТР НА БЕЛОМ ЛИСТЕ». Очерк Андрея БАТАШЕВА.
- 19** ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».
- 20** ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. «ОТВЕТНОЕ СЛОВО». Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 22** Стихи Петру ДУДНИКА.
- 25** ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНИ». «МЕРЫ ПРИНЯТЫ».
- 26** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». «БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ». Роман Богомила РАЙНОВА.
- 28** АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин, Д. Н. Филиппов.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

стыдно оттого, что она, добываясь малой механизации, сама-то ее до сих пор не изучала и, что уж там скрывать, испугалась шума шлифовальной машины не меньше девчат.

Назавтра она явилась на работу пораньше. Хотелось, чтобы Семен, пока нет девчат, кое-что ей рассказал. Семен понял ее быстро. Да и ему самому неожиданно стало интересно учить тех, кто так сильно хочет научиться. А когда ему в управлении намекнули — мол, не пора ли заканчивать дела в бригаде, обиделся:

— Нет, там начинается серьезное дело. Конечно, слесарь на одну бригаду жирновато, а если в других начать механизировать, то могу обслуживать несколько бригад.

В общем-то, к тому времени и руководство поняло, что Бокарева была права, и стремилось помочь штукатурам-малярам. Причиной было не только то, что Бокарева сохранила бригаду. Девчата смогли за один год повысить производительность труда на семьдесят процентов. Заработок поднялся до 160 рублей в месяц. Не заметить этого было нельзя.

Как-то Тамара стала свидетелем одного разговора. Знакомый ей бригадир высказывал обиду начальнику управления:

— Почему это вы Бокаревой отдали новый механический валик, а у нас нет? Обижаете.

— Но ты же месяц назад отказывался от него, а теперь вдруг обиженным стал.

— Так то месяц назад. А теперь мой проходу мне не дают. Подавай механизацию — и все! Насмотрелись на бокаревых...

Тамара вспомнила, как этот бригадир совсем недавно доказывал, что будет толк от «всякой механизации» или нет — неизвестно, а вред во время перехода на нее точно будет; пока настроишься, пока привыкнешь, а план «горит». Напрасно она ему говорила, что все потом можно легко нагнать, а затем делать и больше. Не хотел человек нарушать привычный ритм жизни.

В это время Тамару Бокареву принимали в члены партии. Много было разных вопросов. Но на один из них она не смогла ответить. Ее спросили, почему девчата из ее бригады нигде не учатся. Тамара ответила:

— Наверное, потому, что я сама этого вопроса себе не догадалась задать.

Несколько дней Тамара обдумывала, как же поговорить с девушками. Хотелось сказать что-то весомое, убедительное. Но ничего не придумывалось. И однажды утром перед работой она просто спросила:

— Девчата, а почему никто из вас не ходит в школу или на курсы повышения квалификации? Ведь разряды у нас низковаты, да и десятилетка только у двоих.

— Тамар, а зачем мне, строителю, изучать биологию или химию? Не пригодится ведь.

Бригадир понимает, что биология, например, кое-кому из ее девчат действительно может пригодиться. Но разве это причина отказа от учебы?

— Вот ты, Нина, говоришь, что то или иное не пригодится. Но я знаю, что ты утром занимаешься физзарядкой. Зачем?

— Чтобы быть здоровой.
— В том-то и дело. А учеба — это зарядка для ума. Не все мы запоминаем на всю жизнь. Может, не всякий десятиклассник вспомнит, какие задачи он решал по математике в восьмом классе. Но, не решив их, он бы не смог решать свои теперешние задачи.

Разговор продолжился и после работы. А через несколько месяцев группомсорг на собрании сказал, что в бригаде только трое не учатся, но и те готовятся в техникум поступать.

Спросите любого бригадира: хорошо

ли, когда почти все члены бригады учатся, и большинство ответит, что ничего хорошего в этом нет. Ведь если учатся, то часто нужно пораньше с работы на занятия отпускать, а когда настанет пора экзаменов или зачетов, то совсем беда. План «горит», нормы не выполняются, а о командировках вообще речи нет. Бригадир натянуто улыбается, если на следующий день какой-нибудь член бригады радостно сообщает, что отлично сдал экзамен.

С другой стороны, все измерять требованиями только сегодняшнего дня нельзя. Есть более глубокое мерило — требования, которые будут предъявлены строителю завтра. А завтра ему с семью классами просто нечего будет делать на стройке. Прописная истина? Да. Но, наверное, частые и отвлеченные разговоры об этом не позволяют серьезно отнестись к такой прописной истине. Равный по важности вопрос для бригадира — не только как растет производительность труда, но и как растут люди.

Шло время. О бригаде Тамары Бокаревой говорили все чаще. Ее ставили в пример на собраниях в тресте, писали о ней в газетах (она стала участником ВДНХ, как лучшая бригада по внедрению малой механизации).

Тамара постоянно заботилась о своих девчатах: ходила вечерами в общежитие и интересовалась, как они проводят свободное время, чем занимаются, даже из-за задержки смены штор на окнах предъявляла коменданту претензии. Тамара от всей души хотела помочь им: помнила свое нелегкое начало, когда в 1966 году совсем девчонкой приехала в Свердловск. Раньше работала на ферме в совхозе, и никакой специальности, пригодной для города, у нее не было. Пожила у сестры. Гадала, куда пойти работать. Сестра подсказала, что на улице Гагарина есть какое-то строительное управление. Может быть, туда сходить? Пошла с сестрой — одной боязно. Но все обошлось. Приняли бетонщицей. Поселили в общежитие...

Не часто так бывает, когда в человеке уживаются два начала: веселая, даже озорная девушка — и серьезный, способный воспитатель. Юмора Тамаре не занимать. А вот воспитывать ей до прихода в бригаду приходилось лишь свою маленькую дочь. Но зато есть у нее очень нужная для руководителя черта: она умеет себя поставить на место того человека, с которым говорит.

Однажды, еще в первые дни работы в тресте, начальник цеха, на строительстве которого трудилась Тамара с товарищами, подошел к бригадиру и сказал:

— Там какая-то ваша — небольшая, рыжеволосая — плачет!

А Тамара плакала потому, что допустила брак в работе. Готовилась к неприятностям. А бригадир только и сказал:

— Правильно делаешь, что переживаешь, но плачешь зря... Я первое время столько ляпов делал, что оплакивать — слез бы не хватило.

Позже Тамара поняла, что бригадир поставил себя на ее место и сразу нашел те слова, которые ей так были нужны.

По крупицам собирала она опыт других, чтоб потом самой стать вожаким.

Весь вечер перед своим первым бригадирским днем Бокарева потратила на то, чтобы выяснить: почему многие отказались от этой бригады? В чем не сошлись девчонки со своими руководителями?

А девчонкам нужен был просто бригадир, им нужен был старший товарищ. Не начальствующим видом покорила Тамара девчат, а тем, что движет ее вперед чувство постоянной неудовлетворенности. Это может показаться странным, но и сейчас бригадир самой лучшей бригады треста не удовлетворен своей работой. К ней в бригаду приезжают строители из других городов

Валерий КАДЖАЯ

Фото Юрия УСТИНОВА

поучиться, ей пишут, спрашивают, как она добилась успеха. А Тамара вдруг заявляет на собрании, что так дальше работать нельзя. Ей не нравится, что строители фактически не отвечают за качество объекта, который строят. Вот как она объясняет свой вывод:

— Каменщик кладет кирпичи. С кем он соревнуется? С товарищем по работе или с другой бригадой каменщиков? Думает ли он о тех девчатах, которые будут штукатурить выложенные им стены? Нет. Он положил криво кирпич, и проверяющий этого не заметит. Сам каменщик знает, что из-за этого кирпича у штукатуров будет много неприятностей. Они в этом месте не смогут качественно обработать стену. Но ему безразлично. Он ведь не соревнуется со штукатурками. Электромонтажник тоже с легкой душой долбит стену. Он соревнуется с другим электромонтажником, а не с теми, кто клал и обрабатывал ему стену. Разве это по-хозяйски? Так вот, я предлагаю соревноваться по технологической цепочке. Чтобы бракодел-каменщик ответ держал не только перед проверяющим, а и перед теми, кто будет работать на этом объекте после него, чтобы его тоже интересовало качество нашей работы, а нас — его. Вот тогда мы будем все в ответе за брак на любом участке. Если я буду соревноваться с другими бригадами, то не мыслю этого соревнования без заинтересованности в успехе соперника. Какая же цена моей победе, если тот работал плохо? Лучший из худших получается. Нет, надо, чтобы и соперник был силен. Тогда интереснее. А для этого не позволяй ему работать плохо.

Не удовлетворившись выступлением на собрании, Тамара выступила со своим предложением в областной молодежной газете «На смену!». Через несколько дней в редакцию пришло письмо от бригадира комсомольско-молодежной бригады М. Фаттахова, который поддержал Бокареву и заявил, что его бригада ищет соперника для такого соревнования.

Сейчас уже заключены десятки договоров о соревновании по технологической цепочке. Но для самой Тамары было удивительным то, что на ее призы откликнулись комсомольцы проектного института «Уралгипромет». Они предложили соревноваться не с того момента, как будет заложен фундамент здания, а с того, когда будут нанесены первые линии его проекта на ватмане, и девиз предложили: «ПУСКОВЫМ СТРОЙКАМ ОТ ПРОЕКТА ДО ОБЪЕКТА — КОМСОМОЛЬСКУЮ ГАРАНТИЮ КАЧЕСТВА». Так предложили пятьдесят с лишним комсомольцев проектного института, работающие на расширении и реконструкции Нижнетагильского металлургического комбината. А сейчас под этим девизом работают почти 17 тысяч комсомольцев проектных и строительных организаций, заводоуправляющих, поставщиков. Созданы штабы по координации работы «договаривающихся сторон» в Нижнем Тагиле, Первоуральске и других городах. Сейчас контроль за качеством от проекта до объекта комсомольцы взяли на 17 важнейших стройках области.

И это только начало.

В вагончике бригады Бокаревой рядом с тремя переходящими вымпелами за победу в социалистическом соревновании лежит большая папка. В ней почетные грамоты, письма, дипломы, фотографии... Это история бригады. Из нее можно узнать, что девчата строили стан «250» в Нижнем Сергах, заводы в Асбесте и Березовском; Первоуральске, Сухом Логу, Свердловске... Десятки городов, сотни объектов. Если бы собрать все дома, заводы, фабрики, на которых работали бокаревы, то получили бы небольшой город. А впереди еще много новых городов. И везде девчата оставят о себе добрую память.

КРАСНЫЙ НАРЯД

Валил густой снег, небо осело почти до земли, и все полеты, конечно же, отменили. Однако это непредвиденное обстоятельство огорчило разве что кинооператоров: пропал самый эффектный кадр. Что же касается участников митинга, то им уже никак нельзя было испортить настроение. Они свое дело сделали. На заснеженном поле стоял их МИ-8, новенький, «с иголочки». Ребята фотографировались на память с экипажем, обменивались адресами. Вертолет улетел через день, и тогда же Николай Михайлович Изосимов, директор заводского Музея трудовой славы, поместил среди других экспонатов телеграмму, которую накануне зачитывали на митинге и которая уже стала историческим документом: «Поздравляю коллектив Казанского вертолетного завода с изготовлением по встречному плану вертолета МИ-8. Он передается комсомольско-молодежному экипажу и будет направлен на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Министр гражданской авиации Б. Бугаев».

Так завершилась трудовая вахта комсомольцев завода, которую посвятили они XXV съезду КПСС. Однако, чтобы осмыслить традиции ударничества на предприятии, надо вернуться в те нелегкие времена, когда в Казань эвакуировался с запада страны авиационный завод и в невероятные сжатые сроки налаживал выпуск легкого ночного бомбардировщика ПО-2.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОКОЛЕНИЙ

Стыкуются не только рельсы и не только космические корабли. Стыкуются также поколения. Это я остро почувствовал в заводском музее. Его открыли недавно, и хотя старый, построенный вскоре после войны клуб задыхается от тесноты, места для музея не пожалели.

Вот фотография молодежной бригады мастера Головина: все дети 13—14 лет. Работница Жукова, одна из тех, что на снимке, вспоминает, что их цех так и называли — пионерским, но трудились дети наравне со взрослыми. А комсомольцы постарше — Манаев, Цветков, Роголев, Васина, Шиляева, Сорокин, Хабибуллин, Агапов — оставались еще и после двенадцати-часовой смены и собирали в подарок фронту комсомольское звено, три бомбардировщика. Это происходило в те дни, когда под Сталинградом разворачивались главные события, и каждый самолет, танк, пушка, пулемет — все было на особом счету.

Комсомольское звено 1942 года оставило память на многие годы, хотя завод и перешел на мирную продукцию. Например, в 1949 году комсомольцы во внеурочное время изготовили во

ХI съезду ВЛКСМ самоходным комбайн. А к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина выпустили сверх плана три вертолета (с 1952 года завод первым в стране освоил выпуск винтокрылых машин и сейчас поставляет их в 41 государство).

Так что вертолет для БАМа родился не на голом месте. Всей логикой преемственности традиций пришли комсомольцы Казанского вертолетного к своему встречному плану. Новым было то, что в движении участвовали уже не отдельные бригады, а вся молодежь, и было оно подкреплено глубоким экономическим расчетом.

ДАЕШЬ ВСТРЕЧНЫЙ!

Разрабатывая социалистические обязательства на 1975 год, казанцы подсчитали, что сверх плана смогут дать несколько вертолетов. Тогда же комсомольцы решили добавить к встречному плану еще один МИ-8. Однако изготовить его за счет имеющихся резервов было уже невозможно, все резервы поглотил встречный. Но это никого не смутило, потому что комсомольский вертолет задумали строить во внеурочное время. Исходили из следующего расчета: общую трудоемкость, которая заложена в одной машине, разделили на число членов ВЛКСМ. Получилось что-то около семи нормо-часов на брата. Их отработывали кому как сподручнее: после смены или по субботам. Задания, выполняемые в счет сверхпланового МИ, закрывались особым, «красным нарядом». Это обычный, стандартный бланк, но только с красной надписью наверху: «Комсомольцы — XXV съезду».

«Красные наряды» бухгалтерия об считывала отдельно, чтобы вести точный учет. Львиную долю объема работ сделали 25 октября. И хотя этот день был объявлен комсомольским субботником, но вышли почти все работники. Рекорд поставил Александр Михайлович Черненко, ветеран труда, участник Великой Отечественной войны. Он отработал 12 нормо-часов!

Наконец, наступил самый ответственный период. Машина сходит с конвейера «мертвая». Ее надо оживить, дать ей дыхания. Этим занимаются отработчики. Они проверяют все агрегаты, а затем «завязывают» их в единой электросистеме и еще монтируют самую «нежную» аппаратуру, такую, как гироскоп, радиостанция и прочее. На все это уходит три-четыре дня.

Отработку поручили комсомольско-молодежной бригаде Эдика Курочкина. Перед ребятами стояла сложная задача. Распределить время так, чтобы выкроить сверхурочные, не представило особого труда. В бригаде 14 человек, трудятся в две смены. Первая на два часа задерживалась, вторая же прихо-

дила на два часа раньше. Куда труднее оказалось решить другую задачу: где «приткнуть» вертолет. В сборочном цехе вся площадь, до последнего квадратного метра, рассчитана на плановое количество машин, для лишней просто нет места. Вот уж поистине вертолет построить — это не ищак купить. Стоянку нашли с помощью хитроумных перестановок, в которых принял участие весь цех. После этого ребята нажали на «всю катушку», прихватив субботу. Они не только уложились в три дня, но и сдали машину с первого предъявления. Об этом хочется рассказать особо.

Конечно, сегодня, как и вчера, как и сотни лет назад, основа качества — честный и добросовестный труд. Но если сотни лет назад телегу делал один мастер — от оглобли до колеса, то только на отработке МИ-8 занято, как я уже говорил, 14 человек. Причем людей самых различных профессий. Половина из них — «спецы», они доводят «до ажур» электрооборудование. Это все ребята, имеющие среднетехническое образование. Другую половину составляют слесари-сборщики, они заняты в основном на фюзеляже.

В первое время, когда бригада только сформировалась, парни сдавали обычно с первого предъявления в среднем каждую четвертую машину. Сейчас каждую вторую. Работа без брака стала нормой, привычным делом. Причем бригада уверенно идет к «абсолюту» — в последнее время, как правило, заказчик принимает у них без замечаний подряд две-три машины. Это уже не частные удачи, а система, я бы сказал, стиль. А система, как известно, требует своего обоснования.

В бригаде Курочкина не ждут, пока гром грянет с неба. Здесь уже давно действует метод внутреннего самоконтроля. Начали с того, что добились взаимозаменяемости. Ведь бригада — это люди. Кто-то заболел, кто-то ушел в отпуск, да мало ли еще что. Чтобы исключить любые «проколы», и добились того, что каждый может теперь справиться с тремя-четырьмя операциями. Обучали друг друга сами. Саубан Закиров, Иван Косолопов и Виктор Крашениников, как самые опытные, стали наставниками у новичков, их набралось пятеро. Остальные разбили по парам.

Когда ребята изучили смежные операции, они уже не просто могли заменять в случае необходимости друг друга, но еще стали и проверять качество работы. Свежему глазу легче заметить ту или иную мелочь, которую сам пропустил. По-научному это называется «социальным фактором производительности», то есть когда результативность труда повышается не только благодаря технической его вооруженности, квалификации работников, но еще и потому, что работать друг с другом приятно, и настро-

ение от этого хорошее, и хочется сделать больше и лучше.

МЕРА ЗРЕЛОСТИ

Качество—понятие собирательное. Это и сырье, и технология, и конструкция—в данном случае вертолета. Конструктор Миль заложил в свою последнюю машину лучшие достижения мировой науки, поэтому и не имеет в своем классе соперников МИ-8. Но, чтобы конкурировать успешно на международном рынке, одной конструкции еще мало. Требуется также и соответствующее исполнение. Когда в Казани приступали к выпуску нового вертолета, он имел ресурс всего 150 часов, сегодня—в шесть с половиной раз больше! На заводе поставили перед собой очередную задачу: в нынешней пятилетке довести ресурс до 1500 часов! По лопастям этот рубеж уже достигнут. Первоначально же он составлял 300 часов...

Лопасть для вертолета—все равно, что для самолета крыло. Откажет двигатель—«стрекоза» спланирует. Но не дай бог что-нибудь с винтом, тогда уже ничто не поможет. Потому к лопастям отношение особое. Мне показывали диаграмму роста. Не количественно—качественно. В цехе за пятилетку, с 1971 по 1975 год, процент брака неуклонно снижался. Последние полгода брак на нуле. Нет брака. Ликвидировали. Возрастала и сдача с первого предъявления. Сейчас она равна по цеху 84,2 процента, а на участке Лазаря Брука достигла, можно сказать, потолка: 99 процентов.

Мы уже говорили, что основа высококого качества—честный, добросовестный труд. С этого начинается все. Но на этом отнюдь не все кончается. Казалось бы, что такое лопасть? Это десятиметровое «вело», разбитое на 21 отсек. Отсеки склеивают, получается лопасть. Вот и все. Весь процесс изготовления разбит на три основные операции: склейка в стапеле, проверка контура и закрутка лопасти. Никакой тебе особой философии. И ребята у Брука подобрлись добросовестные, однако же с первого предъявления выше 80 процентов поднаться никак не могли. Прямо как будто кто шлагбаум поставил. Видимых при-

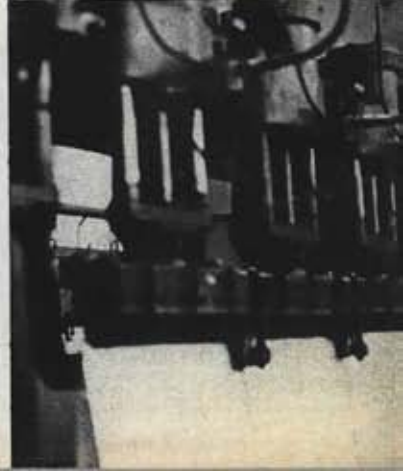
чин брака обнаружить никак не удавалось, хотя заинтересованность проявляли все. Но сказано ведь: кто ищет, тот всегда найдет. Они тоже нашли. Лежала причина не сверху, а под спудом, потому и обнаружилась не сразу.

Трудно сейчас сказать, к кому первому пришло озарение. И было ли оно вообще? Скорее другое: коллектив внутренне созрел для новой организации труда, и тогда причина сама всплыла наверх. На участке занято двенадцать человек. Вроде бы и коллектив, но в то же время каждый знает только свою операцию. И готовую лопасть БТК принимало обычно от участка, то есть личная ответственность каждого растворялась в конечном продукте—лопасти. И когда участок получал премию, то и распределяли ее поровну. Каждому по сырью. Но надо знать Брука. Он умел к каждому найти подход, и ребята к нему тянулись. Главное, чего постоянно добивался мастер,—это чтобы его парни были не просто исполняющими, но прежде всего думающими.

Сначала Брук разделил участок на три бригады, но опять же деление оказалось условным. Четверо назывались бригадой только потому, что работали рядом. По-прежнему каждый отвечал только за свою операцию. Но вот когда четверо стали сдавать лопасть **вчетвером**, бригада из формального объединения превратилась в коллектив, спаянный прежде всего трудовыми интересами. Первой стала так работать четверка Саши Антипина. Теперь уже каждый отвечал не только за свою операцию, но и за всю лопасть в целом. Успех одного оказался в прямой зависимости от успеха остальных, и наоборот, успех всех зиждился на предельной добросовестности каждого.

Если раньше кто-то, закончив свою склейку или закрутку, мог пойти и покурить, то сейчас он подключается к отставшему товарищу, ибо лопасть принадлежит одинаково всем четверым. И если Антипин или Леша Яруллин видят (а они в бригаде более опытные, «мастятые»), что у Элика Шарафутдинова или Саши Ключникова что-то не ладится, тут же стараются помочь, научить, передать свой опыт. Конечный результат, а

ВЕРТОЛЕТ... ЭТО ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ ДЕТАЛЕЙ, КАЖДАЯ ИЗ КОТОРЫХ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НА САМУЮ МАЛУЮ «ЧЕРВОТОЧИНУ». ЭТО БЕСКОМПРОМИССНОСТЬ В ВОПРОСАХ КАЧЕСТВА. ЭТО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖИЗНИ. ВЕРТОЛЕТ ДЛЯ БАМЫ... ВСЕ ТО ЖЕ. ПЛЮС ЕЩЕ ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ДЛЯ КАЖДОГО, КТО ПОСВЯТИЛ ЕМУ ЧАСЫ СВЕРХПЛАНОВОЙ РАБОТЫ...

таким является готовая лопасть, вызвал к жизни ответственность друг перед другом — фактор нематериальный, который, однако, материализовался в повышении качества всей работы.

Сложность экономических связей современного производства, оторванность от конечного результата своего труда подчас затушевывают ту истину, что человек работает не на кого-то, а на себя. Он знает, что является хозяином — в высоком, общественном значении этого слова. Но совершенно не ощущает себя хозяином в самом простом, практическом смысле. Например, не выключил сосед лампы над верстаком, ну и пусть горит. Конечный результат заставляет быть хозяином даже в таких мелочах.

Мне приходилось писать о том, как качественно изменилось соревнование во втором сборочном цехе Минского завода ЭВМ имени Орджоникидзе. Цех представляет собой конвейер, на котором трудится восемьсот человек! И никто ни за кого не отвечает, а только за себя. Количественные показатели определяются производственным циклом: ни одной операцией больше, ни одной меньше. Но вот что касается качества — здесь все индивидуально. Кто-то делает пайку лучше, а кто-то хуже, а «выплывает» это уже в ОТК.

Но вот конвейер разбили на бригады по 8—11 человек. Каждое нарушение технологических норм стали фиксировать в штрафных баллах. И сразу появилась ответственность перед товарищами: штрафной балл бьет не только по тебе, но и по бригаде. Да и по премии — тоже. С другой стороны, возрос взаимоконтроль внутри микроколлектива. Так, не на словах, а на деле реализуется девиз соревнования: один за всех, все за одного.

А это значит, ни одного отстающего рядом. Как и в бригаде Курочкина, так и на участке Брука, так и всюду на вертолетном заводе главная цель, которую преследует соревнование, — «догоняй лучших, помогай отстающим и добивайся общего подъема». Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева стали лозунгом. Особенно ярко проявились характерные черты со-

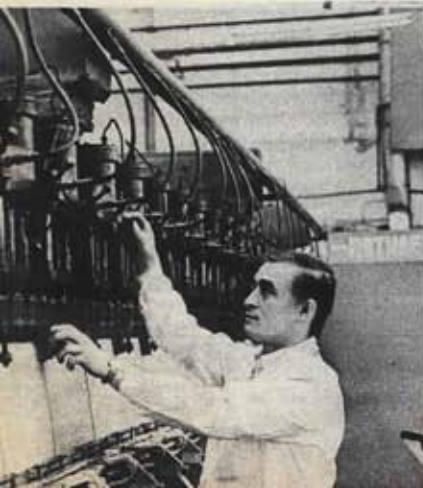
ревнования казанцев в борьбе за комсомольскую гарантию качества. Здесь усилия заводского комитета комсомола и цеховых бюро были направлены в первую очередь на подтягивание отстающих, на повышение мастерства основной массы молодых рабочих.

С ПЕРВОГО ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ

Когда мы говорим о высоком качестве продукции, то обязательно надо сказать, и какой ценой оно досталось. Недаром ведь лозунг соревнования, с которым мы пришли в десятую пятилетку, звучит так: «Дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами». Качество той же лопасти должно быть только первоклассным, и, надеюсь, не надо объяснять почему. А потому бюро технического контроля десять раз заставит переделать работу, но высокого качества добьется.

Однако давайте посчитаем, во что обходится любая переделка. Один отсек стоит шесть рублей — сюда входят трудовые затраты и затраты материала. А в каждой лопасти их по двадцати одному. Значит, работа с первого предъявления — это не только высокий уровень потребительских свойств продукции, но еще и огромная экономия сырья, энергии, труда. Когда казанцы разрабатывали свой встречный, они исходили прежде всего из внутренних резервов. Только пришлось просить главк увеличить поставку комплектующих изделий, но это понятно.

Встречный план опирался на то, что все большее число людей будет сдавать продукцию с первого предъявления. Именно тогда родилось на заводе соревнование за «Комсомольскую гарантию качества». Инициатива принадлежала четвертому механосборочному цеху. Здесь больше половины — молодежь. И новый начальник БТК комсомолец Юлий Марон начал с того, что предложил цеховому бюро комсомола комплексную программу, которая включала в себя три направления: совершенствование производства, повышение индивидуального мастерства и... просветительство. Да, да, просветительство. И хотя эта линия в программе не была

«ЧУЖИЕ»

Владимир АНИСИМОВ

Давай после смены, а? — Нажата красная кнопка, визг фрезы заглушает все остальное, и Саша переходит на язык жестов: дескать, работы — во!

Что ни гость на заводе — непременно к Богомолу. В механосборочном на частые визиты стали посматривать даже несколько неодобрительно. Популярность парня не испортил — насчет этого не беспокоились. Другое смущало: разговоры идут — станок молчит. Признаться, не миновал и я проторенной дорожки. Уж очень заманчивая для журналиста фигура: виртуозный фрезеровщик, член райкома и горкома комсомола, наставник молодежи — и все это в неполные двадцать шесть.

Тот день получился напряженным вдвойне. Утром в комитет комсомола вошел незнакомый парень, протянул направление от райкома ВЛКСМ: фрезеровщик Диханов направляется на стажировку на электромашиностроительный завод «Памяти революции 1905 года». Куда поставить стажера, долго не раздумывали. Ясное дело, к Богомолу. Свой станок Саша уступил гостю и теперь разрывался между двумя фрезерными, коллеге надо показать свои приемы, а текущего задания с него никто не снимал. В общем, мне повезло: в первый же день увидеть такую прекрасную иллюстрацию к очерку — молодой наставник за одним станком с молодым учеником.

Повезло, если не считать третьего участника этой истории, имени и фамилии которого Богомолу даже не знал.

После залитого солнцем заводского двора в цехе покатилось темновато.

— Берегись!

Совсем низко над головой, предупреждая зазвонев, надвинулся мостовой кран со статором двигателя на крюке. Новичок поосторожился, неуверенно сделал несколько шагов, с любопытством огляделся, пытаясь угадать, какой из стоящих в три ряда станков будет с этого дня принадлежать ему, токаря второго разряда Сергею Молчанову. Впрочем, он не слишком обольщался удостоверением о разряде, отлично понимая, что главный экзамен на звание токаря еще впереди. Пожалуй, потруднее, чем выпускной в училище. Впервые он входил в цех не учеником или практикантом, впервые так: каждая его ошибка будет теперь не обычной и простижной ученической оплошностью, а браком, и все это рождало неприятное, сосущее под ложечкой чувство неуверенности.

Угадать «свой» станок Сергею не удалось: в первый день для новичка свободного станка просто не оказалось. Ну, а чтобы время не пропадало

совсем впустую, Молчанова отправили познакомиться с заводом.

...Не слишком оригинальное сравнение, но точнее не скажешь: история завода — живая история рабочего класса Красной Пресни. К столетию предприятия здесь открыли музей, быстро получивший широкую известность. В книге отзывов — восторженные записи, оставленные учениками городских и подмосковных школ, ветеранами труда, иностранными гостями.

Надо сказать, место работы Молчанов выбрал довольно случайно — бывшие однокашники позвали. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что завод от дома недалеко. Он, конечно, не ожидал какой-то особо торжественной встречи, но сейчас, оставшись один, немного растерялся. Невелик, по нынешним меркам, завод — за двадцать минут кругом обойдешь. Чем заполнить восемь часов смены?

Сергей без определенной цели бродил по заводу, и старые стены цехов молчали, оставаясь для него всего лишь старыми, закопченными стенами; в комитет комсомола зайти сам постеснялся, в музей днем не попадешь — закрыт. Однокашники? И они тут еще такие же новички. К тому же заняты своим делом. Короче говоря, когда через восемь часов Молчанов подвел итоги, оказалось, что подытоживать почти нечего.

Поначалу прикрепили к Сергею наставника из опытных мастеров. Тот за неделю ввел новичка в курс дела, успел показать основные операции — и на этом «наставничество» закончилось, Молчанов стал работать вполне самостоятельно. Но здесь уже не было всепонимающего мастера, как в училище, и за советами приходилось бегать к соседям. У одного спросишь, другой подскажет, да неудобно часто людей от дела отрывать.

Позже он начал кое-что понимать. Скажем, у слесарей-сборщиков есть бригадная ответственность, бригадная взаимопомощь. Токари на заводе — каждый сам по себе, поэтому просто невыгодно быть наставником и терять время на обучение в ущерб своему личному плану и заработку.

Прошли дни, недели, к новичку в цехе привыкли. Имеет разряд, станок, неплохой на первых порах заработок — что еще надо? На ходу кто-то завернет к станку:

— Как дела? Нравится у нас?

— Нравится...

— Ну и порядок.

Порядок-то порядок, но если цех привык к новичку, то сам он чувствовал себя как-то уютно — и оттого, что многое еще оставалось непонятным, и оттого, что неуверенность первого дня не исчезала. Например, все работают по личным пла-

нам, а Молчанову даже неизвестно, что это за планы такие. Считает, чем больше деталей сделаешь, тем лучше. Соответственно своему разряду.

Что дальше? Так и точить изо дня в день простейшие детали «соответственно разряду»? Вон по соседству Богомолу со стажером склонились над станком, советуются, впечатление, будто много лет вместе работают. А если у меня нет направления от райкома, да и какое может быть направление, когда каждое утро в одно время приходим в один цех?

К тому времени, когда мы познакомились, Молчанов сделал окончательный выбор: после службы в армии на завод не возвращаться.

У социологов есть термин: «профессиональная адаптация» — процесс приспособления, привыкания новичка к условиям труда, моральному климату, взаимоотношениям в коллективе. Традиции и влияние коллектива, особенно в первые дни и месяцы, часто бывают решающими в трудовой биографии новичка. Новый человек обнаруживает иногда чрезмерную восприимчивость к обстановке в коллективе, подмечает такие детали, которые кадровому рабочему могут показаться незначительными. Скажем, велика важность — не сразу дали станок, не провели за ручку по заводу, не выдали торжественно первую зарплату? Для него все важно, пока решается основной вопрос: связывать свою судьбу именно с этим заводом, этой профессией? Сомнения, помноженные на неопытность и неуверенность новичка.

У нового работника свои планы, свои перспективы. Ходить ли ему вечно в отстающих, середнячках или гремять, как Богомолу, по всему заводу, райофу? По этому поводу мы разговаривали с другим токарем, Сергеем Лишанковым. Сергей четвертый год на заводе.

— Я вот смотрю, как приходит новичок. Опыта маловато, а главное, к заводскому ритму непривычен. И не жди хорошего, если он столкнется с таким отношением: учили, мол, тебя в ПТУ, а здесь работать надо. У меня самого, хоть пришел не из училища, а после школы, настоящего учителя не было. Тем, что умею, обязан соседям по цеху — ребята у нас хорошие. А вообще-то трудно все постигать в одиночку. Может, потому многие задерживаются на низких разрядах? Я вот сдал на третий, но чисто случайно: попал в группу, направленную на повышение квалификации. И если говорить откровенно, каких-то перспектив не вижу.

Сергей старается лишний раз не проходить мимо доски показателей. Чего приятного: увидит снова ряд черных цифр против своей фамилии? Черный цвет, как и везде, говорит об одном: попал в число отстающих... Мне-то уж совсем не к лицу, думает

самой главной, но начать рассказ хочется с нее.

Качество работы находится в прямой зависимости от культуры работника. Трудно вернуться, чтобы ограниченный, невежественный человек особенно заботился бы о том, как должны выглядеть плоды рук его. Он будет стараться разве что ради рубля, но это неискреннее старание. От него до прямого обмана — один шаг. В этой связи я всегда вспоминаю слова А. С. Макаренко: «Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом...»

Высокая культура заключается в том, что человек стремится работать честно, качественно не только потому, что ему

за это хорошо платят, но и потому, что иначе работать он просто не может. В четвертом цехе «воспитание чувств» начали с того, что пригласили в гости специалистов из экспортного отдела. Они рассказывали, какие серьезные у нас соперники в лице американских и западноевропейских фирм, рассказывали просто о вертолетах, их применении, перспективах развития. А работники отдела рекламаций знакомили с дефектами, которые берут начало в цехе...

Все это расширяло кругозор молодых рабочих, так сказать, поднимало их над станком или верстаком. Люди увидели свой труд в новом свете. Идея высокого качества продукции исподволь проникла в сознание, становилась нравственным убеждением.

Было бы наивным полагать, что одними лекциями можно поднять качество работы. Культура работника должна

обязательно опираться на культуру труда. Это аксиома. Поэтому просветительская деятельность подкреплялась организационными мерами. На общем производственном собрании обнародовали условия соревнования за право работать с комсомольской гарантией. К соревнованию допускаются лишь те, кто последние пять партий изделий сдает с первого предъявления. После этого начинается марафон длиною в целый год. Его условие — работать все время с первого предъявления. Выдержишь дистанцию — получаешь звание «Молодой отличник качества», диплом, премию в размере одной четверти среднемесячного заработка и право работать с личным клеймом. Личное клеймо означает и новую, более высокую ступень признания. Его обладатель согласно общезаводскому положению получает к зарплате десятипроцентную надбавку.

Соревнование за комсомольскую гарантию возглавляет штаб по качеству. Сюда входят цеховой «четырёхугольник» и ветераны, работающие с личным клеймом. Штаб подводит итоги — дело это чрезвычайно трудоемкое. Приходится вести кропотливый учет сдачи продукции, просматривать все наряды.

Сейчас с комсомольской гарантией работает уже 13 человек (было 20, но семеро ушли в армию). В целом же по заводу (почин получил всеобщее распространение) таких «марафонцев» 130, а до конца года станет вдвое больше.

Что особенно привлекает в этом соревновании? Прежде всего то, что оно воспитывает высокосознательного работника, у которого высокая культура работы становится привычкой, чертой характера. А ведь прочно завоеванным «надо считать только то, что вошло в

ЮДИ

Лишанков, не новичок. Слышал он, что нормы якобы неправильные и скоро их будут пересматривать. Но слухи пока и остались слухами...

Влившись в объединение «Динамо», завод перешел на новый метод планирования — в норморублях. Увы, на первых порах не обошлось без ошибок. И передовикам и более слабым рабочим задали одинаковый рост производительности труда — сработал принцип планирования «от достигнутого». Но в том и суть, что у передовика, работавшего всю пятилетку на высоком уровне, достигшего тонкости своего дела, резервы роста выработки значительно меньше: искать дополнительные пути сокращения норм времени на отдельные операции становится все труднее. А у его малоопытного коллеги, начинающего едва ли не «от нуля», потолок производительности еще очень далек. Ему проще — не искать новое, а повторить опыт старшего товарища.

В итоге одни получили чрезмерные задания, другие — ниже своих потенциальных возможностей. Что ж, ошибки могут случаться. Но объяснить всем рабочим создавшееся положение забыли...

Богомолова — то новые нормы с толку не были — не было такого месяца, чтобы он не перевыполнил свой личный план, хотя у него он не мог быть заниженным. Особые условия для передовика? Да нет, здесь все на равных. Просто слишком большая разница в уровне профессионального мастерства Богомолова и, скажем, Молчанова, Лишанкова. Причем Саша не работает «на износ» — остается время для передачи опыта, комсомольских дел.

— Какой Диханов стажер? Уже четвертый разряд фрезеровщика имеет — понимаем друг друга с полуслова. С ним мне и самому интересно: вижу, парень толковый, серьезный, к настоящему делу стремится. Нашел человек себя — есть смысл с ним работать. А вот у нас в цехе я так сразу и не припомню, чтобы после армии кто сюда вернулся. Говоришь, и Молчанов не хочет? Ну, вот... Сам поводи, какая может быть охота новичка учить, если он только и думает, как бы сменить профессию или завод?

Проблем «Кем быть? Где работать?» у него никогда не возникало. Тут Саше, конечно, повезло, сказалась семейная традиция, давно и прочно связавшая Богомоловых с заводом. Про себя Саша и в первый день мог сказать так же, как совсем недавно: «Я свое призвание знаю». Может, потому не найдет у него сочувствия человек неуверенный колеблющийся?

Не все так просто...

Я хорошо понимаю Богомолова. На этом заводе

работали еще его дед и прадед; деда он помнит, тот был в последнее время начальником его цеха. Здесь сейчас трудится вся семья — отец, мать, брат Алексей. (Братья, кстати говоря, удивительно похожи не только внешне. Неразличимы они и на доске показателя — результаты работы тоже одинаковые.) Со школьных лет — в семье, в разговорах родителей — он как бы впитал атмосферу завода, был в курсе всех заводских событий. В цех Саша пришел как к себе домой. Вот почему ему были неведомы сомнения сверстников: кем быть после школы? Разве это так трудно определить? Я бы сказал: не Саша нашел свое призвание, а призвание нашло Сашу. Счастливая судьба у Богомолова. И настолько непохожая на молчановскую, что им обоим было бы трудно понять друг друга.

Как человек обязательный, свое назначение в комитете комсомола «ответственным за работу с молодыми рабочими» Саша принял серьезно. Надо — значит, надо. Именно потому ровно год назад он выступил на заводском комсомольском активе с почином «Сегодня — норма наставника, завтра — норма комсомольца». Главное он видел в том, чтобы не на собственную плановую цифру равнялась молодежь, а на уровень опытного коллеги.

Воспитание новичка, особенно не уверенного в себе, всегда дело трудное: неизвестно, что еще из него выйдет, каков будет конечный результат этой работы. Мало назначить «ответственного за работу с молодыми рабочими» — он один, а молодых на заводе — триста. Вот Богомолов и хотел сделать эту работу делом всей комсомольской организации. На пленуме райкома комсомола инициативу поддержали, дружно проголосовали «за». С тех пор почин держится в активе райкома.

У разных людей на заводе спрашивал я о судьбе Сашинго предложения.

Лидия Ивановна Жучкова, председатель цехкома механосборочного:

— А почин заглох давно. Он даже не записан у Богомолова в обязательствах...

Сергей Лишанков, токарь, комсомолец:

— Ах, да, что-то слышал об этом. Во всяком случае, ко мне никто с таким предложением не обращался. Помню, Саша вначале пытался осуществить свое предложение, а сейчас об этом забыли.

Рубен Георгиевич Карганов, председатель завкома:

— Можно понять, почему интересное начинание заглохло. Что нужно было сделать в первую очередь? Разъяснить всем значение почина для завода и каждого отдельного рабочего. Это упустили из виду, рассчитывая, что все наладится само собой. Недостаток гласности, недостаток информации помешали настоящему распространению почина — не мудрено, что многие, не говоря уже о новичках, не знали о нем. А Богомолову было нелегко постоянно напоминать о своем предложении.

Ясное, логичное объяснение. Рубен Георгиевич отлично знает завод и может дать справку по любому вопросу — производственному или общественному. Но когда мы говорили о богомоловском почине, на минуту мне показалось, что беседую я со сторонним наблюдателем событий, а не с председателем завкома... Завком и комитет комсомола не смогли помочь одному человеку — Богомолову — развить хороший почин; можно ли требовать, чтобы один Богомолов отвечал за каждого молодого рабочего?

Заводской комсомол, по существу, взял идею уже

известную. Напомню, «Смена» рассказывала в статье «Ритм» (№ 7 за 1973 г.) о таком же начинании комсомольцев Днепропетровского агрегатного завода, выступивших с почином «Сегодня — рубеж новатора, завтра — комсомольская норма». При некотором различии в названии смысл девизов, конечно, одинаков.

Директор завода Николай Александрович Вахрушев рассказывал, что начали с самого простого — в каждом цехе установили прогрессивный рубеж выработки по каждой профессии. Этот рубеж новатора и становился для всех третьей, высшей ступенью соревнования.

А первую, низшую ступень определили по специально разработанной на заводе методике. Тут учитывались месячный фонд рабочего времени, уже достигнутый каждым уровнем выполнения норм и планируемое цеху задание по росту производительности труда. Вторая ступень — среднее арифметическое между первой и третьей.

Движение в отличие от положения дел на заводе «Память революции 1905 года» было прочно подкреплено экономическими и организационными мерами. Недостаточно просто одобрить почин, рассудили днепропетровцы. Надо помочь соревнованию твердо стать на ноги, точно определить взаимодействие моральных и материальных факторов. Специально созданный штаб под руководством заместителя секретаря парткома имел право потребовать от руководителя любого ранга отчета о ходе соревнования. Таким образом, развитие почина стало здесь заботой общезаводской.

Они сидели с Сашей в комитете комсомола и вместе готовили выступление Богомолова на завтрашнем пленуме райкома. Впрочем, больше подсказывал Валерий, а Саша вставлял цифры и технические термины. Судя по выступлению, все выглядело прекрасно: воспитание молодежи — основное в работе комсомольской организации; почин решили поддержать и принять меры к его распространению.

Пленум состоялся в мае, когда судьба Сашинго почина уже была ясна... А что касается воспитания молодежи, Валерий Сулье, секретарь комитета комсомола, мне позже говорил:

— Сложилась у нас определенная категория молодых рабочих, чувствующих себя чужими на заводе, не хозяевами, а гостями. В основном это выпускники училищ — они тут не работают, а отрабатывают до армии. После, за редкими исключениями, не возвращаются. Хотя заработки хорошие, работаем только в первую смену — есть условия для учебы. Значит, чего-то не хватает. А чего, не могу пока разобраться. О нас часто пишут: как планы перевыполняем, как повышаем качество электродвигателей, как внедряем стандарты. Все верно. Но, признаться, слишком мы привыкли к похвалам. А это иногда мешает дать объективную оценку себе.

Нет, Валерий не кривил душой, помогая Саше готовиться к пленуму. В самом деле: есть ведь на заводе традиции, есть комсомольцы, достигшие высочайшего уровня, связанные со своим предприятием не одной лишь записью в трудовой книжке. Но есть и другое: в одном цехе, например, тридцать четыре человека из ста не справляются с нормами выработки. Вот следствие того, что хороший и нужный почин Богомолова не был обоснован экономически, подкреплен организационно и, самое главное, не стал делом общезаводским.

культуру, в быт, в привычки». Так учил Владимир Ильич Ленин.

Горы в Усть-Куте просыпаются от рева вертолетов. Солнце еще прячется за вершинами, когда первые «восмерки» поднимаются в небо. А самым первым взлетает обычно комсомольский «МИ». Так здесь называют вертолет, подаренный казанцами строителям БАМа. Он получил постоянную прописку в Усть-Куте не случайно: город, заложный еще легендарным Хабаровым и три с половиной века служивший воротами на Север, стал нынче и воротами на Восток. Отсюда ведут отсчет бамовские километры.

Командует комсомольским экипажем летчик с красивой фамилией Заря. Вторым пилотом у него Юрий Визгалов, а бортмехаником — Володя Нечаев. Они

заняли первое место в соревновании молодежных экипажей и в награду за это получили подарок казанцев. Улетают же раньше всех потому, что и путь им предстоит самый дальний. Они перебрасывают грузы на Курлы и Уоян. Курлы лежат на самом берегу Байкала, и, чтобы добраться до мыса, надо пересечь хребет. Каждый день ребята дважды пролетают всю трассу Западного участка туда и обратно. С обеих сторон — ослепительные ледяные стены, впереди — безбрежная синь то ли неба, то ли Байкала.

Штурвал держит сам Виктор Заря, а когда мы вырываемся из белоснежных теснин на байкальский простор, передает управление Юрию.

— Казанцам от нас большой привет, — говорит Виктор. — Спасибо им за машину, а мы постараемся не подвести. Так и передайте...

МУЗЫКА ПОЛКОВАЯ

РАССКАЗ

Михаил БАРЫШЕВ

Податливый от многотонного пекла асфальт и бетонные стены пятиэтажек похляпали, как истопленная печь. Автомашины стреляли облачками бензиновой гари. Она мешалась с пылью, с прокаленным до наждачной шершавости воздухом, удушливо лезла в лицо и выжимала липкий пот.

Возле продавицы газированной воды, краснолицей и распаренной, томилась очередь жаждущих хоть единственного глотка обманчивой и скоротечной прохлады.

В жидкой тени подстриженных кустов маленького сквера, впечатанного в асфальт городской площади, лежала, вывалив из пасти красный лоскут языка, бродячая собака. Лишь присмотревшись, можно было угадать, что она еще жива, не доконала ее нестерпимая июньская жара.

В чахлах акациях, обступивших сквер, босоногие мальчишки добывали стручки и мастерили визгливые пищалки. Звуки их заставляли Сергея Витальевича вздрагивать.

Уже часа три он одиноко сидел на облезлой скамье и потерянно думал о нелепости собственной затеи, которая заставила тащиться чуть не за тысячу километров в город Зареченск, где он когда-то прожил всего четыре дня.

Голова раскалывалась от жары, от бессонной ночи на боковой вагонной полке, где проходящие цепляли узлами и чемоданами, а хромоногий, не в меру старательный проводник каждые полчаса выкрикивал над ухом названия очередных станций.

Хотелось пить. Но мысль, что для этого надо выйти на солнышек и торчать в хвосте раздраженных, дуреющих от жары людей, заставляла одолевать острое желание.

Очередной раз спасаясь от насюков солнца, Сергей Витальевич передвинулся на край скамьи и переложил с места на место чехол с баритоном.

Пятьдесят лет прошли рядом инструмент циммермановской доброй работы — певучая труба с лебедьим изгибом — и его хозяин, капитан в отставке Узелков. Немалая была та жизнь. Первые парады красноармейских рот. Шеренги бойцов в шинелях с малиновыми «разговорами» на груди, мушкетерскими, длинными, чуть не по локоть, острокопечными обшлагами. Вальсирующие пары на танцевальных площадках военных клубов, праздничные парады и колонны старательно топавших ополченцев сорок первого года. Была стрелковая дивизия, форсировавшая почти тридцать лет назад здешнюю реку и штурмом освободившая Зареченск. На городской площади, где сидел сейчас Сергей Витальевич, шли уполовиненные после атак батальоны, и им играл военный оркестр...

Не было тогда здесь ни пятиэтажек, ни сквера с акациями, ни kiosка с газированной водой, ни здания городского Совета с красным флагом на нарядном фронтоном.

Облезлая собака, спавшая под кустом, зевнула, поднялась и пошла мимо скамейки. Желтые глаза ее заискриваясь косили на Сергея Витальевича. Добрый пес чуял неприютность одиноко сидевшего человека и деликатно напращивался в компанию.

Сергей Витальевич усмехнулся, ощутив вдруг желание встать и брести вместе с псом куда глаза глядят. Выбраться из душного пекла городских улиц и очутиться на просторе полей, у реки. Устроиться там в прохладной тени и по-солдатски разделить с бездомным компаньоном пару бутербродов, прихваченных в станционном буфете.

Затем возвратиться в город, где прожил жизнь, где все было просто и ясно.

Все случилось неожиданно. Полгода назад Сергея Витальевича уложил в больницу приступ астмы — профессионального недуга музыкантов духовых оркестров. Врачебная комиссия категорически запретила играть на баритоне.

— Считайте, товарищ Узелков, что за пятьдесят лет вы уже все сыграли, — сказал очкарик-доктор, председательствовавший в комиссии. — Устанавливаем вам вторую группу. Баритон придется продать, или скажите жене, чтобы положила в сундук под крепкий замок.

Жена Сергея Витальевича умерла пять лет назад, а продать баритон он не мог. Да и не все еще было сыграно. В шкафу, на дальней полке, лежали ноты марша. Единственной вещи, написанной им за долгую жизнь.

После выхода из больницы дружки-музыканты из театрального оркестра, где он проработал почти два десятка лет, затащили Сергея Витальевича в павильон городского сада и уставили стол пивными бутылками.

— Теперь тебе не жизнь, а рай, Сергей.

— Точно! Настроил удочки и топай на Хопер за язями.

— На Малкинском кордоне клев сейчас — закачаешься!

— Солнце, воздух и вода — лучшее всякого труда... Жми на заслуженный отдых.

— Никаких тебе забот...

Сергей Витальевич тянул горьковатое пиво, слушал неестественно оживленную болтовню друзей, а в голове упорно кружились ставшие вдруг обидными слова: «Никаких тебе забот».

Как у лопуха под забором.

Возвратившись из павильона, Узелков достал папку, где лежал марш, и понял, что немедленно, сию же минуту должен ехать в далекий Зареченск.

Стрелка электрических часов добралась наконец до нужного деления. Узелков одернул пиджак, измявшийся за длинную дорогу, и подхватил чехол с баритоном. Знакомая тяжесть инструмента успокаивала, и Сергей Витальевич решительно зашагал к подъезду городского Совета.

В кабинете председателя окна были зашторены от солнца сиреневыми шторами и гудел, как муха, бюфетное стекло, электрический вентилятор. Лопасти его старательно месили воздух, не прибавляя ни капельки прохлады.

Председатель горсовета удивленно поглядывал на папку с оттическим лиры на блестящем дерматионе и вскинул на посетителя светлые глаза под густыми курчавыми бровями. Рука, державшая карандаш для резолюции, остановилась на полпути. Черные головастики нотных знаков, раскиданных по линейкам, были загадочны, как клинопись на музейных черепках.

Резолюцию на нотах писать было противостоительно.

Уловив замешательство, Сергей Витальевич пришел на помощь.

— Это марш... Марш на освобождение Зареченска. — Откашлялся, привычным движением

растопыренных сухих пальцев поправил очки и добавил: — Узелков... Бывший капельмейстер стрелковой дивизии.

— При чем тут стрелковая дивизия? У нас горсовет...

В день личного приема к председателю приходили просить жилую площадь, требовать ремонта протекающей крыши или благоустройства какого-нибудь окраинного тупика.

Но с жильем в Зареченске пока было туго, грязь после дождей разливалась в добром десятке тупиков, и крыша протекала тоже не в единственном доме. Поэтому чаще всего Сакулину приходилось, отводя в сторону глаза, говорить об ускоряющихся темпах жилищного строительства, о перегрузке дорожного треста и недостаточных ассигнованиях на ремонтные работы.

Если посетители обижались и называли Сакулина бюрократом, Иван Павлович тихоноко вздыхал и не обижался, считая это штатным неудобством должности, которую занимал уже десять лет и с которой бы с радостью ушел на прежнее место руководителя архитектурной мастерской.

Сейчас он посмотрел на папку с нотами и не знал, что сказать неожиданному посетителю.

Память вывернула из-под спуда времени октябрьский дождливый день давнего сорок третьего года. Слово наяву возникли дымные глазницы разбитых домов, кислая гарь от воронки, тупорылая машина, лежавшая на перекрестке вверх колесами, а возле нее блин распотанных бумаг. Вспомнился звон простреленной каски, скатившейся с кучи битого кирпича под ноги десятилетнему Ванюшке Сакулину, пробирающемуся напрямик через развалины туда, где играл оркестр.

В городе, где еще дымились пожары и валялись в развалинах необузданные трупы в зеленых и серых шинелях, звуки оркестра были столь необычны, что к Садовой улице бежали, тащились, шли все, кто уцелел, отсиделся от смерти в подвалах, в щелях и потайных местах.

Ванюшка Сакулин оказался у самого крыльца Дома культуры, развороченного фугаской.

В пяти шагах от него вершилась музыка. Барабанщик в шинели с подпалиной на боку размахивал колотушками и громыхал раскатисто-звонкими тарелками. Напрягая губы и скользя по клапанам умелыми пальцами, играл на трубе молоденький круглолицый ефрейтор. Степенно ухал контрабас усатого солдата в порванной ушанке, гремели тромбоны и валторны.

Этим невиданным чудом, заставившим сжаться от восторга мальчишеское сердце, управлял невысокий ростом, узкоплечий человек в шинели с мятыми капитанскими погонами. Он казался Ванюшке сильным и добрым волшебником, какие живут только в сказках, спасая людей от смерти, от бед и страданий.

У капитана были круглые очки. Дужка, обмотанная медной проволокой, плохо держалась, и очки сползали на нос. Улучив паузу, капитан поправил очки растопыренными пальцами. Этот обыденный жест помогал Ванюшке, заставлял верить, что все происходящее реально. Что это не сон, а явь.

С крыльца, засыпанного битым стеклом и рваными листьями горелого железа, неслись торжествующие, праздничные звуки. Они наполнили душу так тесно, что стало трудно дышать, но... принесли неожиданное облегчение. Слыша звучные марши, Ванюшка вдруг забыл, что дома ни крошки, что мать едва поднимается по утрам, что в сыром подвале вторую неделю не топили печурку. Впервые за много месяцев он поверил, что кончится война, возвратится с фронта отец, в магазинах будут продавать хлеб и ребята снова пойдут в школу.

— Так это вы тогда играли? — спросил Сакулин, сообразив, почему показалось знакомым темное, словно на иконе старинного письма, строгое лицо с прямым носом и глаза за круглыми стеклами очков. Светло-голубые, по-младенчески кроткие и простодушные. Лишь сухие морщины, исчеркавшие лицо, руки с натруженными венами и седая дымка редких, упрямо рассыпающихся волос говорили о годах, прожитых этим человеком.

Иван Павлович встал, подошел к Узелкову и взволнованно пожал руку, уже утратившую мужскую силу.

— Вы тогда оркестром дирижировали?

Сергей Витальевич кивнул, удивленный горячностью слов председателя...

Да, это играл его оркестр. Играл марш, написанный капитаном Узелковым в те дни, когда стрелковые батальоны с боями пробивались к городу.

В Зареченск оркестр пришел вместе с пехотой. Выполняя приказ начальника политотдела дивизии, Узелков разместил музыкантов на главной улице, на крыльце дома, от которого осталась лишь фасадная стена, испятнанная горелыми пробоинами. В боях при подножке патронов убило альта и ранило в руку тромбониста. Шальной осколок ссекнул по барабану, и его пришлось залатать кусочком кожи, срезанной с трофейного румынского седла. Тромбонист морщился от боли и фальшивил, трубача, простудившегося в осенней слякоти, бил кашель, сержант-барабанщик, успевший где-то приложиться к фляжке, сбивал ритм.

За такую игру музыкантов следовало посадить под арест, а капельмейстеру объявить выговор в приказе по дивизии. Но исхудавшие, измученные до смертной тоски люди плакали, слушая музыку. Бойцы стрелковых рот старательно топали по искромсанному взрывами асфальту, а командир дивизии остановил возле крыльца «виллис» и, приложив руку к козырьку генеральской фуражки, объявил оркестру благодарность. Пожалуй, один Сергей Витальевич понимал, что не прозвучал, как мог прозвучать в исполнении военного оркестра, его марш, написанный в блиндаже под накатом сырых бревен в короткие часы затишья.

— Меня вы, конечно, не помните, — оторвал от воспоминаний голос председателя горсовета. — Пацаном я тогда... Я ваш оркестр дотемна слушал... Потом, помните, дождь начался. Не узнаете?

Сергей Витальевич вглядывался в лицо собеседника — крупный прямой нос, темные мохнатые брови.

— Не узнаю, простите.

Сергею глаза председателя, в упор уставленные на Сергея Витальевича, откровенно огорчили. Тронув большой белой ладонью папку и подошел к окну.

— Ну и бог с ним... Всего человеку не упомнить...

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Сакулин смотрел на городскую площадь, где давным-давно не было того крыльца, на котором играл оркестр стрелковой дивизии. Ни к чему сейчас рассказывать Узелкову о голодном мальчишке, который слушал игру оркестра стрелковой дивизии и больше всего на свете не хотел, чтобы она кончилась. Казалось, стоит оборваться музыке, и в душу снова придет война, которой страшилось неокрепшее мальчишеское сердце. Когда стал накрапывать дождь, и оркестр закончил игру, Ванюшка побрел за музыкантами, утешаясь блеском труб, которые они несли, повернув вниз раструбами, и видом залатанного гулкого барабана.

Ежась под дождем, мальчишка брел по темнеющим разбитым улицам вслед за оркестрантами, завороженный чудом дня, неожиданным праздником, выпавшим среди горестей жизни.

Потом его приметил капитан. Остановился, подозвал к себе и спросил, почему он идет за ними. Объяснить было сложно, а простого ответа не находилось. Мальчишка стоял, опустив голову, и молчал. Капитан сказал, чтобы он шел домой, потому что скоро стемнеет и пойдут комендантские патрули.

— Ага, я пойду,—согласился Ванюшка, хотя ему не хотелось возвращаться в погреб, где на осклизлых стенах расплзлась плесень, капало с потолка и мать тряслась в ознобе под грудой лохмотьев.

Капитан приметил худобу непонятно зачем привязавшегося к оркестру мальчугана, сунул руку в карман шинели и вытащил сухарь. Ржаной, сыто пахнущий хлебом, подуманный так аппетитно, что в рот набежала слюна.

— Держи! Считай, что заработал допнаек,—сказал капитан.—Расколошматим фашистов, к вам в город с оркестром прикачу и такой концерт устрою, что все...

Сакулин поверил тогда капельмейстеру стрелковой дивизии и долго помнил сказанное. Потом подрос и узнал, что люди говорят друг другу много необязательных слов, которые легко и просто забывают.

— Здорово вы играли, Сергей Витальевич!

Узелков махнул рукой, но протестовать не стал. Что может понимать в музыке человек, растерявшийся при виде нот?

...«Музыка полковая...»—так писали мудрые поэты, умевшие чувствовать взыскательной душой обаяние звонких военных труб и дробы барабанов на строгих плацах. Их возвышенные умы понимали власть музыки над человеческими душами. Как и хорошие стихи, она умела подчинять, радовать и огорчать до молчаливых слез.

От липкой духоты кабинета стала подкатывать знакомая дурнота. Сергей Витальевич торопливо расстегнул воротник рубашки, кинул в рот белую таблетку и благодарно взглянул на Сакулина, подаившего стакан с водой.

— Астма. Теперь уже сам играть не могу... Марш вам привез. Скоро юбилей освобождения Зареченска... Понимаете?

Иван Павлович кивнул, хотя и не очень понимал, что хочет сказать бывший капитан Узелков.

— У вас городской оркестр есть?

Наморщив лоб, председатель стал припоминать. Десяток музыкантов играло в кинотеатре «Старт». Был оркестр в новом ресторане—несколько бородатых парней с электрогитарами и какими-то загадочными ящиками, от которых во все стороны тянулись провода. Пионеры на сборах трубили в горны. Прошлый год колонна машиностроительного завода вышла на демонстрацию с оркестром.

— Есть оркестр,—ответил Сакулин, понимая, что не может огорчить старого музыканта, приехавшего чуть не за тысячу километров.

— Я предлагаю на юбилей освобождения города сыграть мой марш.

— Ваш марш?

— Да,—подтвердил Сергей Витальевич и, встревоженный вопросом, заторопился:—Я сам буду заниматься с музыкантами. Разучим и сыграем. От вас нужна только моральная, так сказать, поддержка... Я на пенсии, времени много... Вы только представьте себе, товарищ Сакулин,—большой концерт на площади и марш на освобождение города... Это же... большое дело, так сказать. Вот мы часто о патриотическом воспитании...

— Понятно, Сергей Витальевич,—улыбнулся Сакулин, останавливая сбивчивые слова.—Конечно, было бы здорово.

Он нажал кнопку и попросил вошедшую секретаршу соединить его с товарищем Забарой.

— Галина Остаповна у нас культурой завораживает,—объяснил он Узелкову.

Просторный номер, куда Галина Остаповна поселила Узелкова—с видом на реку и ванной комнатой, сверкающей белоснежным кафелем,—был прожорлив, как колорадский жук на картофельном поле. Оплатив очередной раз гостиничный счет, Сергей Витальевич обеспокоенно пересчитывал тающие финансы. Уже две недели он жил в Зареченске, а дело, по существу, не стронулось с места.

Ресторанные музыканты: скрипка, бас-гитара и саксофон — явно не подходили для исполнения марша на освобождение Зареченска.

Поджарые, как племенные гонимые, ребята в оранжевых рубашках, игравшие в кинотеатре «Старт», сухо встретили Сергея Витальевича, явившегося в сопровождении товарища Забары.

— Что ж, ритмик вроде есть, — сказал руководитель оркестра, промурлыкав ноты, принесенные Узелковым. — Мелодия тоже нащупывается... Можно попробовать. Но в таком виде не пойдет.

— Почему не пойдет? — удивился Сергей Витальевич.

— Слушать, папаша, не будет. Теперь у людей другие запросы. И Чайковского не всегда принимают. А это, извините, все-таки не Шестая симфония. Осовременить требуется... Дать, например, в духе «Ролинг стоунс»... Это, Галина Остаповна, прогрессивная английская музыкальная группа. В переводе: «Катящиеся камни». У нее, конечно, есть своеобразие... Пожалуй, еще лучше подойдет манера Поля Мориа...

Сергей Витальевич взял ноты и медленно пошел к выходу.

На машиностроительном заводе оркестра не оказалось.

— Развалились, — объяснили в завкоме. — Ревизор записал в акте, что незаконно выплачиваем зарплату руководителю. Он у нас был оформлен разметчиком механосборочного. Инструменты в ремесленное училище передали.

— Пойдем в ремесленное, — решительно заявила Галина Остаповна.

В ремесленном училище Сергей Витальевич неожиданно встретил любителя духовой музыки. Уединившись в дальнем конце коридора, остроносый и тонкошей подросток старательно выводил рудавы на трубе. Слух у него был, и музыку паренек чувствовал, но выразить ее не умел и при очередном переходе сорвал ноту.

— В кладовой инструменты, — хмуро объяснял Толька Макогон в ответ на расспросы. — В бас наш завхоз мыло складывает, а трубу мне под расписку выдал. Если, говорит, испорчу, по суду с меня будут взыскивать.

— Придется вам все заново организовывать, Сергей Витальевич, — сказала Забара, стяхнув пылинку с ворота ярко-красного джерсового костюма. — Соответствующие указания по линии горсовета мы обеспечим. А остальное — ваша забота.

— Моя, — согласился Сергей Витальевич и облегченно вздохнул, когда удалась Галина Остаповна, старательная и дисциплинированная.

В музыкальный кружок записывались охотно, и почти месяц клуб ремесленного училища оглашался разномастными звуками, от которых Сергея Витальевича бросало то в жар, то в холод.

Затем на занятие не пришли два похожих на братьев крепыша, игравшие на тромбоне и на альтовой трубе.

— Сегодня наши встречаются с областным «Спартакком», — хмуро объяснил Толька Макогон, выбранный старостой кружка.

Вслед за крепышами исчез барабанщик, слесарь-сантехник, тощий и костлявый, как суковатая жердь.

— Наверное, паразит, на пляж утянулся, — зло сказал Толька. — Утром его зазноба с подружкой туда подались. Давайте, Сергей Витальевич, я съезжу, найду его. Нельзя же без барабана репетировать.

— Не надо, Толя. К музыке веревкой не привяжешь.

— Это верно... Обижаются ребята. Обещали, говорят, марш учить, а мы до сих пор до ре-ми наяриваем... Надоели гаммы до чертиков!

Сергей Витальевич слушал старосту кружка и думал, что у молодых есть две главные слабости. Или они хотят сразу объять весь мир, или считают, что ничего в мире сделать им не удастся. Первой слабостью страдают много чаще. Потому не выйдет толку с ремесленной вольницей, у которой в голову каждый день дуют новые ветры.

Да и не нужны ребятам горькие звуки войны, о которой они знают лишь по книгам и кинофильмам. Не нужен отставной капельмейстер, прикативший в город, чтобы потешить на склоне дней дешереволюбие самолюбие несостоявшегося композитора.

Сергей Витальевич поправил очки и сказал, что занятия кружка прекращаются.

На другой день он пересчитал деньги и решил, что возвратится в родной город и станет тянуть без забот и придумок пенсионную жизнь. Ловить на моченый горох язей у Малкинского кордона, пить пиво с друзьями из театрального оркестра и читать истрепанные детективы.

Но в номер пришла Галина Остаповна в сопровождении Тольки Макогона и заявила, что не ожидала от товарища Узелкова подобного самоуправства, что его непродуманное решение является саботажем важного воспитательного мероприятия и ставит под угрозу план, утвержденный горсоветом.

— Какой план? — ошарашенный наскомом Галины Остаповны, спросил Узелков. — Я, простите, нахожусь на пенсионном положении...

— Все мы находимся на пенсионном положении, — не очень удачно отпарировала Забара. — Есть план подготовки к юбилею освобождения Зареченска от фашистов. Ваш оркестр в нем значится отдельной строкой. Вы на пенсионном своем положении укатите из города, а мне за срыв плана отдуваться! Я, между прочим, женщина...

Доводы были не совсем понятны, но Сергей Витальевич ощутил робость перед Галиной Остаповной.

— Но у меня же оркестра нет! Двое на футбол удрали, один на пляж...

— Странный вы человек, Сергей Витальевич. Говорите о каких-то пустяках, когда есть четкая директива... Ну, случилась небольшая недоработка, так это же в наших силах поправить! Галина Остаповна энергично щелкнула замком объемистого портфеля.

— Вот, подобрали мы вам людей с машиностроительного. Серьезные товарищи, с занятий убежать не будут. Общественность с ними беседовала. Иван Павлович лично просил меня передать, что будет оказывать содействие.

Сергей Витальевич слушал рослую женщину с красивыми карими глазами, сердился на нее и завистливо думал, что ему всегда недоставало в характере такого напора и энергии.

Новых музыкантов оказалось пятеро: валторнист — бухгалтер из расчетного отдела со старомодным пробором в жидких волосах, щеголеватый инженер-технолог с саксофоном, два токаря-тромбониста и старший брат Тольки Макогона, игравший на баритоне.

Сергей Витальевич послушал в их исполнении штраусовский вальс, сдержанно похвалил и сказал:

— Начнем гаммы... Кого это не устраивает, может быть свободным.

Бухгалтер пригладил пробор и покладисто улыбнулся Узелкову.

— Гаммы так гаммы. Вам лучше знать.

Смущенный невольной резкостью собственного тона, Сергей Витальевич извинительно добавил:

— У меня из-за гамм кружок разбежался.

— То зелен была, — откликнулся саксофонист. — Барабанщика я на себя беру. Он в соседнем со мной подъезде живет. С детского сада знаю.

На следующее занятие в дверь бочком проскользнул барабанщик, виноватый и, видно, воспитанный общественностью. Уселся на место и принялся старательно орудовать колотушками. Из свеса записавшихся в оркестр прирожденным музыкантом был один Толька Макогон. Он без усталости играл гаммы. Минорные и мажорные, хроматические и целотонные. Он купался в их стройных звуках, с каждым разом все глубже ощущая музыку, воспринимая ее мудрый строй, напевные сочетания семи простых звуков, из которых были сложены и «Аппассионата», и «Евгений Онегин», и марш отставного капельмейстера Узелкова.

Наконец Сергей Витальевич вручил музыкантам ноты марша.

Когда человек по-настоящему любит музыку, это сразу заметишь по написанным им нотам. По

четкой вязи хвостатых значков, по изящной округлости ключа... Даже чернила для нот Сергей Витальевич употреблял особенные, самолично сваренные из зеленых дубовых орешков. Такими чернилами писали еще в боярских приказах. Они не выцветают на бумаге и до века.

Марш на освобождение Зареченска был разучен и сыгран в присутствии Галины Остаповны, пристально надзиравшей теперь за оркестром. Стоя на сцене красного уголка ремесленного училища, Сергей Витальевич дирижировал оркестром. Громкие звуки бравадно неслись по коридорам, выплескивались в распахнутые окна, заставляя оглядываться прохожих.

Товарищ Забара покровительственно кивала лакированной «бабеттой», глаза ее довольно жмурились, а пальцы с ярким маникюром отбивали такт на искусственной коже портфеля, в котором лежал план мероприятия. Руководитель отдела культуры мог теперь с полным основанием поставить в соответствующей строке его дорогую сердцу «птичку».

— Не то, — сказал Сергей Витальевич и, по-стариковски сгорбившись, сошел со сцены.

— Как не то? Все прекрасно, товарищ Узелков. Звучит!

Сергей Витальевич слушал Галину Остаповну и думал, что смыслит она в музыке гораздо меньше, чем Толька Макогон, на странный взгляд которого Сергей Витальевич наткнулся к концу исполнения собственного марша. Взгляд, который заставил Узелкова тропливо сойти со сцены.

— «Деревянную группу» надо подключать, Галина Остаповна... Пару флейт, кларнет, гобой нужен, фэготы...

Сергей Витальевич загибал один за другим пальцы, и с каждым словом отчужденнее становилось лицо товарища Забары. Затем она осведомилась, сколько будет стоить «деревянная группа».

— Поначалу, полагаю, можно обойтись полтора тысячами рублей.

— У меня в смете такие ассигнования не предусмотрены. Не забывайте, что наш Зареченск областного подчинения, — сухо сказала Галина Остаповна и крепче ухватила портфель, словно оберегая от нахального наскака казну отдела культуры.

Утром Сергей Витальевич пришел в горсовет и попросил доложить председателю, что его хочет видеть капельмейстер городского оркестра. Секретарша, удивленная пыльным титулом узкоплечего старика, послушно отправилась к двери, обитой нарядным пластиком.

— Знаю, — коротко сказал Сакулин. — Нет денет, Сергей Витальевич. Вообще в нашем бюджете не предусмотрено ассигнований на городской оркестр. Рад бы всей душой помочь, но не могу.

— Понимаю, — откликнулся Сергей Витальевич. Вспомнил напористость Галины Остаповны и поерзал в кресле, усаживаясь поглубже. — Понимаю, что деньги не положены. По смете. А по совести как? Мы три месяца гаммы до седьмого пота разучивали... Для себя, что ли, старались?

— Тут другое дело...

— Одно дело, Иван Павлович. Наше общее. Беречь и чтить память тех, кто погиб... Юбилей на носу, а мы, извините, торгуемся, как базарные перекупщики из-за мешка картошки... Память о тех, кто жизнь свою ради людей отдаст, стоит миллионы...

Сергей Витальевич говорил, удивляясь решительности собственного тона.

Сакулин слушал, крутил в пальцах цветной карандаш и запоздало жалел о собственной слабости, накатившей при первой встрече с Узелковым. Сентиментальные воспоминания о военном детстве оборачивались требованием выдать деньги на непонятную «деревянную группу»... Полторы тысячи рублей! Как раз хватит, чтобы отремонтировать читальный зал городской библиотеки, где с потолка уже осыпается штукатурка.

— Не дороговато ли обойдется, Сергей Витальевич, ваш марш?

Узелков съехался в кресле и передернул плечами, словно в кабинете потянуло сквознячком.

— На мой марш, товарищ Сакулин, ни копейки мне не надо... Не буду я его играть.

— Как не будете?.. Из-за чего же тогда весь огород городим?

— Городим, — согласился Сергей Витальевич и поглядел на председателя виноватыми глазами. Сквозь стекла очков заметно выделялись старческие красноватые прожилки на выпуклых белках. — Не получилось у меня марш... Сыграли вчера, и стало ясно. Так, пустозвонство и раздражительность... Медный таз тоже звучит, если по нему палкой ударить...

Вчера вечером, возвратившись с репетиции, Сергей Витальевич разложил ноты марша и мысленно «проиграл» его, придирчиво вслушиваясь в каждый аккорд. Старательно выискивал в сочетаниях нот, раскиданных по линейкам, то, что являлось музыкой. Настоящей музыкой, которую единственно признавал Узелков, которой служил всю жизнь, отдавая себя без остатка.

Все было звучно и складно. Не хватало в марше лишь одного — души. Того неуловимого и главного, что отличает цветную фотографию от картины, что ставит человеческое творение выше механической поделки самой хитрой машины. Не одна, не две ошибки прятались в россыпи нот. Найти их Сергей Витальевич не мог. Глядел и тоскливо думал, что «деревянная группа» ничего не исправит. Того, чего нет, нельзя достигнуть ни напевами звучных флейт, ни тревожным тембром фэготов, ни рудавами гобоев и кларнетов.

Обманул Сергей Витальевич людей собственным маршем. Попусту заставил тратить время и силы на то, что оказалось складенькой пустышкой.

Решение пришло лишь под утро.

— Вам первому говорю, Иван Павлович, — тихо продолжил Узелков, расстегнул воротник рубашки и кинул в рот таблетку. — Опять что-то прижимать стало... Такая вот история. Вы мне первый поверили, вам первому и выложил правду.

— Зачем же тогда деньги просите?

— Деньги в самом деле нужны. На Чайковского, на Шостаковича, на городской оркестр... О вас же думаю. Мне с моей астмой долго не протянуть. А у вас лет через пять не только квартиры будут просить. За другое начнут на сессиях мылить голову. Как, мол, так? Город без оркестра живет. Почему председатель не побеспокоился? Вам же придется лезть на трибуну и каяться... Бетховен говорил, что музыка — это народная потребность. Председателям горсоветов надо теперь знать изречения великих людей. Цель искусства не сладкие грезы, а реальная жизнь, и музыка — универсальный язык человечества. Это, между прочим, слова Роллана...

Сакулин осторожно положил на стол карандаш и с силой потер подбородок.

— В наше время надо смотреть на десять лет вперед...

— Городской бюджет только на год вперед утверждают. — невесело откликнулся Сакулин, уже понимая, что никуда не уйти от слов Узелкова, сидевшего в кресле с такой обстоятельностью, словно время их беседы было неограничено.

Иван Павлович взгляделся в Узелкова и приметил, что глаза его полны упрямого голубеющего блеска, что в них светятся вызов и неожиданная сила, вдруг пробившаяся, чтобы защитить то большое и единственное, ради которого Сергей Витальевич жил теперь на свете.

В памяти снова выплыл далекий октябрьский день и звуки военного оркестра на ислехстанной снарядами улице. Жрать ведь было нечего, а оркестры играли. И Сакулину музыка того дня запомнилась крепче подаренного сухаря.

— Без денег вперед не заглянешь. На меня и так каждый чуть не с дубьем кидается. Одному то, другому это. Вынь да положь, товарищ председатель.

— Значит, не дадите денег на «деревянную группу»?

— Да. Не хотел давать, а теперь дам. Бетховеном и Ролланом вы же меня под корень... Пока на сессии музыку запросят, с меня за нарушение сметной дисциплины десять шкур успеют спустить. — Сакулин улыбнулся. — Потерплю во имя будущего... Разорите вы теперь меня со своим оркестром. Раз палец дал, теперь руку оттяпаете.

Сакулин набросал несколько строк в блокноте и с хрустом выдрал листок.

— Вот, идите в горфо. Я позвоню.

За дверью кабинета Узелков почувствовал, как он устал. От неудачной репетиции, от бессонной ночи, от разочарования в собственном творении, от волнений и разговоров. Стучало в висках, ноги были деревянными, и грудь перепоясывал тугой обруч. Сергей Витальевич облизал сохнувшие губы и подумал, что наверняка опять его уложит в постель приступ астмы, что не по годам и не по силам уже ему такие хлопоты. Но сам взвалил их себе на плечи и обязан был теперь донести нелегкий камешек до положенного места.

Хотелось поскорее выбраться из душного горсоветовского коридора, но в руке была записка и нужно было идти в горфо.

Освободился Сергей Витальевич часа через три, после утомительного хождения по кабинетам, где распоряжение председателя украсилось десятком «виз». Среди них была и подпись Галины Остаповны, не очень довольной самодеятельными хлопотами Узелкова, который, сам того не ведая, умалял авторитет товарища Забары.

У выхода из горсовета Сергея Витальевича дождался Толька Макогон. Увидев руководителя кружка, он проворно погасил сигарету и поспешил навстречу.

— Не дали? — напрямик спросил он. — У нас так... Дадут! Дадут! Дадут да еще дадут.

— Ну и язва же ты, Анатолий, — качнул головой Сергей Витальевич и показал бумажку с визами. — Читай... Полторы тысячи на «деревянную группу».

— Теперь сыграем так сыграем!

— Конечно... Завтра начнем разучивать Чайковского.

— А марш?

— Не будет марша, — тихо сказал Узелков и оглядел площадь, угадывая место, где давным-давно стоял дивизионный оркестр. — А верней сказать: не было его.

Толька вскинул на старого капельмейстера темные и тугие, как спелые вишни, глаза. В них было внимание и был вопрос.

— На свете есть много настоящей музыки. Будем учить Чайковского, Бетховена, Шапорина... Музыка не любит фальши, Толя. Она не приемлет ее в своей основе.

Сергей Витальевич говорил и ощущал, как исчезает чувство внутренней вины перед Макогоном, перед оркестрантами, перед Сакулиным и Забарой.

Открывшимся вдруг внутренним зрением он по-иному глядел на себя и по-иному оценивал זאתею с поездкой в Зареченск.

Марш был лишь поводом, неким толчком, стронувшим с насиженного места. Сейчас Сергей Витальевич просветленно думал, что он нашел себя в пенсионном горьком одиночестве. Не согласился жить, как лопух под забором, а понял, что может помочь людям. Это ведь так славно, когда можешь помочь другим. Разобраться, так это главное, ради чего живут на земле.

— Когда у нас репетиция?

— Завтра, Толя. В то же время. И давай договоримся, кто поедет со мной инструменты покупать.

— Я поеду, — решительно и твердо сказал Толька. — Я на флейте хочу научиться играть...

Узелков положил руку на костлявые плечи Толи Макогона и подумал, что прибавится ему еще одно дело.

Взволнованный и напряженный, стоя на виду у людей, собравшихся на площади, Сергей Витальевич сообразил, что помост, на котором расположился городской оркестр, сооружен на том месте, где когда-то было крыльцо, уцелевшее от разбитого Дворца культуры.

«Спасибо тебе, Иван Павлович... Душевное тебе спасибо, дорогой человек!» — думал Узелков, оглядывая море лиц, знамена и транспаранты, строй красногалстучных пионеров возле чугунной чаши, в которой желтыми языками полоскался неугасимый огонь человеческой памяти, безмолвно трепещущий среди неподвижных людей.

Октябрь уже оголял деревья. Проредились подстриженные кусты, и легкие, источенные ночными заморозками листья тихо сваливались с колючих акаций. Трава отяжелела, приклонилась к земле, и на клумбах прощально отцветали лиловые флоксы.

Бездомный пес с желтыми глазами, удивленный человеческим скопищем, бродил по краю площади, помахивая хвостом и просительно заглядывая в лица. Узелков подумал, что после концерта он поманит бездомную дворнягу, встревоженную подступающими холодами, уведет ее с собой, чтобы она не чувствовала неприютности и не потеряла веры в человеческую доброту.

Поправив шелковую бабочку на накрахмаленной рубашке, Сергей Витальевич постучал по лопитру и недовольно поглядел на Макогона-старшего, нечаянно скрипнувшего стулом.

Повинуясь жесту дирижера, плеснулась над площадью музыка, наполнив все окрест тревожными, грозно нарастающими аккордами. Звуки обгоняли друг друга, перекликались в ускоряющемся ритме, подступали набатным уханьем барабанов и гулками ударами медных тарелок. Наваливались, предвещая опасность, надвигающуюся беду. От звуков нельзя было спрятаться, убежать. Они заполняли все вокруг до отказа, раскатывались по улицам, улетали к низким, по-осеннему тяжелым тучам, проникали в каждую щелку. Казалось, мир от края до края состоит из тупого ритма барабанов, давящего уханья басов, неукротимо громяющих тарелок.

Сакулин вновь увидел себя, десятилетнего парнишку, оглушенного воем самолетов, разрывающими бомб, напуганного зрелищем пожаров, увидел солдата с трясущимися руками и с забинтованной головой, которому он вынес кружку с водой. Солдат единым духом выпил воду, вытер губы тыльной стороной грязной ладони и хрипло сказал в ответ на испуганный взгляд мальчика: «Такая силища прет! Разве танк винтовкой остановишь?»

Резкими взмахами рук Сергей Витальевич взвизгивал и взвизгивал мелодию, делал беснующуюся какофонию звуков столь нестерпимой, что Сакулину захотелось кинуться к оркестру и остановить, прекратить натиск тупых торжествующих звуков.

Сергей Витальевич чуть повернул голову, выискивая глазами Тольку и предупреждающе кивнул ему. Толька перевернул лист с нотами, прижал к губам потный мундштук, до отказа вобрал в себя воздух и прорезал беснование басов и удары барабана серебряно звенящей нотой. Он взял ее самозабвенно, подывая одухотворенное, подвластное сейчас лишь музыке лицо, высоко вскинув легкую и неожиданно звучную трубу.

Ноту смело и дружно подхватила «деревянная группа» — гобои, флейты и кларнеты. Подхватил певучий английский рожок и циммермановский баритон Макогона-старшего, наполнив ее звучание силой и страстностью.

Но медная вакханалия не хотела сдаваться. Упрямо насканивала на трубу и баритон, на фэготы и кларнеты. Хотела смять их, опрокинуть, расплющить уханьем барабана и звоном тарелок.

Иван Павлович ощутил борьбу звуков в оркестре так остро и близко, что у него похолодела спина. Он знал, что труба должна победить, но всякий раз, когда гром тарелок рвал на куски напевную мелодию, ему становилось боязно, и он с надеждой глядел на движения чутких, все понимающих рук дирижера.

Звук трубы креп, привольнее разливал мелодию, и больше голосов приходило ей на помощь. Звучнее слышались гобои, кларнеты и английский рожок. Переменили пение валторны, и громкоголосые тромбоны стали отходить от ухающего барабана и тарелок.

Просторнее и плавнее двигались руки дирижера. Старенького, страдающего астмой, со смешным, старомодным бантом на рубашке. Повелевающего сейчас тысячами человеческих душ.

Когда он резким взмахом оборвал музыку, на площади возникла напряженная тишина.

«Провалились», — тоскливо подумал Сергей Витальевич.

Удивленно глядел на молчащих людей Толька Макогон, потерянно опустил колотушки барабанички, и бухгалтер-валторнист полез в карман за носовым платком.

Галина Остаповна сделала шаг в сторону председателя горсовета.

И в это мгновение площадь взорвалась аплодисментами.

Лорина ДЫМОВА

Гармонист

*«Играет странный гармонист,
закинув голову высоко».*

Б. Корнилов

*Колес утихли перестуки,
погас блуждающий огонь.
И полную пригоршню звуков
из тьмы мне бросила гармонь.*

*Я снова вздрогну от заклатья
тягучих нот, певучих брызг,
и снова захочу узнать я,
кто этот странный гармонист.*

*Кто он, что в праздники и в будни,
из года в год, из века в век
такие звуки дарит людям?
Кто этот странный человек?*

*Его, наверно, я встречала,
кто знает, раз, а может — пять,
но он смолчал, и я смолчала
и не смогла его узнать.*

*В чужое сердце кто заглянет?
В своем — и то не разберешь,
что так его внезапно ранит —
какая страсть? Какая ложь?*

*В поселке маленьком и тесном
по крышам бродит лунный свет,
и удивительные песни
поет какой-то человек.*

*Гармонь хохочет, как шальная.
Весенний воздух тих и чист.
И никогда я не узнаю,
кто этот странный гармонист.*

По старому адресу

*Новый снег —
он занес все дороги,
и больше мои заблудились
и больше к тебе не придут.
Новый голос*

*(он глуше
и нежнее твоего)
мне новые шепчет слова
(ты таких и не знаешь).
И новая нежность во мне родилась.
И бегу я навстречу к нему
по другой
(тебе неизвестной)
тропинке.*

*...Но по старому адресу мысли
все летят и летят.
И сны
все никак не забудут
окна твоего...*

*...И ноющая боль пройдет
при ярком свете дня.
И жизнь, полным-полна забот,
нахлынет на меня.*

*Обычный день, знакомый шум,
привычные дела.
И тяжесть самых разных дум
уйдет — как не была.*

*Услышу, как смеется сын —
насмешник и буян.
Пойду за хлебом в магазин
и позвоню друзьям.*

*И позабуду про тебя —
беспечно и светло.
И станет вновь судьба моя
прозрачной, как стекло.*

*Привычной жизнью, как шитом,
я заслонюсь от бед.
...Но это будет все потом,
когда придет рассвет.*

*Воздух знойный и горький,
горячее огня.
Эй, рыбак на моторке,
подвези-ка меня!*

*Мне совсем недалеко —
вон домишко стоит,
и труба над осокой
деловито дымит.*

*Мне туда и обратно,
не дорога — пустыя.
До чего же ты статный,
белозубый рыбак!*

*Нам до места доехать
ровно десять минут...
Да постой, мне не к спеху.
Там меня подождут!*

*По волнам, как по горкам.
Ветер острый — как нож.
Лодка, лодка-моторка,
ты куда нас везешь?*

*Пароходные трубы
голосят над рекой.
И рыбак белозубый
машет чайкам рукой.*

*И кукушка над Волгой
принялась нам гадать.
Ах, как долго, как долго
ей еще куковать!*

Моя осень

*Откуда в сердце эта тишь,
что музыку напоминает?
Я вижу, как с холодных крыш
лучи осенние свисают.*

*Они ложатся на кусты
и на печальные осины.
И птиц прощальные кресты
забрестили в бездонье синем.*

*И как чеканный золотой,
упал с осины лист червонный,
ударясь об асфальт седой
с беспомощным коротким звоном.*

*И утру медленному лень
с деревьев смуть густую проседей...
Сегодня необычный день —
в меня вошла сегодня осень.*

*Исчезли суета сует
и недомолвок сложный ребус.
Остался только белый свет,
сливающийся с белым небом.*

*Да в глубине любимых глаз
опять возникшее свеченье...
Я знаю, осень каждый раз
приносит людям очищение.*

*Как вновь рожденный, ты стоишь
и видишь мира бесконечность.
...Так вот откуда эта тишь —
я просто заглянула в вечность.*

*Дрожащий дождь,
раздетый и разутый,
устало бродит по лесным тропинкам.
У капель не раскрылись парашюты,
не превратились капельки в снежинки.*

*И насмерть разбиваются о камни,
холодный воздух молча разрезая.
А я ловлю их теплыми руками,
я хоть немногие из них спасаю.*

Дороги, соединяющие эти две горы, имеют запутанный, извилистый, извилистый и запутанный характер. В долине, оставшейся, станция Звенигородская и Бульвары — немалый пейзаж, приспосабливаясь к этой местности. Подняться к вершинам можно только пешком, и это требует от нас особого внимания. Мы идем по дороге, вырубленной в скалах, и вдали от цивилизации. В долине, оставшейся, станция Звенигородская и Бульвары — немалый пейзаж, приспосабливаясь к этой местности. Подняться к вершинам можно только пешком, и это требует от нас особого внимания. Мы идем по дороге, вырубленной в скалах, и вдали от цивилизации.

В долине, оставшейся, станция Звенигородская и Бульвары — немалый пейзаж, приспосабливаясь к этой местности. Подняться к вершинам можно только пешком, и это требует от нас особого внимания. Мы идем по дороге, вырубленной в скалах, и вдали от цивилизации.

Создание Большого азимутального телескопа — крупнейшего телескопа мира — это результат развития нашей науки и техники, итог достиже-

тия науки, техники и искусства. Создание Большого азимутального телескопа — крупнейшего телескопа мира — это результат развития нашей науки и техники, итог достиже-

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора

ЗВЕЗДЫ-ЗЕМЛЕ

ний в различных областях оптики, механики, радио- и телесистем, вычислительной техники. Астрономия, достигшая больших успехов за последние десятилетия, выдвинула перед конструкторами и учеными требования создать более совершенные инструменты исследования Вселенной, ее окраин. — говорит директор Специальной астрофизической обсерватории Академии наук СССР, доктор физико-математических наук Иван Михеевич Копылов. — Наш телескоп на сегодняшний день — совершеннейший, уникальный комплекс аппаратуры, предназначенный для того, чтобы расширить видимые пределы Вселенной.

откинутае забрало купола нацелится на нужный участок звездного неба, медленно и бесшумно раскроются защитные лепестки-ресницы, и зоркое земное око устремит свой взор к далекой звезде.

Представьте себе огромную, почти в тридцать квадратных метров площадь зеркала, которая по сложному профилю должна быть отшлифована с допустимыми отклонениями не более десяти тысячной доли миллиметра. Зато теперь таким зеркалом можно увидеть свет обыкновенной свечи с расстояния в двадцать пять тысяч километров.

Я попросил ребят, молодых инженеров и астрофизиков, произвести

расчеты, чтобы можно было яснее представить мощь и зоркость зеркала. Вот они: чтобы телескоп мог увидеть Солнце на границе своей видимости, Солнце нужно удалить на расстояние пятисот тысяч световых лет. А если направить телескоп на Солнце (что, разумеется, совершенно недопустимо) при реально существующем расстоянии, то в фокусе зеркала за одну секунду выделилось бы количество энергии, достаточное для того, чтобы нагреть до кипения и превратить в пар полстакана воды. Так зеркало «уплотняет» падающую на него энергию, в том числе и световую.

А теперь о способности различать

Москва 1890 м
Ленинград 2620 м
Ростов-Дон 540 м
Горький 2190 м

БОЛЬШОЙ АЗИМУТАЛЬНЫЙ ТЕЛЕСКОП ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ — КРУПНЕЙШИЙ В МИРЕ — УВЕЛИЧИЛ ДЛЯ АСТРОНОМОВ ВИДИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ВСЕЛЕННОЙ.

предметы на расстоянии, четкости изображения. Если бы можно было по прямой, соответствующей расстоянию между обсерваторией и Москвой, направить телескоп на город, то на улицах Москвы удалось бы пересчитать идущие машины.

Создание зеркала-гиганта — уникальный эксперимент, осуществленный Ленинградским оптико-механическим объединением, Лыткаринским заводом оптического стекла и Государственным оптическим институтом имени С. И. Вавилова, случаи, не имеющие аналогов в мировой практике. Самый крупный из существующих телескопов на горе Паломар (США) имеет пятиметровое главное зеркало. Это зеркало иногда называют «бешеным», «нервным». Относительно тонкое стекло тела зеркала весьма чувствительно к температурным колебаниям. Неравномерность нагрева его площади на один градус вызывает значительные искажения изображения. Зеркало БТА было решено сделать более массивным, менее чувствительным к колебаниям температуры окружающей среды. Для того, чтобы отлить необходимую заготовку весом в семьдесят тонн, потребовалось построить специальный цех, температура в котором выдерживалась с точностью до десятых долей градуса. Два года потребовалось только для того, чтобы равномерно остудить заготовку, избежать

вращения Земли. Система слежения здесь относительно проста. Но то, что приемлемо для телескопов умеренных масс, для этого, вес которого достигает 850 тонн, стало камнем преткновения. Дело в том, что направление на Полярную звезду и направление силы тяжести нигде, кроме полюсов, не совпадают. А чем больше несоответствие, тем больше сила тяжести будет деформировать конструкцию, снижать ее точность. И здесь снова впервые конструкторы предложили изменить систему ориентации осей, направив одну из них к центру Земли. Но теперь, чтобы уследить за звездой, телескоп должен был выписывать более сложные пируэты.

Если приглядеться к телескопу, то мы все-таки увидим привычную зрительную трубу. Это телескоп-гид с малым диаметром — всего семьдесят сантиметров. Он нащупывает объект и «привязывается» к нему. Стоит звезде чуть отклониться вправо, как сигнал с гида живо даст команду повернуться телескопу туда же. Стоит звезде «задержаться», а телескоп попытается уйти вперед, снова поступит корректирующий сигнал. Движение телескопа относительно звезды (конечно, очень грубо) напоминает движение маятника относительно своего положения равновесия. Разница только в том, что стоит телескопу «решить» качнуться, как его

— Интересы астрономии сегодня значительно сместились в область физических исследований, — говорит заведующий отделом физики звезд и туманностей Леонид Снежко. — Вселенная — это своего рода огромная лаборатория, где ежесекундно идет эксперимент. И условия прохождения его в космосе такие, каких мы не можем пока создать в земных лабораториях.

Жизнь звезды — сложный и длительный процесс. Почему она не гаснет, не теряет своей массы, хотя излучение ее огромно? Возникла теория, что природа «горения» звезды — термоядерная реакция синтеза. Звезда представляет собой раскаленную до сотен миллионов градусов плазму — особое состояние вещества, которое возможно на земле лишь в условиях эксперимента. Внутреннее газовое давление звезды расширяет ее, а гравитационные силы сжимают. Под действием этих различных по направлению сил звезда «пульсирует». Как она ведет себя в отдельные моменты пульсации? Как меняются ее характеристики? Чтобы узнать это, фотографировать спектр звезды, необходима предельно короткая выдержка. А для этого и нужен мощный и зоркий глаз — зеркало телескопа.

Отбирая для наблюдения необычные, «странные» объекты, не подчиняющиеся привычным физическим закономерностям, мы можем обнару-

губительных для оудущего зеркала неоднородностей в стеклянной массе.

Но зеркало — пусть главный, но не единственный орган телескопа, обеспечивающий точную его работу. Как ни «уплотняй» зеркалом свет далекой или слабой звезды, его еще недостаточно, чтобы зафиксировать, допустим, на светочувствительной пластинке. Звезду нужно «остановить», а достичь этого можно единственным способом: заставив телескоп неотступно следовать за ней. Во всем мире принята определенная ориентация осей телескопа, одна из которых направлена на полюс мира — Полярную звезду. Эта ось параллельна оси

уже подстерегает корректирующий сигнал.

Но не всегда в поле зрения гида есть достаточно яркая звезда-привязка. Наконец, на тот случай, если все-таки гид начнет ошибаться, существует другой режим — режим программного слежения. В счетную машину вводятся исходные данные, и она по заложенной в ней программе начнет вести телескоп за небесным телом. Каждый из режимов можно использовать автономно. Но ум — хорошо, а два — лучше: при совместном использовании режимов величина ошибки уменьшается, а следовательно, точность движения телескопа возрастает.

жить «нестандартные» условия их существования, выяснить, чем они обусловлены, дать прогнозы и направления поисков для земных лабораторий. Так астрофизики предсказали существование элементов со свойствами, неизвестными на земле.

Один из ключевых вопросов термоядерной физики — получение в земных лабораториях стабильной, высоконагретой плазмы. Успешное решение этой проблемы означает во многом решение проблемы энергоресурсов. Пока в цели исследований отсутствуют отдельные звенья, и астрофизики надеются отыскать их в «космической лаборатории» с помощью нового телескопа.

В избе тихо, сумрачно. Слышно, как в хлеву за стенкой жуёт и вздыхает корова. Ничего-то здесь не изменилось, думает Галя. Все тот же Николай-угольник в углу, хотя под иконой на табуретке и новость: телевизор. Галя вспоминает, как много-много лет назад заклеила святому глаза белой бумажкой (чтоб не видел, что она тайком примеряет платье старшей сестренки), и как вошедшая из сеней ваюшка, глянув на ослепшую икону, страшно испугалась и, крестясь, упала на колени. Галя смотрит на Николая-угольника, говорит себе: «Глупо все это» — и выходит на крыльцо.

Пахнет нагретым деревом, мочеными яблоками, хлевом. У разбитого чугуна лежит дряхлый пес. Вчера ему попало за Галю.

— Ну что брешешь, дурень! Забыл? — ругала его Галяна бабушка. — Своя она, из города возвратилась.

Собака, держа в уме вчерашний выговор, лежит, не поворачивая головы, но косит на Галю настороженным глазом.

«Как это все ужасно, ужасно!» — с отчаянием говорит себе Галя. Все ей кажется здесь чужим и скучным. И этот петух, и сама изба, и сидящая на телевизоре глиняная разрисованная кошка с человеческими глазами, бантом и узкой щелью на голове для пятак.

Сидит Галя на крыльце и думает: «Куда бы завербоваться?»

А приехала она домой, в деревню, из маленького северного городка после тамошних весьма бурных событий.

Похоже, нам придется, что называется, пройти по лезвию ножа: короткая эта история действительно острая. Речь пойдет о весьма, как принято говорить, «скользких» вещах. Ну что ж, скользких, так скользких.

А произошло вот что: роясь в ящике стола своего сына, мать обнаружила фотографию, которая ее обескуражила. Это был поясной портрет обнаженной девушки, стоявшей вполборота напротив окна. Плечи ее прикрывала газовая не то туника, не то шаль. Сын Юра давно увлекался фотографией, снимок был его. А вот кто эта девица? Марина Александровна, мать Юры, вертела фото и так и этак, смотрела его на свет — загадка оставалась загадкой. Дело в том, что фотография была художественная, с такой подсветкой, что узнать девушку было совершенно невозможно. Невидимка, да и только.

И тут Марина Александровна обратила внимание на занавески, на фоне которых стояла девушка, и ее осенила догадка. Это же Галя. Марина Александровна знала, что ее сын встречается с какой-то Галей из общежития строительного комбината и что Юра даже вроде бы собирается на ней жениться. Известно ей было также и то, что Галя на два года старше ее сына. Когда до Марины Александровны дошли эти слухи, она (месяца два назад) попыталась было поговорить с Юрой, чтобы дать ему понять, что он еще, в сущности, мальчик и его неопытностью и доверчивостью могут воспользоваться иные коварные и расчетливые девицы (она даже приготовила целую теорию насчет фатального значения двухлетней разницы в возрасте). Но... когда Юра понял, к чему мама начала пересказывать ему повесть Тургенева «Вешние воды», он вспылил, наговорил ей дерзостей и вышел из комнаты.

«Ты же ее не знаешь, как ты можешь так говорить!» — эта фраза сына долго звучала в ушах Марины Александровны. Тогда она решила пойти в общежитие и поговорить с Галей, дать ей понять, что ее Юра не беззащитен, что у него есть мать, которая отведет от мальчика нависшую над ним опасность. Она нашла Галину комнату (там и занавески запомнились), но не увидевшись с Галей — та была на смене. С сыном же говорить еще раз было бесполезно: ее «окруженный мальчик» влюбился.

Марина Александровна взяла фотографию и пошла к коменданту общежития: полюбуйтесь, дескать, какие... у вас тут живут.

Занавески были неотразимой уликой.

Первое, что сделали, это вещи Гали унесли в камеру хранения. Потом собрался совет общежития. Удивлялись, как же Юра проник в комнату, когда за этим здесь строгий контроль: если видят, что парень трезвый, самостоятельный, то допускают лишь в фойе — с девушкой поговорить, в шапки поиграть. Потом спохватились, что разговор уходит в сторону, и стали говорить о Гале.

— Своим поступком ты опозорила честь девушки, — сказал комендант. — Это позор. Разврат. Таким не место в общежитии.

Воспитатель Елена Митрофановна уже в разговоре со мной призналась:

— Я тридцать лет прожила с мужем, и он ни разу не видел меня... ну, вы понимаете.

Другой член совета сказал:

— Что же это получается? Мы вырезали из одной газеты материал «Дочки-матери», читали его вслух,

прорабатывали в общежитии. В статье правильно ставится вопрос о том, что некоторые девушки слишком рано узнают то, что им лучше не знать, и сами еще, можно сказать, дочки, а уже и матери. А подобные фотографии — это уже ни в какие ворота...

Хотел я поговорить с одним активистом совета общежития — Гришей, который, получив запретную Галину фотографию, бегал по комбинату и втихую, мелко хихикая, показывал всем снимок: гляди-ка, мол, это Галья из бетонного цеха, вот до чего докатилась! Искал я по общежитию этого Гришу, но так и не нашел: он, видимо, проявлял активность в другом месте.

А что Галя? На совете начала было объяснять — оборвали. Смолчала и тогда, когда постановили выселить ее из общежития. Несколько дней ночевала прямо на комбинате, в слесарке, потом и из слесарки выгнали. Помыкалась, помыкалась да и поехала в деревню, к бабушке.

Юра работал на этом же комбинате учетчиком. В дни, когда разыгрались все эти события, он был в колхозе на уборке картошки. Его тоже хотели вызвать на совет общежития, но решили вопрос о нем поставить после возвращения из колхоза, тем более что прямого отношения к общежитию он не имел.

Может быть, все обернулось бы по-другому, будь Юра в те дни рядом с Галей. Но его не было. Приедет он только через месяц, когда Галя будет уже в своей деревне. Галяна подруга передаст ему записку: «Юра, Зина расскажет тебе всё. Я не могла выдерживать. Тебя

одно и то же событие нередко воспринимается людьми по-разному. Потому что одинаковых людей в природе нет. Вы скажете: это прописные истины. Но в том-то и загвоздка, что прописные истины как-то порой легче забываются, чем парадоксы. Сколько раз писалось и говорилось о том, что в педагогической работе важен индивидуальный подход. А между тем не так уж редко сталкиваешься с воспитателями, которые своих питомцев, что называется, стригут под одну гребенку. Один комендант молодежного общежития жаловался мне: «Я-то знаю, что они все разные. Но такая с этим морока! Попробуй угадай, что у них у каждого за душой».

Когда я услышал это признание, мне представилась одна, так сказать, педагогическая утопия. За нее, наверное, схватились бы неумелые и недалекие воспитатели, тяготеющие к однозначности в воспитании «человеческого материала». Скажем, был бы найден способ сделать всех ребят в общежитии одинаковыми. Как стало бы легко этой массой одинаковых «экземпляров» управлять и манипулировать! Чтобы узнать, что на уме и за душой у этой массы, достаточно было бы для проверки взять одного — и по одному всё стало бы ясно обо всех. Не надо никаких индивидуальных подходов, учета особенностей, своеобразия, нервозности по поводу всяких отклонений от запрограммированного образца. Как хорошо было бы этому воспитателю!

Но, к счастью, это все-таки утопия. И мы видим в этих общежитиях не «экземпляры», одинаковые, как клеточки в школьной тетради, а живых людей — каж-

Человек среди людей

ПОРТРЕТ НЕВИДИМКИ

Александр ВАСИНСКИЙ

тоже собираются позорить, ничего не доказывай, не поймут. Прощай». Никакого адреса в записке не было.

Из деревни от Гали пришло вот какое письмо в редакцию: «...А что недозволенного мы сделали? Юра занимается фотографией уже 10 лет, любит это. Однажды он принес мне несколько журналов «Фото», и в одном из них была статья, что можно красиво сфотографировать и не точеную фигуру, надо только уметь пользоваться светом. Юра сказал, что он снимет меня как божество. Вы спросите: где был стыд? Но мы ведь собирались пожениться с Юрой. Мы любим друг друга. К тому же эту фотографию мы делали для себя, это было нашей маленькой тайной. И вот за все это я поплатилась позором и изгнанием из общежития. Но ведь фото ни для кого не предназначалось, ни для мамы Юриной, ни для совета, ни для этого Гриши, который его всем показывал. Ведь он же меня оскорбил этим! У меня было дикое желание выцарапать ему глаза. Но что толку! Все равно теперь ничего не поправишь. После случившегося мы уже не можем быть вместе. От людских глаз, от позора не спрячешься...»

А теперь, уважаемый читатель, давайте спокойно попытаемся во всем разобраться.

На фотографии узнать Галю невозможно (ну, разве что какая-нибудь экспертиза установила бы), ибо, повторяю, снимок был художественный, с контрастной подсветкой. Никакой, так сказать, порнографии в нем нет абсолютно. Кому-то его показывать, распространять и т. п. Юра и Галя, естественно, не собирались (хотя, замечу в скобках, подобные фотографии можно нередко видеть на выставках).

Значит, если что-то и вменять Гале в вину, то не столько саму фотографию, сколько факт фотографирования. Как, мол, она могла?! За это, собственно, и позорили ее, потом выгнали из общежития, а потом из слесарки. Вот сколько кар обрушилось на нее. Скажу так: допустим, Галя плохая. Но когда мы видим, как пятеро хороших бьют одного плохого, не становится ли плохих по крайней мере шестеро?

То, что читатели разделятся на сочувствующих Гале 3. и на осуждающих ее, в порядке вещей. Ведь

дого со своим складом ума, характером, страстями. В этом-то и заключается красота людей и жизни.

Но вернемся к нашей истории. Галю покрыли позором. Неважно, говорили на совете, что на снимке вышел ее неразличимый силуэт, ведь она-то сама предстала перед женихом не невидимкой. И тут, видимо, тоже следует объясниться.

В жизни есть вещи, говорить о которых нельзя вне их природы, вне их индивидуального проявления.

На память приходит стихотворение Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...». Не поленились посмотреть стихотворения, написанные в 1832 году. Пересказывать «Нет, я не дорожу...» бессмысленно, иначе можно уподобиться активисту Грише. Стихотворение надо читать «наедине» с Пушкиным, взять томик и прочесть одному, потому что оно — интимнейший рассказ поэта о любви; он может быть рассказан только Пушкиным, только **этим** словами (олицетворенная индивидуальность бытия). Перескажите это стихотворение прозой, или — еще лучше — своими словами, и целомудреннейшее обернется невесть чем.

Вот так «маленькую тайну» нашей Гали, стихотворение, которое Юра написал своей фотографией, посторонние люди из совета общежития пересказали **своими** словами.

И не удивительно, что вышел «позор», «разврат», «невесть что».

Понимаете, что произошло-то?

Долг, впрочем, обязывает взглянуть на всю эту историю и глазами хулителей Гали, обязывает пересказать ситуацию их словами. И как только мы даже помыслим об этом, все сразу усложняется, перестает быть простым. Приходит желание понять, временить с оценкой. (Вот так с Галей бы повременили и попытались понять!)

Согласимся, что этот случай с фотографированием — редкий сам по себе. При всем понимании того, что с Галей обошлись грубо, неправильно, я не стану защищать ее поступок. Стыдливость, скромность и даже некоторая строгость нравов в таких вопросах не изобретение ханжей, а вполне естественное нравственное обыкновение. Галин случай — он действи-

тельно особый. Но вот вопрос: нескромное пресекали, но как — скромно ли, застенчиво ли?

Все хулители Гали, если вдуматься, преследовали благую, на их взгляд, и правильную цель.

Вот Марина Александровна, Юрина мама. Она слышала, что Галя старше ее сына, что будто бы легкомысленная, себе на уме и т. п. Словом, Марина Александровна не желала этой дружбы, тем более не желала допустить возможного брака. Вправе она не допустить? Не знаю. Это их семейное дело. Вправе она чувствовать, что должна помешать этому браку? Абсолютно вправе. Но как, как она ему помешала! Ведь, по сути, она подсмотрела все в замочную скважину. И подсмотренное понесла на позор. Предала гласности нечто, скрытое от посторонних глаз, не предназначавшееся для разглядывания. Так в чем же больше безнравственного? Но она пошла на это, чтобы добиться поставленной цели. Смотрите, мол, люди добрые, кто хотел «окрутить» моего сына.

Мать есть мать, и я не хочу, чтобы меня неправильно поняли. Но Марина Александровна, к сожалению, не нашла человечески достойный выход из непростой ситуации. Так ни разу и не увидевшись с Галей, она все же оставалась в плену своей «теории». Разумеется, теперь она говорит, что хотела сделать как лучше. А вышло, что не только Галя уехала к себе в деревню, но и Юра ушел из дома жить к товарищу.

Нелегкая ситуация возникла и перед воспитателями общежития. Одно дело — обсуждать этот случай среди, скажем, художников, для которых просто атрибут ремесла — рисовать натурщик. Люди, которых в музее не смущают статуи нагих богов и простых смертных, тоже отнесутся к Галиной фотографии как подобает.

Другое дело — воспитатель общежития. Что бы там ни говорили про художников и их модели, что бы ни «разрешалось» выставлять в залах музеев, а за порядок в общежитии, за моральный облик Гали З., Пети Р. или Симы К. отвечать ему. Говорю это без всякой иронии и очень понимаю членов совета общежития.

Будь я на месте одного из них, того, к кому Марина Александровна принесла злосчастное фото, я бы тоже придал этому значение. А что? Разве воспитателя не должно это заинтересовать? Разве, в самом деле, молодые люди так умудрены в жизни, что могут обойтись без (иногда и настойчивого) совета взрослого, много прожившего человека? Или нет действительно у нас «дочек, которые матери»? Или разве не мог на месте Юрия оказаться некто другой, который просто избрал бы жертву под соусом «художественного фотографирования»? Тот не воспитатель, кого не заботит благополучие своих питомцев.

Все это так. И все же самое главное в том, кто и как ко всему этому прикоснется. Разве поговорила воспитатель наедине с Галей, с Юрой? Узнала ли, что они за люди, какие у них отношения? Попытался ли кто-то в тяжелом разговоре с Мариной Александровной найти умные, необходимые слова? Нет, ничего этого не было. Просто сделали большие глаза и выгнали Галю из общежития. Ничего не узнав, ни во что не вникнув.

Ничто не отменит, не заменит такой вещи, как внутренняя культура человека. Речь идет о культуре такта, понимания, которая не позволяет вламываться в чужую жизнь без стука, без размышления: все ли я понял, не пересказываю ли я стихотворение своими словами, достойно ли я осуждаю недостойное? О культуре, которая не только щадит, уважает, но и превыше всего ставит честь человеческой личности, ее право на «маленькие тайны».

Надо ли называть фамилии, указывать адрес общежития? Не верю я, что внутренняя культура может вырваться в человеке вдруг, благодаря «срочному принятию мер». Если и писать, то в поучение, что ли, на будущее.

...А что «невидимка»? Увидел я ее в деревне, откуда написала она свое письмо. Гале двадцать четыре года, это симпатичная грустная девушка. Видел я и Юру. Но видел их не вместе.

Юра очень смутился, когда я к нему зашел (в том северном городке). Вообще-то, когда он вернулся из колхоза и узнал про всю историю, он рвался уехать к Гале в деревню, уехать и расписаться, но мама спрятала его паспорт. Юра ушел жить к товарищу и живет у него до сих пор. Сколько мама ни уговаривала его вернуться, он не может пока простить, что она отнесла фотографию к коменданту общежития, что она так грубо вмешалась в его с Галей любовь.

Когда и на комбинате взяли его прорабатывать, не давали проходу, он тоже не выдержал, уволился. «Зажался в себе», как выразился о нем приятель. Фотографию бросил. Никого не хочет видеть.

В этой истории все потеряли, никто ничего не приобрел, кроме «активиста» Гриши. Вернувшись из колхоза, Юра поставил ему под глазок синяк.

Когда я от Гали З. приехал в тот северный городок и мы встретились с Юрой, первыми его словами были:

— Где она? Адрес?

Галия о Юре не расспрашивала. Только безудержно плакала.

Алла БЕРИДЗЕ

Элгудже Амашукели, скульптору.

Говори, Элгуджа, говори.
Обагрися жаром говоренья.
Чтоб зажглось священное горенье
Истини святыхищем... Гори!

Не кори себя за откровенья
Крови.

Необузданный огонь —
Дерзкий всадник, вздыбивший коня! —
Как во чреве, вновь по взбухшей вене.

Не кори себя. Но покори
Эту силу дерзкую издревле —
И к молчанью камня Слух и Зренья,
Как тропу глухую, протори.

Памяти Важа Пшавелы.

С попутным ветром напролет —
Дорога так петляет...
Перечеркнет — как перевет,
А горизонт пылает.

С попутным ветром в горный край!
Ах, как в ушах шумело
О том, что тут извещал рай
Душой Важа Пшавела.

Поэт, тобой боготворим
Был вечный мир Чаргали,
Неужто по следам твоим
Венки лишь возлагали?

По кручам гор немой укор...
И кроны, точно овцы.
Где пастырь ваш?! Вершины гор —
Как войлочные горцы.

Лучевая, Солнечная, Хвойная,
Улицы-отгульницы мои...
Хлыну в их течение привольное
С чувством обретения семьи.

Вдох и выдох... Только б вдох и выдох!
И примолкших кровель череда,
Волглый сук, весь скорченный, как вывих,
Выходит целебная среда.

Что она? И как она влияет —
Это тайна?... Радуюсь уже
И тому, что пес хвостом виляет,
Витаминизируясь драже.

Не одна же я в таком нуждаюсь
Средстве, с позволения сказать?
Лучевую.

Солнечную,
Хвойной
Улицами возрождаюсь...
В город надо. Да в пучок их не связать.

Как корабль о рифы,
Разбиваюсь о рифмы.
Разбиваюсь — и гибну.
Но рожденному ритму
Я обязана жизнью.
Отсеченной от смерти.
Вы по-большому мерьте,
Вы по-большому верьте,
Вы не рейте химерами,
Лавром доблести празднуй, —
Есть в тревогах увенчанных
Что-то горько-напрасное.
Мы рождаемся сызнова —
Возвращенные жадною!..
Мы рождаемся сызнова —
Умирать не однажды.

Мы все мечтали о любви помногу:
У нас она должна быть настоящей!..
Но приходила к нам она прологом,
А настоящая — была лишь предстоящей.

И каждым ожиданьем и уходом
Деля ее, неведомую нам,
Мы расходились с нею в непогоду
Куда-то там...

Но, дрогнув с просквозженностью ветрила
В разбуженном под наледью пороге,
Она тебе уже весну дарила,
Смешав времен размеренные сроки.

Она тебя, как друга, находила,
Когда ты был потерян и растерян, —
И столько сил безудержных будила,
По ветру всю растерянность рассея.

И если не могла она иначе —
Чтоб где-то ей.

В твоём и только мире!
И если мир твой с нею был богаче,
По-мартовски раскованней и шире, —

То, значит, и прощаясь, с каждым разом
Она служила верности залогом.
И потому ты многим ей обязан,
Той, что тобою названа прологом.

Каким ты будешь, маленький смешняк?
Еще одна петля,

и — шмяк — ты падаешь.
И падаешь, а вот ведь сердце радуешь —
Уж тем, что от паденья не размяк.

Не мягко, знаю. Что глаза таращишь?
Таращишь, будто всю меня таранишь.
На то земля, чтоб быть коленкам в пятках.
Коленкам в пятках, да не сердцу в пятках.

Сшиб, точно с ног, размашистый толчок
Твой дерзкий, как початок, колпачок.
Вот так! Но ты — опять за чьим-то мячиком.

Не чинным мальчиком,
а мужественным мальчиком.

Кружится мяч — зеленый, красный знак!..
И шар земной...
И маленький смешняк.

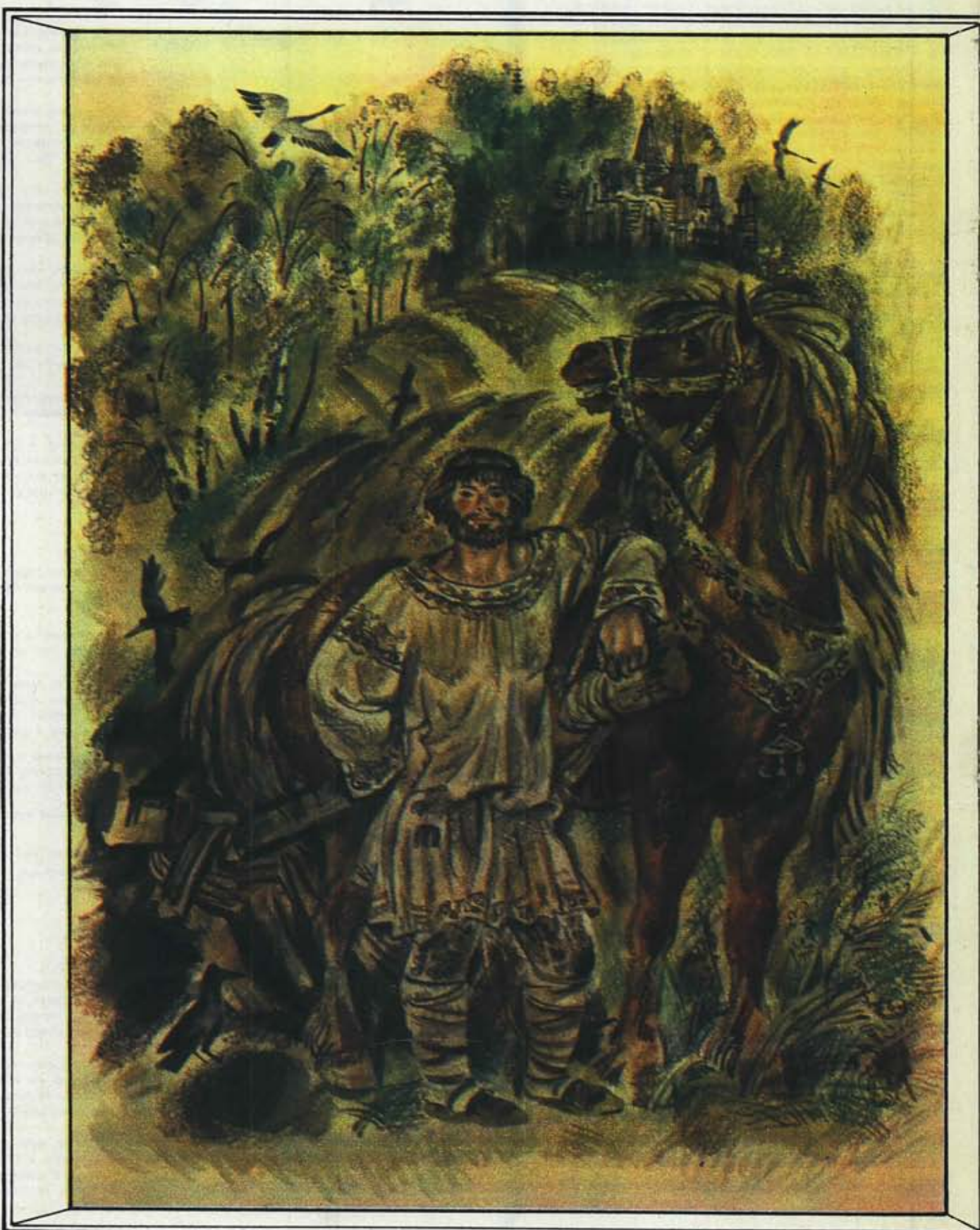
Облака — белокрылые лебеди;
вы плывете по сентябрю,
как по городу златоглавому,
как по озеру-серебру.

Вы уходите — не жалеете
ни о чем, ни о чем,
облака — белокрылые лебеди
над печальным моим плечом.

Я гляжу, тихо глажу их, вроде бы
растаюсь, а таюсь.
Только с ними я, будто с родиной,
остаюсь, остаюсь.

Андрей БАТАШЕВ

БЕЛОМ ЛИСТЕ

Юрий Иванов показывает мне свои иллюстрации к «Легенде об Уленшигеле и Ламме Гудзак».

— Первые варианты я сделал лет двенадцать назад. Но и сегодня не чувствую, что закончил работу.

...Под лучами вечернего солнца фантастически засветились черепичные крыши, словно они покрыты люминесцентными красками; протянулся между двумя вербами канат над прудом — все готово для выступления Уленшигеля. И вот уже он пляшет на канате, забавляя толпу зевак, рукоплесканиями и криками выразивших ему свое одобрение.

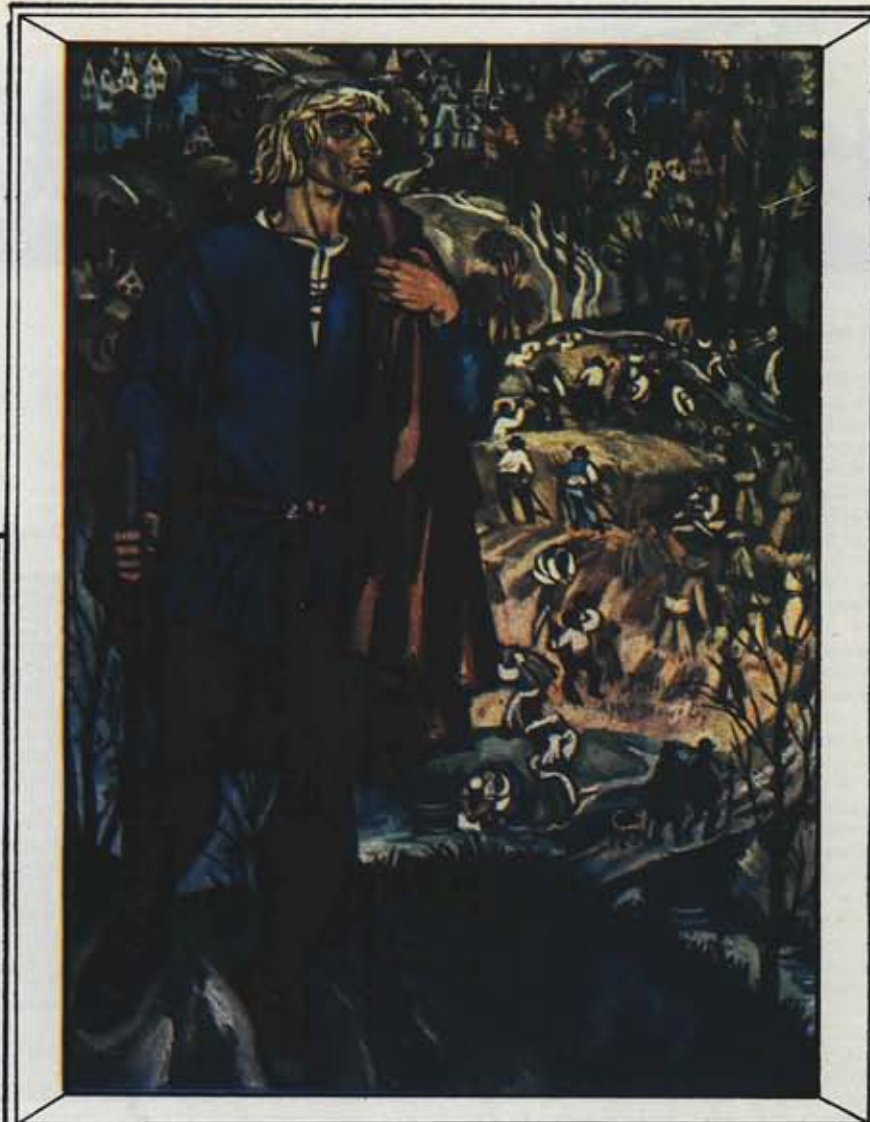
— Вы слышите шум этой толпы? — спрашиваю я художника.

— Конечно, — отвечает он. — Я слышу и вижу ее, с симпатией вглядываюсь в каждое лицо. Я представляю, как двигаются эти люди, ощущаю их пластику, жесты. В счастливые мгновения в моей фантазии вдруг возникают эти живые картинки. Причем наплывают они сразу и неожиданно. Иногда во сне, чаще, разумеется, наяву. В метро, в троллейбусе, если едешь просто так, без книжки...

Многочасовна «Легенда об Уленшпигеле». И каждый ее эпизод — словно фрагмент объемного витража, пронизанный ясным и определенным цветом. Здесь белые лепестки боярышника соседствуют с блестящей чернотой угля, а зеленая кора деревьев — с вечным синим небосводом и красными крышами, на которых играют лучи добродушного солнца... Здесь май «нисходит на землю, многоцветный, как павлин, и благоухающий, как букет цветов»...

Но основные цвета «Легенды» — черный и красный. Они светятся длительно, ярко и напряженно. Это цвета трагедии...

«Дома Сооткин взяла кусочек черного и кусочек красного шелка, сшила мешочек и высыпала в него пепел. К мешочку пришила две ленточки, чтобы Уленшпигель мог носить его на шее. И, надевая его сыну, Сооткин сказала:

ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ ШАРЛЯ ДЕ КОСТЕРА «ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ И ЛАММЕ ГУДЗАКЕ».

«МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ»

— Пусть этот пепел, который был сердцем моего мужа, в красном, подобно его крови, и в черном, подобно нашей скорби, будет вечно на твоей груди, как пламя мести его палачам».

Причудливо и фантастично сплетение тем и мотивов произведения Шарля де Костера. Но как передать в иллюстрациях тяжелое свечение этого сложного орнамента?

Я разговариваю с Юрием Ивановым, и художник представляется мне одновременно режиссером и актером своего собственного театра, где все действующие лица послушно повинуются его воле.

— Иллюстрируя каждую новую книгу, — говорит Юрий Иванов, — я всякий раз ищу новую манеру. Некоторые считают, что манера должна оставаться неизменной, иначе, дескать, потеряешь собственное лицо, индивидуальность. Но я убежден, что иллюстратор должен влезать в новую шкуру, изменять костюм, грим. А творческое лицо, если оно есть, останется. Об этом можно не беспокоиться: себя не переделаешь.

Юрий Иванов с того самого времени, как себя помнит, знал, кем он хочет стать. Художником. Еще ребенком он мечтал о собственном театре на белом листе бумаги. Закончив четвертый класс, поступил в художественную школу при Институте имени Сурикова. В 1959 году был принят в институт на графический факультет. Диплом защитил в 1965-м, получив «отлично» за серию плакатов «Первооткрыватели».

— Я очень долго искал манеру для «Уленшпигеля», — продолжает Юрий свой рассказ. — Делал гравюры, рисунки, акварели, а потом мне вдруг попала книжка по витражу, и я сразу понял, что искал...

Светящаяся многоцветность витража и в то же время жесткость его фактуры — вот что должно было помочь мне выразить суть моих героев. Сначала я впрямую пытался имитировать витраж. Потом старался уйти от явного подражания и найти некое соединение духа фламандской живописи и техники витража. Процесс этот протекал долго и порой мучительно...

Бывает так: работаешь, работаешь, но ничего не выходит. И вдруг в каком-то случайном цветовом пятне видишь ключ композиции. И тогда кажется, что все произошло чуть ли не помимо твоей воли, что ты лишь подсмотрел уже готовый рисунок, и только...

Иллюстратор зависит от заданной темы. Но эта заданность вовсе не исключает простора для творчества. Ибо художник всегда стремится найти в том или ином литературном произведении свою тему, ту самую, которую он раскрывает едва ли не в каждой своей работе.

— Наверное, это и в самом деле так, — говорит Юрий. — Во всяком случае, я всегда знал, что в «Уленшпигеле» моя главная тема — война и связанная с нею жестокость. И эта тема по очевидному контрасту ведет с собою другую — тему любви Уленшпигеля к Неле...

Война — это самое раннее мое детство. Но я очень хорошо помню те годы, помню голод и драгоценную в то время картофельную шелуху...

«В нашу страну ворвались палачи, Силу, меч и огонь против нас обратили...»

Это строки из «Уленшпигеля». Я всматриваюсь в иллюстрацию, на которой изображены эти палачи, закованные в стальные доспехи. Вместо лиц маски, вместо сердец механизм жестокости...

— Я не сумел соединить с линией войны плутовской и озорной дух «Легенды», — говорит художник. — Я не мог забыть о войне... Я вижу Тилиа и Неле, которые должны пройти сквозь коридор жестокости, и думаю, что в детстве я был у входа в такой же страшный коридор.

Я помню вой сирены, помню бомбоубежище в подземном вестибюле станции метро «Динамо», забитое людьми...

Я помню белую булку, которую мать каким-то чудом достала для меня, помню трамвай, мать ставит меня на площадку, трамвай трогается, мать бежит следом, и булка падает на землю. Я помню, как это было страшно... Мать работала в госпитале санитаркой, сдавала кровь, я видел раненых и калек и знал, что все это война...

Я помню календарь на стене и карту, висевшую в углу комнаты, помню свой детский страх перед этой картой. Мне почему-то казалось, что за ней прячется фашист...

Уленшпигель — это жизнь, и Неле — это жизнь, и они прорываются сквозь лилово-черный коридор жестокости, освещенный дымным пламенем костров... Я хотел, я жаждал вывести Тилиа на простор вместе с его любовью, вместе с Неле, чтобы они увидели — перед собой только солнце, восходящее в золотистых туманах, верхушки трав, также залитые золотом, и желто-

ватые под лучами восходящего солнца перья уснувших чаек...».

Вывести человека из коридора жестокости — это, по-моему, и есть та самая главная мысль, которая одушевляет все творчество Юрия Иванова.

Еще одна иллюстрация. Филипп Второй и его свита. Как тщательно продуманы детали их костюмов, как искусно подобраны украшения и драгоценности... Как умело маскируются эти существа, выдающие себя за людей! Но это не люди. Это порождения жестокости и ее орудия. Это они, бездушные и безжалостные, создали тот страшный коридор, в который хотели бы заключить все живое. Но Уленшпигель, Великий гез, вырывается на простор, он уходит от них вместе со своей возлюбленной, «распевая свою новую песню...». Сияет перо на его шляпе, белизной наливаются паруса кораблей на зеленом море, а рядом с ним Неде — олицетворение женственности, покоя и отдохновения...

Каждый предмет на земле излучает цвет. Он дарит нам ощущение весомости материи, ее готовности быть послушным материалом в руках человека-творца. В иллюстрациях к «Уленшпигелю» Юрий Иванов сумел передать эту манящую и вдохновляющую красоту материального мира, его волнующую изменчивость, его нетленное постоянство...

Уленшпигель, дух Фландрии, бессмертен. И кажется, что в каждой частице ее природы живут улыбка Тилля, его мысль и его сердце. Живут, чтобы воплотиться в его потомках, ибо Уленшпигель бессмертен...

— Когда я делал иллюстрации к «Трем мушкетерам», — замечает Юрий, — знакомые говорили, что у меня и вид какой-то мушкетерский, а в самый разгар работы над «Уленшпи-

гелем» — что я становлюсь похожим на моего героя...

Что ж, видимо, иначе и не может быть. Ведь чтобы увидеть и создать, надо, как сказал художник, влезть в другую шкуру, надеть другой костюм и сменить грим...

А на столе у него эскизы новой работы: Ромео и Джульетта, враждующие кланы Монтеки и Капулетти...

— Я уже около двух лет занят этой работой, — говорит Юрий, — и мне представляется, что Ромео и Джульетта жили, быть может, в еще более страшной атмосфере, чем Тиль и его возлюбленная. Рядом с Тилем были живые люди. Герои Шекспира лишены общества себе подобных. Они всегда, даже на многолюдной площади, абсолютно одиноки...

Я начал с того, что попытался точно установить время действия. Шекспир упоминает, что правителем Вероны тогда был де Скала. Бартоломео де Скала правил Вероной с 1301 по 1304 год...

Я стал изучать литературу, искусство, быт этого периода... В моих рисунках появилась почти этнографическая точность. Разумеется, это было плохо. Накопление деталей не приближало меня к постижению целого. И вдруг в один прекрасный день пришла ясная мысль: «Ромео и Джульетта» — это не только символ любви, это символ новых отношений между людьми, отношений уважительности, добра, понимания... Эта новизна противоречит установившемуся порядку, поэтому она вызывает со стороны окружающих одну-единственную реакцию — нетерпимости и жестокости.

Я очень люблю балет. Музыка Прокофьева, искусство выдающихся артистов Большого театра помогли мне прийти к этой мысли. В балете красота любви, красота сострадания, красота музыки соединились в ясные пластические образы. Совершенство формы спектакля помогло мне организовать мои собственные художественные ощущения, а правда, заключенная в

мелодиях, не позволяет сбиться на ложный путь...

Я понял, в чем отличие Ромео и Джульетты от всех остальных действующих лиц. Любой из представляемых враждующих кланов с точностью автомата выполняет заданную программу. Монтеки должны ненавидеть Капулетти, и все тут. Каждый его поступок предопределен этой схемой поведения, и ему даже в голову не придет, что возможно какое-то изменение чуть ли не свыше предустановленного хода событий.

Эта запрограммированность лишает людей человеческих черт и разделяет их на противоположные группы. И тогда можно представить, что, например, сторонники Капулетти синие, а сторонники Монтеки оранжевые. И среди них только двое живых, противостоящих армиям роботов — Ромео и Джульетта. Они не оранжевые и не синие: их кожа самого прекрасного на земле, телесного цвета. Всем остальным я верну этот цвет только тогда, когда, стоя у гроба Джульетты, они поймут, что именно ненависть, ограниченность, фанатизм довели их до полного краха. Только такое трагическое прозрение снова должно превратить их в людей...

Я слушаю Юрия Иванова, и мне открывается еще одна его тема — возвращение человечности, и это заставляет меня вспомнить слова Романа Роллана: «...чтение Шекспира оказывает единственное в своем роде благодетельное — наслаждаешься самым редким свойством, которое наиболее требуется в настоящее время: даром всеобщей симпатии, проникновенной человечности, заставляющие переживать чужие душевные движения, как свои собственные...»

Фантазия... Она словно освещает пространство, лежащее между художником и героями. Помогает ему извлечь их сущность из книжных страниц и, наделив неповторимой реальной оболочкой, превратить в зримые образы.

Я смотрю на работы Юрия Иванова, и мне кажется, что ему по характеру всего творчества должна быть близка сказка со всеми ее чудесными превращениями, с невероятными ситуациями, с ее обязательным торжеством добра и справедливости...

— Я, конечно же, люблю сказку, — говорит художник. — У меня двенадцатилетний сын, и мы вместе с ним перечитали множество народных сказок, все повести Астрид Линдгрен, «Винни-Пуха», «Мэри Поппинс», словом, всю сказочную библиотеку...

Но иллюстрировать сказки я побаиваюсь. Мой главный недостаток — чрезмерный педантизм. Я слишком правильно все рисую. В сказке же нужно быть более свободным и раскованным...

Не думаю, что в данном случае следует полностью верить художнику. На мой взгляд, все, что он делает, создано по эскизам фантазии. А те точные детали, в которых он видит проявление педантизма, — это лишь цитаты реальности. Цитаты, сообщающие вымыслу правдоподобие и аромат самой жизни...

Михаил Михайлович Пришвин, чью книгу «Сказка о правде» тоже иллюстрировал Юрий Иванов, написал:

«В сказке благополучный конец есть утверждение гармонической минуты человеческой жизни, как высшей ценности жизни. Сказка — это выход из трагедии...»

Значит, вывод Уленшпигеля и его возлюбленную из коридора трагедии или возвращая людям человечность, иными словами, тоже выводя их из трагедии, Юрий Иванов создает свою сказку, в финале которой обязательно наступает — должна наступить — та самая драгоценная, гармоническая минута человеческой жизни.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ ВЛАДИСЛАВА БАХРЕВСКОГО «КЛАД АТАМАНА».

ЛИНОГРАВЮРА «СОКРАТ».

«ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА САВРАСОВА».

ПУБЛИЦИСТИКА

С пристрастием любви

Юрий Грибов относится к поколению литераторов, чья молодость прошла на фронтах Великой Отечественной войны. И в мирное время он остался солдатом передовой линии, стремясь поднимать в своих произведениях самые жгучие проблемы современности.

Читатели знают повести Ю. Грибова «Сильнее смерти», «Тайна старой мельницы», сборники рассказов и очерков. Недавно в библиотеке «Огонька» издан его сборник «Теплые ключи», в который вошли сибирские и сахалинские очерки и документальная повесть.

Рассказывая о маленькой станции «Теплые ключи», что расположилась в самом центре Транссибирской магистрали, о старинном сибирском селе Часоостровское на Енисее, о таежном кордоне, Чите или Сахалине, писатель не стремится поразить наше воображение местной экзотикой, для него самое интересное в путешествии — люди, их дела и характеры.

Прекрасных людей так много вокруг, утверждает автор, мы повседневно встречаемся с ними, но не всегда замечаем теплоту их сердец, открытость души, великое трудолюбие и честность.

В очерке «Теплые ключи» мы знакомимся с бригадиром путейцев Валентином Никифоровичем Желяниным. В его бригаде всего шесть человек, работают они на участке в три километра. Станция их, «Теплые ключи», транзитному пассажиру может показаться заброшенной, а работа — малоинтересной, но в том-то и секрет притягательной силы книги Ю. Грибова, что писатель входит в мир не сторонним наблюдателем, а человеком, чутким к печалю и радости этого мира. И нет, кажется, дела важнее, чем у бригады Желянина. Ведь именно благодаря их труду стремительно мчатся вперед по Транссибирской магистрали поезда. И нет, кажется, места красивее Теплых ключей...

И сельского библиотекаря Валентину Андреевну Горланову из очерка «Огоньки», и таежного радельца, лесника Доронина («На таежном кордоне»), и бригадира-угольщика Ардина («Багильник»), и героев «Сахалинских встреч» — нефтяников Лепешкина и Сычева — всех их роднит общее качество: они люди, для которых дело, работа — основное содержание жизни, смысл бытия на земле. Для

всех них рабочий хлеб — самый сладкий.

В новой книге Ю. Грибова информативность и обостренное внимание к фактам, события сегодняшнего дня сочетаются с умением видеть остро, глубоко и рассказывать об увиденном и прочувствованном живо, эмоционально.

Герои очерков стали друзьями писателя, а значит, и нашими друзьями. И, закрывая книгу, хочется повторить слова автора: «Светло было у меня на душе и грустно немного. Всегда, наверное, так бывает, когда расстаешься с друзьями».

Елена ВЛАДИМИРОВА

Ромашка в петлице земли

Люди, побывавшие в космосе, с восхищением смотрели на нашу планету: она поразительно красива. С особой силой потом звучали их слова о справедливости на Земле, дружбе и сотрудничестве народов. Для писателя Василия Захарченко мир — это космический корабль под названием «Земля», а его пассажиры — люди планеты. И книгу он так назвал «Моя земля — мой дом» (Москва, «Детская литература», 1975 г.).

О чем эта книга? Откроем титульный лист. Читаем: «Хроника 10 фестивалей». Перелистываем страницу за страницей. Мелькают фотографии. Прочитаны глывка за глывкой. Нет, это не только хроника десяти Всемирных фестивалей молодежи и студентов, активным участником которых был автор, не только репортаж о Всемирном конгрессе миролюбивых сил, с огромным успехом прошедшем в конце 1973 года в Москве. Нет, не хроника, хотя читатель и найдет в книге рассказ о всех этих событиях. Для писателя эти события — призма, через которую он пристально вглядывается в послевоенный мир на разных отрезках времени.

Десять фестивалей — это десять ступеней молодежи планеты к миру и дружбе. История фестивалей — это история борьбы и побед прогрессивной молодежи мира. Книга Василия Захарченко учит тому, как надо сражаться за мир. Он приводит слова Ромена Роллана: «Никогда не удволяйтесь победой нынешнего дня! Нельзя победить один раз навсегда. Надо побеждать каждый день. Надо начинать каждое утро сначала или продолжать битву, начатую накануне».

Книга В. Захарченко помогает еще раз окинуть взором сегодняшний мир. Идет зримая и незримая, объявленная и необъявленная война свободы с рабством, мира — с войной, разума — с безумием, правды — с клеветой, демократии — с тиранией, социализма — с империализмом. Книга спрашивает: «С кем ты, молодой человек XX века?»

В. Захарченко рассказал о

многих бесстрашных героев битвы за мир, свободу и независимость, которые сегодня служат примером для молодых, ярко показал роль молодежи Советского Союза и стран социалистического содружества в международном юношеском движении. В книге есть такой эпизод.

На Варшавском фестивале на встречу молодых крестьян мира приехал Герой Социалистического Труда Иван Рудский. Он привез с собой мешочек пшеницы, выращенной на целине. Развязал его и стал по горсточке раздавать зерно. Прошли месяцы, и вот в Кустанай со всех концов земного шара начали прибывать посылки. В письмах говорилось о том, что посеянная кустанайская пшеница дала свой первый урожай на землях Латинской Америки, Европы, Африки, Азии. Авторы писем писали, что они будут посылать эти зерна на все фестивали, чтобы советская пшеница стала символом человеческого счастья, единства людей, символом дружбы.

Об этом книга Василия Захарченко.

Владимир ЛУЦКИЙ

ПРОЗА

Живое сердце Марата

Серия «Пламенные революционеры», давно уже завоевавшая признание читателя, пополнилась книгой о замечательном деятеле прошлого, великом французском публицисте и революционере конца XVIII века Жан-Поле Марате.

Не впервые Анатолий Левандовский обращается к теме Великой Французской революции. Читатели помнят его книги «Робеспьер» и «Дантон», вышедшие в серии «Жизнь замечательных людей». Однако лежащая перед нами биографическая повесть «Сердце моего Марата» (Издательство политической литературы, 1975 г.) значительно отличается от прежних работ писателя-историка, открывая, как нам кажется, новый этап в его творчестве. Умело отталкиваясь от многочисленных памятников эпохи, автор осмысливает их как художник, превращая сухой материал документов в живую историческую картину, создавая средствами художественной литературы галерею образов и в первую очередь цельный, запоминающийся образ своего главного героя.

Своеобразие книги состоит в том, что автор передает слово современнику Марата: повесть ведется от лица вымышленного персонажа, Жана Буглена, рядового участника революции, молодого хирурга, случайно встретившегося с Маратом, ставшего учеником и другом журналиста и, наконец, оказавшегося свидетелем его трагической смерти.

У этого приема есть свои трудности, и главная состоит в том,

что автору, ведшему рассказ от первого лица, приходится поминуте вживаться в описываемую эпоху: только тогда повествование будет выглядеть достоверным. Это требует особенно углубленного знания времени. Нам думается, что А. Левандовский вполне справился с этой задачей, книга читается с полным доверием к рассказчику, стиль ее соответствует концу XVIII — началу XIX века, представляется достоверным и в описаниях, и в разговорах, и в эпистолярных вставках, практиковавшихся беллетристами тех времен. Заглавие повести точно и емко выражает ее сущность. Хирург Буглен, вскрывающий тело Марата, держит в руках его сердце, разорванное клинком убийцы, и вспоминает о живом сердце Марата, своего Марата, замечательного революционера и мыслителя, которого он знал в последние годы жизни и о поступках которого мог судить как очевидец. Хотя сам Буглен — лицо вымышленное, его записки вполне документальны: они основаны на подлинных словах и поступках Марата, на его статьях, речах и письмах, на высказываниях современников и научных открытиях исследователей. Воспоминания Буглена о Марате — это раздумья о величии и трагедии революционера-демократа в условиях буржуазного общества и буржуазной революции. Говоря об этом, хочется подчеркнуть, что автор избежал штампов и сумел показать революционного вождя как живого человека, не скрывая его слабостей и ошибок, его колебаний и даже кратковременного отчаяния.

В повести Левандовского есть очень яркие страницы. К их числу принадлежат описание похода на Версаль, история с попыткой ареста Марата, его исповедь Буглену и в особенности рассказ об избиении на Марсовом поле 17 июля 1791 года, так удивительно напоминающем по характеру и по результатам «кровоное воскресенье» 9 января 1905 года.

К достоинствам книги следует добавить и весьма интересное ее оформление художником С. Бродским.

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О литературе — значит о жизни

На страницах этой книги (Юрий Томашевский «Встречи». Воронеж, 1975 г.) читатель встретится с шестью советскими писателями: Г. Баклановым, Е. Носовым, Г. Тропопольским, К. Воробьевым, Ю. Гончаровым и Е. Дубровиным. Ю. Томашевский, назвав свои статьи о них литературно-критическими сюжетами, очень точно определил жанр. Ибо каждая из шести глав, составляющих «Встречи», имеет четкий сюжет. Поэтому так интересно следить за ходом рассу

дени критика, постигать его выводы. Вот, например, он пишет о прозаике Константине Воробьеве, и это не статья о творчестве писателя, не литературный портрет, это история жизни его лирического героя, и как всякая история жизни, она сюжетна. Ю. Томашевский воссоздает эту историю, основываясь на многих произведениях К. Воробьева, раскрывая личность героя в столкновениях с другими людьми и в сложных внутренних борениях. Живой и глубокий анализ критика поможет читателю увидеть, как «жизнь заставила героя Воробьева и понять многое и принять ранее неприемлемое». Следить за таким толкованием образа увлекательно, так как концепция критика опирается на жизненные факты и глубокий психологический анализ.

Узкое, догматическое мышление, порождающее крайнюю самоуверенность, неприемлемо для Ю. Томашевского, поэтому особенно внимательно исследует он творчество тех писателей, у которых обнаруживает то же неприятие догматизма. Очень близки ему повести и рассказы Гавриила Тропопольского, давшего нашей литературе «целую галерею типов», у которых «обо всем на свете... всегда наготове собственная точка зрения. Она окончательна и пересмотру не подлежит». Статья о Г. Тропопольском — «Слово писателя-гражданина» — раскрывает тезис критика о том, что «гражданин сделал его (Тропопольского. — Е. М.) писателем». Исследуя сущность «нарицательных героев и типажей» Тропопольского, критик показывает, каким злом для людей обернулась их самоуверенность — результат узости взгляда и лености мысли.

Ю. Томашевский точно улавливает основную концепцию писателя, обнажает ее и, руководствуясь ею, проводит анализ произведения. Этот прием особенно заметен в очерке о Евгении Носове, писателе, который не может пожаловаться на невнимание к нему критики. Однако автор статьи «Сердцевина» нашел свой «поворот», свой ключ к творчеству писателя. «Тема человека, порвавшего свои родовые корни», — пишет Ю. Томашевский, — стала главной темой носовской литературы, ее туго натянутым звеном нервом, ее сердцевинной». Глубоко вникая в характеры носовских персонажей, критик приходит к выводу, что главной чертой этих людей, обрубивших свои корни, становится агрессивность, возникшая поначалу как защитная реакция. Критик не согласен со стереотипным отношением к Носову как писателю «деревенщине», ибо вопросы, которые он исследует, гораздо шире чисто деревенских проблем. И об этом, по словам критика, свидетельствует «второй заход познания времени», «второй круг», на который вступил сейчас писатель.

Немало писалось в нашей критике и о творчестве Григория Бакланова и Юрия Гончарова, ярких представителей так называемой литературы «лейтенантов», однако в статьях о них, в своих «невоенных суждениях о военных повестях...» Ю. Томашевский сумел найти собственный угол зрения. Нам кажется, что статьи эти читаются едва ли не с таким же волнением, как те произведения, о которых пишет критик. В чем же секрет этой увлекательности?

В коротенькой заметке «От автора», предваряющей книгу, читаем: «Критика пишет не о литературе. Она, как и литература, пишет о жизни. С той только разницей, что в своих суждениях опирается на произведения литературы». Тем-то и интересны статьи Ю. Томашевского, что они о жизни.

Елена МОВЧАН

ОТВЕТНОЕ СЛОВО

Алексей НИКОЛАЕВ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

«...чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине — любовь дает только энергию, а содержания еще не дает — надобно хорошо знать свой народ, сойтись с ним покрепче, сродниться».

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Вспомнились эти слова в щельковском доме Александра Николаевича Островского, и, может быть, потому пришла в голову мысль, показавшаяся поначалу неожиданной.

Представилось вдруг, что Ясная Поляна принадлежала бы не Льву Николаевичу Толстому, а кому-либо из его современников, сам же он жил и писал в Хамовниках, в удобном своем городском доме. Хоть и невероятна ситуация, но стоит подумать, был бы у нас тогда Константин Левин, да и состоялась бы вообще «Анна Каренина» в двух ее могучих потоках. Нет, наверное. Без Ясной Поляны не знать бы нам ни Ростовых в Отрадном, ни Болконских в Лысых Горах, не ведать бы прошлой жизни Катюши Масловой и жуткой трагедии Поликушки, как и всего «мужицкого» Толстого. Да что говорить, перелистайте любое собрание его сочинений, прикиньте так ли, этак, а все выходит: не досчитаться нам ПОЛОВИНЫ толстовского наследия, если бы Ясная Поляна оставалась только географическим понятием.

Даже беглый взгляд на литературу прошлого даст обилие подобных примеров. Глухие, безвестные дотопе уголки российской земли по разным ее губерниям и уездам, где жили и работали многие русские писатели, не только остались рядом с их именами, но и вошли в нашу литературу как часть их творческого наследия.

Таким стал и лесной уголок костромской земли, истинной в ту пору глухомани обочью Вятского тракта, «любезное селцо Щельково». Национальная наша драматургия, отечественный театр ему обязаны бесценным даром — Островским.

Не все, впрочем, помещается здесь в рамки заведенной традиции. Собратья Островского по перу вращались в свои усадьбы с младенческих лет, любовь к родным пенатам впитывали с материнским молоком, росла она в них и крепла с годами. У великого драматурга родовых имений не было. Не нашлось в родословной Островских предков, тех, что в екатерининские времена забирались с французскими библиотеками в медвежьи углы России и, отжив отмеренный век, оставляли наследникам и «людей», и землицы, и, с божьей помощью, капиталы для безбедного житья. Александру же Николаевичу Островскому было уже за двадцать, когда отец, выслужив дворянство, приобрел с торгов у опекунского совета заложненное именьеце промотавшегося помещика. В ту пору и отправился Островский (автор уже нашумевшей, но запрещенной к постановке пьесы «Картина семейного счастья») в Щельково, не зная и не ведая, чем станет оно в его жизни.

Любовь же вышла — внезапная и на всю жизнь. И что оказалось для нас самым бесценным — ВЗАИМНАЯ.

По счастью, сохранились листки дневников Островского с записями об этом первом его путешествии в Щельково. И хоть не значитесь в теории литературы такой жанр, как «объяснение в любви», причислить эти странички к какому-нибудь иному будет ошибкой.

**ЗА ЭТИМ СТОЛОМ ДО ПОСЛЕДНЕГО
ЧАСА ЖИЗНИ РАБОТАЛ ВЕЛИКИЙ
ДРАМАТУРГ.**

**МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ А. Н.
ОСТРОВСКОГО.**

ДОРОГА В ЯРИЛИНУ ДОЛИНУ.

Петру ДУДНИК,
лауреат премии комсомола
Молдавии

Поэт

Каждый день — восхождение,
восхождение в себе.
Каждый день — одоление,
одоление в борьбе.

Каждый день — восхождение
к неизвестному пику,
каждый день — продвижение
к счастливому мигу.

Каждый день — восхождение,
точно ты — альпинист.
Каждый день — опасность:
сорвешься — и вниз.

Чтоб надежды свершились,
торопись не спеша:
сто шагов до вершины,
но до пропасти — шаг.

Стисни зубы — и в кручу
ледорубом сплеча.
И вершина получит
твое имя,
смельчак!

У могилы героев

У братской могилы,
как белые розы,
девушки в белом —
невесты.
В их чистых глазах
благодарные слезы
видит
священное место.

В день тихой печали,
в день памяти скорбной —
память не гаснет
живая —
стояли они,
по-старушечьи стогрбясь,
голосу павших
внимая.

Бойцы, что до Мая
дойти не успели:
«Будьте достойны
вы наших

суровых красавиц
в солдатских шинелях,
с нами войну
отшагавших».

«Живем мы счастливо,
но, если зажгутся
в небе кровавые
зори,
шинели нам тоже
к лицу всем придутся —
младшие сестры мы
Зои».

У братской могилы
светло даже в полночь —
столько здесь роз
белоснежных.
Пришли будто вновь,
сострадания полны,
девушки
в белых одеждах.

Дождь

Матери, потерявшей
на войне сына.

Дождь, дождь, дождь —
неуемный, год за годом,
непрестанный, год за годом,
капли-камни, капли тона.
Год за годом, год за годом
дождь, дождь, дождь.
День и ночь стоит ненастье,
дождь идет в жару, в мороз,
дождь тяжелых, как несчастье,
материнских тихих слез.
Наполнить бы мог поля он,
степи, зыбкие барханы,
земли всей Земли он мог
превратить в моря хлебов.
Шел вчера он, неуемный,
и сегодня — непрерывно,
завтра он не перестанет,
послезавтра не уймется
дождь, дождь, дождь.
Капли горькие, как горе,
капли тяжкие, как годы.
Дождь, дождь, дождь...
Над страной в небе синем
солнце щедрое — для нас.
Но под небом, синим-синим,
материнских скорбных глаз —
дождь, дождь, дождь.
Сын ее, поэты пишут,
строит с нами города,
с нами вместе в космос вышел,
с нами вместе он всегда...
К звездам ближе, знать, дорога,
чем до отчего порога...
Дождь, дождь, дождь —
неуемный, год за годом,

Ехал он из Москвы на переменных. Путь лежал через места, одни имена которых были да и остались символами красоты русской земли, исконной ее истории и народности. — Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострома. С каждым днем, с каждым десятком верст восторг нарастал в душе молодого путешественника. Иногда, по собственному признанию, не мог он удержать слез, потому что «описывать этого вида нельзя. Тут все: все краски, все звуки, все слова». Но когда кульминация восторга, казалось бы, наступила и должен быть положен эмоциям последний предел, колыска свернула с ухабиистой — гоголевской — дороги, какую отыскать можно было только в России, лошади налегли, и открылось Щельково.

И, вдохнув его в себя, человек, которому все могущество русского языка по плечу было, будто теряет дар речи. Скажет он только, что «настоящее Щельково настолько лучше воображаемого, насколько природа лучше мечты».

Нужно было время, чтобы осмыслить все то, что произошло в его жизни с приездом в Щельково, и потом станет понятной истинная мера этого чувства, но уже в первое утро он запишет в дневнике: «Что за реки, что за горы, что за леса. У нас все реки текут в оврагах — так высоко это место... Дом стоит на высокой горе, а есть места, например, деревня наша Сергеево, откуда дом наш кажется в яме... верстах в пяти деревня Высоково, из той виден почти весь Кинешемский уезд. Если бы уезд этот был подле Москвы или Петербурга, он давно бы превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии...»

Бывал Александр Николаевич Островский и в этих краях, писал о их красотах, но в точных, ярких, мастерски сделанных записях не найдем мы уже того чувства, какое захватило его в лесной костромской глуши.

Оказалось же оно настолько новым, что, поселившись здесь хозяином, почувствовал Островский искушение попробовать себя на ином, незнакомом поприще и рьяно принялся за дело. Предметом чтения стали новейшие руководства по сельскому хозяйству; он что-то строит, переделывает, с немалым прилежанием ведет конторские книги (ну как не вспомнить Л. Н. Толстого!), стараясь поста-

вить на ноги запущенное имение. Но скоро на барскую затею пришлось махнуть рукой — помещика из Островского не вышло, а Щельково так и не стало «доходным местом».

Доходов, впрочем, не давала и литература. Странно сознавать теперь, что журналы платили первому драматургу России нищенски — только-только свести концы с концами, а театру с тогдашней системой бенефисов и вовсе приходилось отдавать пьесы почти даром. К тому еще лютовала цензура. Жил он в нужде и работал, по его собственным словам, «не разгибая спины», к каждому сезону «гнал» пьесу, а то и две; актеры нервничали, успеет ли. «Грозу» поставили с пяти репетиций, успех был ошеломляющий, и спектакль, как исключение, перенесли со сцены Малого в Большой. А денег не было, но не в качестве исключения... Иногда доходил до отчаяния, в письмах изливал душу ближайшим друзьям, хотел все бросить. И бросил бы, но... как прирос он сердцем к драматургии, так сроднился и со своим «убыточным» Щельковым.

Приезжал он сюда в начале мая и жил до сентября, а когда не пускали дороги, то и до снега. Это была уже потребность творчества. Не мог он теперь представить жизнь без «милого Щелькова», без этого дома, стоящего на краю лесистого оврага...

В этот дом входил с трепетом, но в кабинете тебя пронизывает особое чувство. Простой рабочий стол у окна, струганный и сколоченный мужицкими руками новоиспеченного дворянина, заставляет задуматься о многом. Но все как-то меркнет перед сознанием, что именно здесь, в простой до аскетизма обстановке рос и вызревал русский национальный театр.

Хотел было рассказать о доме Островского, каким мы его застали, но, перелистав томик пьес — «Воспитаннику», «Светит, да не греет», «Дикарку», — вижу, что автор избавляет меня от этой обязанности. Спустя столетие все, вплоть до указанных в ремарках деталей, осталось здесь точно таким. Мнение на этот счет многих режиссеров и театральных художников единодушно, а они утверждают, например, что всю пьесу «Лес» можно сыграть в комнатах этого дома, в его парке, только для сцены встречи Геннадия Демьяныча и Аркашки придется выйти за поворот вон той дороги и поставить столб с прибитыми двумя

дощечками, на правой: «В город Калинов», на левой: «В усадьбу Пеньки помещицы госпожи Гурмыжской».

На этом же месте стоял в ту пору столб с надписью: «В усадьбу Щельково, имение гг. Островских». Указатель обращен был к небольшому деревянному дому с четырехъярусными колоннами по фасаду. По-прежнему стоит он — такой же — на краю высокого, крутого обрыва, заросшего теперь вековыми деревьями в грачиных гнездах, по-прежнему выется внизу в луговых берегах укрытая ивняком речка Куюкша, тут же рядом впадает она в Сендегу, Сендега — в Меру, а Мера течет в Волгу... Теперь в этом доме мемориальный музей Островского.

Когда знаешь, что около половины пьес Островского написаны в Щелькове, то, перечитывая их сегодня здесь, видишь, что и не могли они быть созданы где-нибудь в другом месте, — природа так притягательна и впечатляюща, что требует от художника только ответа.

Здесь постоянно преследует тебя волнующее чувство узнавания. Драматургия не проза с точным и подробным описанием пейзажа и места действия, но вот овраг за щельковским домом никто не воспринимает иначе, как овраг за садом Кабановых в «Грозе»; а свернешь с дороги, и чуть в стороне отыщешь следы двух заросших теперь ям — при Островском были здесь постоянный двор и трактир Титова; старожилы расскажут, что был это хитрый и жадный кулак, его-то и «пропечатал» Островский под именем Бесудного; вспомнят тут же и Жука, у этого свой прообраз — разбогатевший грабежом здешний купец Нарышкин... Так, по крупицам, по деталям и складывается реальный комментарий к пьесе «На бойком месте». И таких открытий в окрестностях Щелькова искать — не переоскаль; кажется, что небольшой этот уголок костромской земли отдал художнику все, что есть в нем прекрасного и загадочного... Пойдешь дальше извилистыми дорожками, поросшими крушиной, орешником и ольхой, спустишься к речке, потом лесом, по елохам выйдешь на поляну, — тут и слепой увидит, услышит, ощутит Ярилину долину, прозрачный и чистый голубой ключ, где растаяла Снегурочка. А уж если случится прийти сюда в ту пору, когда под остатками померкшего снега пробивается новая жизнь, сама

природа заговорит, запоет знакомыми с детства стихами:

Зорь весенних цвет душистый
Белизну твоих ланит,
Белый ландыш, ландыш чистый,
Томной негой озарит.

Живое, трепетное окружение природы действует с такой убедительной, покоряющей силой, что невольно ловишь себя на мысли: ведь до сих пор считал эту сказку у земного реалиста Островского необъяснимой неожиданностью и только теперь, здесь, понял, что «Снегурочка» — ответная песня, которую спел Островский своему Щелькову.

И еще подумаешь: а не Щельково ли причиной, что и Волге спел Островский ответную песню? И какую!

Теперь и не представляешь его пьес без образа великой русской реки. Дело вовсе не в том, что и здесь будет тебя преследовать трепетное чувство узнавания, когда покажут тебе на Волге — от Костромы до Кинешмы — несколько крутых обрывов, откуда бросилась в воду Катерина, и в каждом узнаешь тот — настоящий; или когда проведут тебя по старинному городскому саду, окруженному низкой чугунной решеткой, и ты сам найдешь несколько мест, где поконила счеты с жизнью Лариса Огудалова; и когда увидишь тебе на высоких берегах беседки-ротонды такими же, как и в его время, как и теперь в спектаклях по «волжским» его пьесам... Обо всем этом не раз подумаешь в окрестностях Щелькова, проходя его дорогами и тропинками, но здесь же вдруг придет в голову, что именно он, Александр Николаевич Островский, первый и открыл Волгу!

Удивительно, но до него наша литература как-то стороной обходила великую русскую реку! Тургенев — первейший, быть может, наш пейзажист, давший несравненные картины России, — признавался с досадой, что, бывая на Волге, настоящей Волги не видел и прошла она мимо его прозы. Даже у Гончарова в «Обрыве» о Волге — всего несколько строк! Первооткрыватель ее в русской литературе — Островский...

Впрочем, в этой, пожалуй, несколько затянувшейся прогулке по окрестностям Щелькова мы больше воспринимаем Островского сквозь призму его творчества, оставляя в

непрестанный, год за годом,
капли-камни, капли стона—
капли с неба
самых добрых,
самых скорбных
в мире глаз.

Чужие города

Если бы я оказался
нежданно
на острове диком,
суровом, безлюдном,
в отчаянье власть
мне не дали бы дойны—
песни родного народа.

Пела мне мать их,
помню их с детства,
полностью я ими.

Если бы я оказался
нежданно
на острове диком,
среди бурного моря,
от гибели скорой
меня бы хранили
Вера, Надежда, Любовь.

Вера— в спасенье,
Надежда— на помощь,
к земле моих предков— Любовь

И жизнь бы продлилась,
вернее, не жизнь,
а похожее что-то:
жила бы ведь плоть,
а душа оставалась
все там же, все там же—
в дали безнадежной,
в залитых солнцем садах.

Растили их деды,
растили отцы их,
растить бы и мне...

На остров суровый,
безлюдный, угрюмый
заброшен я не был
судьбой непутевой.
И бурное море
меня не трепало,
хоть за морем был я,
за синим, безбрежным.

В чужих городах,
говорливых и пестрых,
бродил Робинзон,
нелеп и смешон.
Чужая земля—
как пустынный тот остров,
ее не умею
принять я душой.

Баллада о горном орле

Повержен день
и навзничь брошен,
царит здесь ночь
и только ночь.
Кто бурю черную
строжит
и кто ее
прогонит прочь?

Взрезают небо
сабли молний,
и молот грома
землю бьет.
Наперекор стихии
вольный
орел свершает
свой полет.

Но вот
неистовым порывом
его швырнуло
на скалу.
Разбита грудь,
и смяты крылья—
уж не взлететь
теперь орлу.

И, торжествуя,
буря была
его
за непокорный нрав
и сбросить в бездну
норовила:
он—сын свободы,
значит—враг.

Он знал—
не выиграть сраженья
И шаг за шагом
отступал.
Но, отступая,
пораженья
он своего
не признавал.

Ярилась буря,
разбиваясь
о грудь разбитую
орла,
и ничего,
как ни старалась,
уже с ним сделать
не могла.

И стихла буря,
обессилев,—
небесконечны
силы зла.
Распался мрак.
И в небе синем
раздался гордый
крик орла.

Ироническое

Слова, слова, вы злеще гадуки,
неуловимое, чем ртуть:
едва к перу протянешь руки,
вы норовите ускользнуть.

Зачем, зачем вы так жестоки?
Я отступаю, я сдаюсь.

Конец.
Пишу, как клятву, строки:
пера я больше
не коснусь!

Самообман—святая святых.
Поэты часто им грешат:
ведь ни один борник слова
ни слова клятвы
не сдержал!

Перевел с молдавского
Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ.

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

стороне живой образ писателя, а между тем Щельково дает обильную пищу и для такого восприятия.

Хотя и сменилось уже несколько поколений местных жителей после того, первого, которое знало Островского, но и теперь рассказы-вакт здесь об Александре Николаевиче настолько ярко, что представить его живым в нынешней обстановке не составляет особого труда, тем более, что все вокруг осталось прежним.

Так и видишь в буйно разросшемся парке высокую, плотную фигуру, крупное, типично русское лицо, с опущенными усами и рыжеватой подрстриженной бородой. Попыхивая толстой папиросой в длинном камышовом мундштуке, он спускается по крутому склону оврага, крепкие ноги в сапогах с высокими голенищами привычно находят верную опору; мелькает среди густого зеленого сумрака красная косоворотка под накинутым на плечи чесучовым пиджаком. В руках связка ореховых удочек и жестянка, которую маленький Саша Островский называл изобретенным им словом «червеница». Идет он к мельнице, к любимому своему омуту...

Пусть не удивляется читатель, но речь дальше пойдет о рыбной ловле. Для Островского это было не то, что называется сегодня чужим словом «хобби». В искусстве рыбной ловли из русских писателей сравниться с ним может разве только Аксаков, оставивший нашей литературе классические «Записки об удении рыбы».

Письма Островского из Щелькова читаются как серьезная и захватывающая монография о рыбной ловле. В летние месяцы великий драматург отдавал ей все утренние и вечерние зори. Щельковские дневники ЦЕЛИКОМ посвящены рыбалке: о крючках, наживке и поплавках пишет он с упоением, будто леги, голавли и подъяски были главным делом жизни, а вовсе не пятьдесят пьес, обесмертвивших его имя. Но было бы непростительной ошибкой представлять всепоглощающую страсть к рыбной ловле как одну из слабостей великого человека, какие мы привыкли «охотно прощать». Дело значительно глубже.

Волю нам, конечно, вообразить, что именно здесь, в омутках маленькой щельковской речки, как в магическом зеркале, впервые увидели ему трагичность-поэтичность беспри-

данныцы, бесшабашные Кудряши, громогласные и благородные Несчастливецы, трогательные в своей доброй наивности Кулигины, бескорыстно влюбленные в искусство Негины и Кручинины, монстры Хлыновы и Курслеповы... Смутно возникающие образы становились типами; положения, сюжеты оттачивались, крепки и, точно промытые чистой холодной водой бегущей к Волге маленькой речки, выросли в великие творения, которые одним именем—«Гроза», «Бесприданница», «На всякого мудреца...», «Лес», «Горячее сердце», «Последняя жертва», «Таланты и поклонники»—заставляют волноваться каждого, кому дорога русская литература, отечественный наш театр.

Так можно вообразить себе, и это не плоды разыгравшейся фантазии: множество людей, близко знавших Островского в Щелькове, рассказывают именно о таком методе его работы над очередной пьесой. Приведем здесь рассказ брата Островского, Петра Николаевича, о простом, казалось бы, случае, который дает, однако, исследователям жизни драматурга самый богатый материал для размышлений о путях его творчества.

В один из летних вечеров сидели они над речкой (вон над тем омушком у запруды). Александр Николаевич—с удочкой, брат возле—с книгой. Час, другой молчит Островский, и клев хороший, а он все хмурится, вздыхает.

— Ну, что,—спрашиваю,—как пьеса?
— Да что, пьеса почти готова... да вот концы не сходятся!—отвечает он, вздыхая.

Сценка примечательна. Она к тому, что, суживая возможности собственного воображения, мы частенько представляем себе работающего писателя не иначе, как за письменным столом, заваленным рукописями и прочими неизменными атрибутами творчества, а это книжное и, конечно, ограниченное представление. Вспомните маленький репинский этюд «Толстой на пашне». Ведь он говорит о писателе значительно больше, чем все остальные его многочисленные портреты, в том числе и за письменным столом с рукописями. Что говорить, творческий процесс—вещь таинственная, но, если вдуматься, состоит он, как и таинственная природа, из простых элементов: это вся жизнь писателя—его поступки, быт, привычки, окружение, наконец. И в этом смысле щельковская жизнь

Островского помогает понять не только истоки народности и демократизма его творчества, но и самый дух писателя, человеческое его сердце.

Конечно, первое появление Островского в Щелькове вызвало недоверие и настороженность крестьян: новый барин. Но когда год или два спустя мужики из окрестных деревень говорили щельковским: «Ваш барин»,—те обижались и резонно отвечали: «Это у вас барин, а у нас—писатель!»

Рассказывают, что знал он всех мужиков поименно. Были у него среди них и приятели близкие, с которыми Островский «водил компанию» и о которых в письмах своих пишет с большим уважением, даже с восхищением. Ивану Соболеву считал себя Островский обязанным за столярную науку; Петра по прозвищу «Каток» почитал он непререкаемым авторитетом по охотничьей части; а Ивану Ивановичу Зернову, советчику и напарнику в рыбной ловле, Островский, сам мастер в этом деле, преклословить не смел. Редкий день не заходил Александр Николаевич в крестьянские избы посядеть за самоваром, потолковать о делах; принимали его запросто, не как барина, но как доброго знакомого. Все без исключения отмечали в воспоминаниях, что мужики перед ним не заискивали, не дичились ни бабы, ни дети, говорили на равных и обо всем. (Можно не сомневаться, что здесь и почерпнул он часть драгоценных речевых сокровищ, которые так щедро рассыпаны в его пьесах.) Вспоминать ли о том, что к Островскому шли и с горем: падет ли лошадь, изба ли сгорит, а весной, бывает, и сеять нечем... «Лексан-то Николаич выручит». И выручал, никому не отказывал, хотя богачом от роду и до кончины не был.

Все сказанное, хотя и соответствует фактам, подтвержденным множеством воспоминаний, может показаться несколько однобоким, рисующим, так сказать, солнечную сторону отношений мужика и барина. Но так же доподлинно известны нам факты, когда мужик и барин должны были оказаться, говоря современным языком, в конфликтной ситуации. А такое случалось и не было редко.

Едет как-то Александр Николаевич через любимый свой лес, застаёт порубщика. Свалил тот большое дерево, взвалил кое-как на дроги, а лошаденка плохонькая—с места не

стащит. Мужик, как водится, охаживать ее кнутом. Посмотрел Островский:

— Что ж ты делаешь! Ведь угробишь скотинку. Постой!

И велит кучеру выпрягать пристяжную, чтобы парой свезти дерево во двор к порубщику...

Рассказывают еще, что Марья Васильевна была строга, не в пример мужу. Лесник, поймавший порубщика, жаловаться шел непременно к ней. Придет, она чертыхнется с досады:

— Разбойник! Какую хорошую сосну угробил!.. Увози скорей, раз свалил!..

Соседи-помещики за то же секли мужиков нещадно, да и суд не миловал: за одно такое дерево seem шкур сдирали и пускали крестьянина по миру.

Что ж, добрый человек был Александр Николаевич Островский? Кто спорит, конечно. Но вот ведь что примечательно. Были на Руси Салтычихи, случались и добрые помещики. А возьмите-ка русскую литературу, вспомните поименно всех «помещиков», оставшихся в истории под высоким титулом русского писателя. Не добрых-то среди них не было. Ни одного не было. А считать тут от Радищева до Толстого!..

Нет-нет да и вспоминается в разговоре об Островском имя Льва Николаевича. Разные они очень и по взглядам, и по привычкам, и по писаниям своим, конечно, тоже. Пожалуй, единственное, что роднит их и искушает вспомнить вкупе,—постоянство в приверженности к одному месту: как не мог Толстой «представить себя без своей Ясной Поляны», так ни за какие блага мира не отдал бы Островский «милого Щелькова». Да и то сказать, кого еще из русских писателей родные их углы одарили столь обильно, как Толстого и Островского!.. И, может быть, кстати тут вспомнить, что были они на «ты», а ведь для Толстого это было редкостью более чем исключительной. Александр же Николаевич едва ли не с половиной русской литературы и чуть ли не со всем отечественным театром был коротким приятелем. И не мудрено: московский хлебосол не мог отказать себе в удовольствии попотчевать друзей самым дорогим—несравненным своим Щельковым. И это особая глава деревенской жизни Островского

«У нас обычай—чем больше гостей и чем

ГОСТИНАЯ ЩЕЛЫКОВСКОЙ
УСАДЬБЫ.

В ОКРЕСТНОСТЯХ УСАДЬБЫ.

дольше гостят они, тем лучше», — писал он. В редком письме не найдешь привычной фразы: «Сделай милость, приезжай в Щелыково!» Теперь мы знаем, что эта русская черта характера щедро одарила его не только дружбой.

Когда кончился театральный сезон, актеры валом валили в костромскую глушь, к Островскому, а в день именин Александра Никола-

евича, 30 августа, гостей в Щелыкове считали десятками. И хоть платили первому драматургу по-прежнему скудно, а хлебосольство боком выходило, все же выстроил он для гостей просторный дом и потчевал по-русски.

Приезжали в Щелыково люди всякого ранга, а за стол садились без чинов и званий. Гремевший по всей России трагик, имя которого набирали на афишах аршинными буква-

НА ЭТОЙ ТЕРРАСЕ ЛЮБИЛ ОТДЫХАТЬ А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ ПИСАТЕЛЯ.

ми, сидел, не чинясь, с тем самым Аркашкой, о котором уездный листок писал коротко: «Приехал актер такой-то. Играл очень скверно...»

А Аркашка-то — провинциальный комик З.— был настоящий, задушевный приятель Островского, и любил его Александр Николаевич за то, что хоть и была ему сцена злой мачехой, а театр любил он пуще жизни, и хоть бывал бит кем и чем ни попадя, ради него терпел обиды и унижения; пил, конечно, горько... Ходил этот З. из антрепризы в антрепризу — из Вологды в Керчь, а уж сколько этими ногами в драных башмаках было меряно российских весей, не сосчитать. К Островскому являлся, когда ни денег, ни «гардеропу» и помину не было, и не на что было, по его выражению, «ни boir, ни tap-deg» — ни пить, ни есть. В Щелькове был он желанным гостем и своим человеком. (Человеком-то, должно быть, только здесь себя и чувствовал...)

И Геннадии Несчастливцевы хаживали в Щельково, как в собственный дом. Рассказывают, что раскатистый голос такого трагика здешние мужики частенько принимали за гром, торопливо осеняя себя крестным знаменем. Несчастливцевы, как и должно им быть, по причине «некоторых свойств характера» не уживались с разбойником-антрепренером, а что касается железных дорог, уже бывших на Руси в употреблении, то предпочитали передвигаться по шпалам. Фигуры это все были крупные, самообытные, стихийные. Театр и честь были для них высшими категориями в жизни. Кто-то, а уж Островский мог это почувствовать. Почувствовать настолько, что созданный драматургом Несчастливцев так по вкусу пришелся знаменитым трагикам, что ему стали подражать в жизни. И надо ли удивляться, что «Лес» оказался любимой пьесой русских актеров, а количеством представлений побил в разные годы все репертуарные рекорды...

Давно обросла легендами та эпоха русского театра, но если вы хотите почувствовать ее без хрестоматийного глянца, приходите в Щельковский музей Островского, — здесь найдете ее живой отблеск. Вот почему об этом музее нужно сказать особо.

Автором очерка и раньше, несколько лет назад, приходилось бывать в этом доме. Уже тогда музей заслуживал доброго слова, и дань эта была ему справедливо отдана. Но, попав сюда в нынешнем году, мы увидели: что-то изменилось. А изменилось многое и к лучшему.

Все музейное дело в Щелькове взяла в руки молодежь, которой энтузиазма не занимать, а о любви к Островскому, к каждому его слову, проанализованному с благоговением и в тех самых неподражаемых, чисто русских интонациях, говорить здесь как-то даже и неловко, потому что для людей, которые тут работают, это само собой разумеется.

Главная особенность музея Островского — в его интимности и в том тесном, неказенном контакте, который как-то сразу устанавливается с посетителями. Как только переступишь низкий, крашенный темной охрой порожек, едва оглядевшись, чувствуешь себя будто не в музее, а в знакомом и дорогом тебе доме. Улыбки, которыми тебя здесь встречают, и даже как говорят тебе «здравствуйте!», сразу настраивают на острое восприятие — серьезное и в то же время интимное. Здесь не услышишь, чтобы об Островском говорили в прошедшем времени, все рассказывается так, что чувствуешь, будто вышел Александр Николаевич в соседнюю комнату или спустился вниз к реке...

Музейное дело — вещь тонкая. Трудно объяснить, почему, бывает, приходишь в большой, богатый музей, час-другой слушаешь, смотришь с живейшим интересом, а вышел за двери — кончился музей, ушли в небытие эпоха, люди, снова все заслонилось пеленой времени... Ощущение от Щельковского музея Островского не замыкается его интерьером и стенами. Спустишься со ступенек крыльца и будешь кружить и кружить вокруг этого дома над высоким обрывом, слушать голоса птиц, скрип вековых деревьев в парке, ловить в густом смолистом настое разогретой хвои тонкие запахи жасмина и резеды, любимых его цветов; будешь ходить его тропинками, искать и с радостным чувством узнавания находить места, которые он знал, любил и которым спел он свою ответную песню. Бесмертную песню. И мало ли, долго ль был ты в Щелькове, уезжаешь отсюда всегда с Островским.

После выступления «Смены»

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Опубликованная в «Смене» серия статей «Заводской район» (№№ 13—18, 20, 21 1975 года), в которой были поставлены проблемы отдыха молодежи, работы спортивных клубов, Дворцов культуры, библиотек, театров, благоустройства городов, — вызвала многочисленные отклики читателей.

Из Ульяновска в редакцию пришло письмо А. Улина, в котором он рассказал о слабой воспитательной работе библиотек и кинолекториев, о случаях нарушения общественного порядка в городе.

На запрос редакции ответил секретарь Ульяновского обкома комсомола тов. Исаев: «Письмо комсомольца Улина обсуждалось на расширенном заседании бюро Заволжского райкома комсомола, в адрес которого высказал критику автор письма. На заседание были приглашены все секретари первичных комсомольских организаций, инспектора детских комитетов милиции, заместитель райисполкома. Бюро райкома комсомола отметило, что некоторые факты, изложенные в письме, действительно имеют место. Недостаточно используют комсомольские организации в работе с молодежью кинотеатры, стадионы, библиотеки; есть недостатки в индивидуальной работе с трудными подростками». В письме, адресованном в журнал, секретарь обкома сообщил, что «в настоящее время происходит реконструкция центральной части парка и фонтана. Построена новая танцплощадка, детские качели, карусели. Реконструкция парка завершится в 1976 году. Контроль за соблюдением общественного порядка в парке имени 40-летия ВЛКСМ возложен на оперативный комсомольский отряд приборостроительного завода. В районе регулярно проводятся рейды комсомольских отрядов по местам массового отдыха молодежи. Традицией стали в комсомольских организациях района молодежные вечера, посвященные в рабочий класс, конкурсы профессионального мастерства.

Опубликованные в журнале статьи серии «Заводской район» заставили еще раз районный комитет комсомола проанализировать уровень воспитательной работы с молодежью и подростками. Этот вопрос поднимался на пленуме РК ВЛКСМ, на заседаниях комитетов комсомола».

В ответ на статью «Добро пожаловать, или вход в сапогах воспрещен» (№ 14, 1975 год) читатели из города Калинина и Калининской области выразили свое согласие с критическим выступлением журнала по поводу слабой культурно-массовой работы с молодежью в городе и области.

Группа комсомольцев, работающих на комсомольско-молодежной стройке села Верхняя Троица, жаловалась, что молодежи негде отдохнуть, интересно провести свободное время.

Письмо редакции направила в обком ВЛКСМ. Секретарь Калининского обкома ВЛКСМ тов. Соколов признал справедливой критику, прозвучавшую и со страниц журнала и в письмах.

«Вопрос был обсужден на заседаниях комитета ВЛКСМ и завкома физкультурно-спортивной работы, в отделах культурно-массовой и физкультурно-массовой работы обкома ВЛКСМ, ГК ВЛКСМ, рассматривался в горкоме и обкоме КПСС».

«В масштабах города, — говорится в письме секретаря обкома ВЛКСМ тов. Соколова, — были разработаны мероприятия по улучшению работы Дворцов культуры и укреплению материально-технической базы. Проведена работа по благоустройству Дворца культуры «Металлист», в нем начали работу два новых объединения молодежи по интересам: клуб книголюбов и клуб любителей музыки; создан молодежный ансамбль балльных танцев, проведена работа по укреплению кадров дворца культуры».

Выполнена просьба и молодых строителей из села Верхняя Троица: в Доме культуры налажена культурно-массовая работа, дважды в неделю проводятся танцевальные вечера.

Девушки из рабочего общежития № 1 трикотажной фабрики «Хакасия» города Абакана, Красноярского края,

написали в редакцию, что у них нарушаются правила проживания в общежитии; им самим приходится убирать в общественных местах, обслуживающий персонал грубит, унижает жильцов; родственники, друзей и знакомых в комнаты не пускают, разрешая встречаться только в фойе. Для проверки фактов редакция направила копию письма в Красноярский крайком ВЛКСМ. Секретарь крайкома тов. Куимов сообщил нам, что «по письму была проведена проверка, результаты которой обсуждены на общем собрании жильцов. На нем присутствовали работники краевого комитета ВЛКСМ, представители парткома, фабкома, администрации фабрики, комитета ВЛКСМ. Распорядок проживания в общежитии, формы обслуживания утверждает теперь Совет общежития; для работ, не предусмотренных Положением о молодежном общежитии, жильцы не привлекаются, пропускная система утверждена по просьбе самих жильцов».

Постоянный подписчик «Смены» Андрей Девятов из города Нефтеюганска, прочитав в № 3 за этот год выступления бригадиров комсомольско-молодежных бригад, написал в «Смену» о работе в своей бригаде СУ-23 треста Нефтеюганскстрой. «Вопросы повышения качества выполняемых работ, — пишет А. Девятов, — основа нашего благосостояния. Я строитель, работаю каменщиком с 1956 года. Владею смежными строительными специальностями: бетонщик, плотник, печник, штукатур, могу и малярить. И вся бригада состоит из таких же хороших специалистов. Бригадиром у нас Андриенко — коммунист, депутат городского Совета. На днях он увольняется из нашей организации. За последний год уволилось уже несколько кадровых рабочих. Причина: снижение зарплаток, отсутствие организации труда, плохое снабжение материалами. Кирпич поступает на стройку битый, и панели домов редко бывают целыми. Мы тоже очень хотели бы работать по методу Злобина — этот метод выгоден и строителю и государству; а вот ликвидация брака, заделка обломков съедает всю экономию. Помогите нам исправить положение. Наш тюменский север для государства не менее важный объект, чем БАМ».

Редакция переслала копию письма рабоче-строителя, по-государственному заинтересованно относящегося к своему труду, в Нефтеюганск, управляющему трестом, в Тюмень, начальнику Главтюменнефтегазстрой и в обком КПСС. Через месяц мы получили ответ управляющего трестом тов. Кацана и идентичное письмо за подписью начальника СУ-23 тов. Новака, секретаря партбюро тов. Смирновой и председателя профкома тов. Кравцовой.

«Вопросы, поднятые в письме, — говорится в ответах, — отражают действительное положение дел в нашем управлении. Ввод в эксплуатацию автобазы на 400 машин, где работает Девятов А. М., предусмотрен в третьем квартале 1977 года, но до сих пор управление не имеет полной технической документации... Письмо тов. Девятова было обсуждено на рабочем собрании. Намечены конкретные меры, которые позволят форсировать строительство важнейшего объекта нашего управления — автобазы на 400 автомашин. Конечно, идеальных условий создать не обещаем, но сделаем все возможное по обеспечению этой стройки материалами, конструкциями, автотранспортом и механизмами».

Ответы, надо сказать, более чем осторожные, «без авансов».

Вот что ответил редакции журнала секретарь Тюменского обкома КПСС тов. Шмаль:

«Письмо тов. Девятова А. М. рассмотрено Главтюменнефтегазстроем. Проверкой установлено, что факты несвоевременного обеспечения материалами бригады тов. Андриенко действительно имели место, на что руководству треста «Нефтеюганскстрой» строго указано.

Вместе с тем члены бригады допускали прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины, которые также влияли на снижение заработной платы.

Жалоба Девятова обсуждалась с его участием на рабочем собрании строительного участка.

Бригада Андриенко полностью обеспечена необходимыми материально-техническими ресурсами.

Руководству строительного управления № 23 поручено усилить воспитательную работу в коллективе бригады».

«Смена» начинает публикацию романа известного болгарского писателя Богомила Райнова «Бразильская мелодия». Произведение это, завершающее трилогию «Три встречи с инспектором» (первые два романа — «Инспектор и ночь» и «Человек возвращается из прошлого»), еще не печаталось в советских изданиях.

При имени Богомила Райнова читатель, пожалуй, тут же представляет себе роман с остро закрученным детективным сюжетом. И тут он не ошибется. Однако автор так полюбившихся нам книг не только и не просто «детективщик».

Богомил Райнов — известный ученый, член-корреспондент Болгарской Академии наук, профессор истории искусств, видный общественный деятель — член ЦК Болгарской коммунистической партии, первый заместитель председателя Союза писателей.

Удивительная многосторонность Райнова поражает. Преподает марксистско-ленинскую эстетику в Академии художеств, пишет книги о мастерстве художника. Долгих шесть лет Райнов работал над фундаментальным исследованием «Массовая культура», одна из составных частей его, монография «Черный роман», переведена на русский.

Работа «Массовая культура» — уникальное явление. Она анализирует суть всех составных частей обогативающего влияния буржуазной цивилизации, муштрующей психологию человека, вырабатывающей в нем готовность принять насилие как неизбежность, стандартизирующей разум, смысл существования, потребность и идеалы. В творчестве Богомила Райнова это исследование имеет и еще одно существенное значение. «Черный роман», западный детектив, исследуется одним из активнейших практиков социалистического приключенческого романа, который жанр обозначается тоже как детектив.

Но можно спросить: чем же отличается детектив «капиталистический» от детектива «социалистического»? Ведь в основе любого детектива как правило, лежит острый сюжет, основанный опять же, как правило, на преступлении. И вот

тут безынтересно процитировать самого Богомила Райнова. Он пишет в «Черном романе»: «Преступление — это результат противоречия между личностью и обществом, наиболее резкое и крайнее проявление конфликта между стремлениями отдельного человека и интересами коллектива. Следовательно, пока существует антагонизм между личностью и обществом, будет существовать и опасность того, что этот антагонизм в тот или иной момент найдет свое проявление в преступном акте. Но поскольку особенности данного общества — результат объективных условий и объективного развития, постольку и особенности каждого отдельного индивида не представляют собой некую неизменную величину, а являются производным от особенностей самого общества. Социальный порядок карает преступника, но он же в известном смысле его воспитывает. От своеобразия данного строя зависит и своеобразие преступлений, порожденных этим строем. Преступный акт всегда социально обусловлен, и рассматривать его вне этой зависимости — все равно, что судить о жизни растения только по листьям, не принимая во внимание его корень». Богомил Райнов поясняет свой посыл: «Преступность не запрограммирована биологией человека, а является результатом определенной социальной эволюции, зарождения эксплуатации и частнособственнического сознания». И еще: «Преступность в новой и новейшей истории человечества — это, по существу, буржуазная преступность, возникшая не «вопреки» стремлениям господствующего класса, а именно как прямой результат его господства».

Мысленно как бы конспектируя эту тезу Райнова, мы обнаруживаем в ней отчетливо означенную позитивную программу, присущую социалистическому обществу. Антагонистические противоречия между обществом и личностью исключены. Однако подчеркнем, пережитки прошлого в сознании той или иной личности, чрезмерное корыстие, моральная неустойчивость, духовная неполноценность могут привести и подчас приводят к преступлению в наших условиях.

Поясняя концепцию своих детективов, Богомил Райнов сказал мне:

— Отклонение от норм социалистической морали может стать благодарной почвой для нашего идеологического противника. Обывательская страсть к накопительству, мещанское стремление к так называемой «красивой жизни» и прочие искривления морали создают почву для разложения, а порой и преступления.

«Черный роман» Богомила Райнова — своеобразный камертон для понимания его собственных вещей, в том числе и «Бразильской мелодии», для осознания места писателя — «детективщика» в социалистическом литературном процессе. Главная мысль писателя состоит, на мой взгляд, вот в чем. Буржуазный «черный роман» — это своеобразный идейный сорняк, необходимый буржуазному обществу не только для создания массового психологического климата, не только запугивающий «потребителя» всевозможными страхами, но и стимулирующий самую преступность. Детектив социалистический, как и вся социалистическая литература, гуманистичен в своей сути. Он как бы предупреждает читателя о возможных искривлениях, он указывает, к каким ужасным последствиям могут привести порой кажущиеся безобидными отклонения от норм социализма. Если «черный роман» загрязняет окружающую психологическую среду, то остроумнейший детектив нашего общества как раз очищает ее.

Богомил Райнов — человек, полный истинно болгарского обаяния: сдержан, спокоен, приветлив. О своей работе говорит так: «Некоторые писатели садятся за письменный стол, имея смутное представление о своей будущей книге. Я так не могу. У меня должно сложиться четкое представление о работе — от начала до конца. Придерживаюсь ритма — писать всегда». Ритм Богомила Райнова результативен: за шесть последних лет он написал два романа и монографию.

Вот, пожалуй, мы и представили вам автора «Бразильской мелодии».

Теперь слово ему.

Альберт ЛИХАНОВ

Богомил
РАЙНОВ

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Уютная однокомнатная квартирка. Сквозь окно и балконную дверь ее заливают сияние майского утра. Светло-серые стены, темные бархатные кресла, розовый персидский ковер и неперемный низкий столик. Бархатные шторы, тоже розовые, лампа под шелковым абажуром... Что еще? Ах, да: широкая тахта. Поверх мягкого одеяла на тахте лежит мертвец в небесно-голубой пижаме.

Осмотр, снимки, дактилоскопические исследования, составление протокола уже позади. Эксперты ушли, и в квартире нас осталось двое — я и мой старый приятель, судебный врач, не считая охраны у входа. Пока врач занимается своим делом, я еще раз осматриваю комнату, прихожую и балкон, чтобы уточнить собственные наблюдения и связать их в определенной последовательности.

— Эй, старина, есть что-нибудь новое?

Врач, как всегда, старается напустить на себя побольше

важности и с ответом не торопится. Я вздыхаю, достаю пачку сигарет «Слънце», но он торжественно заявляет:

— Мерси, не курю!
— Наконец хоть одна приятная новость, — говорю я, закуривая.

— Отравление газом и ничего больше. — Врач пропускает мимо ушей мою болтовню. — А все остальное покажут только анализы.

— Браво! Ты ловко объясняешь очевидные вещи.
— За ответы на загадочные платят тебе!
— Меня, собственно, интересует одно...
— Принимал ли он на ночь снотворное? — заканчивает вместо меня врач и небрежно добавляет: — Впрочем, дай-ка мне одну сигарету.

— Прощай, экономия! — ворчу я, наблюдая, как он привычно перебирает сигареты, отыскивая ту, что помягче. — А с каких пор ты не куришь?

— Понимаешь, если удержусь и завтра, то как раз получит-

ся два дня, — поясняет врач и с наслаждением затягивается.

Потом он укладывает свой чемоданчик, прощается и уходит. Теперь на месте преступления я один.

Не будем спешить с выводами. Рассмотрим прежде факты. Итак, нам известно следующее.

Христо Асенов — коммерсант, еще до войны переселившийся в Германию. Гражданин ФРГ. Несколько раз приезжал в Болгарию по торговым делам. Накануне, примерно в 21 час, он отправился в ресторан «Балкан» вместе с Магдой Коевой, его знакомой. Примерно в половине двенадцатого Асенов разыскивал по телефону какой-то человек. Чуть позже в ресторане появился Филип Манев, близкий приятель Коевой, и попытался ее увести. Когда Асенов запротестовал, Манев устроил скандал. Манева и Коеву задержали, Асенов же пошел домой, где сегодня утром его нашли мертвым.

Квартира, которую снимал Асенов, имеет отдельный вход. Сперва попадаешь в скромную прихожую. Справа — туалет, слева — широкая ниша с кухонным столом и газовой плитой.

Кран этой плиты был открыт... Так что же это—несчастный случай?

На кухонном столе банка растворимого кофе, пачка сахара, пустая чашка, сливки. На плите—кофеварка, а рядом с ней и под ней—вода. Асенов, видимо, хотел выпить кофе, зажег горелку, поставил кофеварку на огонь, а сам уснул. Вода закипела, перелилась через край, погасила пламя, и смертоносный газ проник в комнату...

Эту версию подтверждали и другие обстоятельства: входная дверь была заперта изнутри. Балконная дверь тоже закрыта, правда, не на ключ, но квартира находится на пятом этаже и проникнуть в нее через балкон не так-то просто. Перед тем, как облечься в пижаму, Асенов аккуратно разложил свои вещи на стуле возле балконной двери. Во внутреннем кармане пиджака умершего были найдены паспорт и бумажник с крупной суммой болгарских левов и тридцатью западногерманскими марками. Если целью убийства (допустим, что это убийство) была кража, то почему преступник пошел на риск, решив отравить Асенова газом? Ведь для этого надо было проникнуть на балкон, пересечь всю комнату, добраться до плиты и вернуться назад. Во-первых, услышав шаги, Асенов мог проснуться. Во-вторых, убийце надо было долго отсиживаться на балконе, пока газ наполнял комнату, а затем открыть балконную дверь и снова ждать, чтобы газ выветрился. И лишь после всех этих операций приступить к краже. Трудно всё это объяснить. Ведь вору достаточно было подождать, когда Асенов уснет, просунуть из-за балконной двери руку, дотянуться до стула, на котором висел пиджак, и взять все, что там находилось. Не говоря уже о том, что тот, кто хочет только украсть, редко идет на убийство. И, наконец, главное—деньги остались на месте.

Нет пока и оснований предполагать, что Асенова могли убить по иным мотивам—скажем, из мести. Он вырос в Бургасе, покинул Болгарию еще юношей, в 1939 году, и, насколько известно, у нас в стране у него не было ни родственников, ни близких знакомых. Скандал с Маневым? Конечно, теперь этот инцидент требует подробного изучения. Но ведь Манев и Коева были задержаны, когда Асенов был еще в полном здравии, и до сих пор находятся в отделении. Таким образом, они «вне игры».

Самоубийство тоже маловероятно. Когда человек готовится покончить с собой, он вряд ли перед этим станет варить кофе. Но если все-таки самоубийство, то из-за чего? Из-за того, что попытались увести его девушку? Слишком «нежно» для деловой версии.

Наиболее правдоподобным кажется предположение о несчастном случае: вода закипела, погасила пламя... и так далее. Но первая версия нередко бывает ошибочной, ибо опирается на поверхностные наблюдения.

Когда открыли запертую изнутри дверь (к счастью, этого не успели сделать расторопные соседи), концентрация газа в комнате оказалась очень слабой. Разумеется, газ мог улечься за время, прошедшее после смерти Асенова, но едва ли до такой степени. К тому же баллон с газом был почти полным. Если же допустить преступление, то столь слабую концентрацию газа легко объяснить. Отравив свою жертву, убийца провертел помещение, чтобы осуществить кражу и затем представить все как несчастный случай.

Пойдем дальше. Хотя квартира находится на пятом этаже, попасть в нее через балкон можно. Над квартирным балконом нависает балкон чердачный, связанный с чердачным коридором, на который, в свою очередь, можно подняться по черной лестнице. Дверь на чердак была закрыта, но свежие царапины на замочной скважине дают основание полагать, что тут действовали отмычкой.

Человек, проникший на чердак, был уже близок к цели: чтобы попасть в квартиру Асенова, надо перелезть через перила чердачного балкона и отважиться на метровый прыжок вниз. Если подстраховаться веревкой, можно без особых затруднений проделать и обратный путь.

Но даже самый умный и опытный преступник, мечтающий совершить «ОБРАЗЦОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ», забывает подчас о том, как бы он ни был предусмотрителен и ловок, нет способа не оставить улики. Каждый из нас материален и действует в материальной среде. Вот и сейчас улики налицо: царапины на замочной скважине, следы на пыльных перилах чердачного балкона, видимо, от веревки, легкий след на штукатурке фасада—там, где человек вынужден был опереться ногой, подтягиваясь на веревке, и, наконец, еще один след—наверное, отпечаток той же ноги в носке на полу прихожей. Если каждый из этих отпечатков взять в отдельности, их появление можно объяснить причинами, не относящимися к нашему делу. Но при сопоставлении они дают воображению известную пищу.

Все это так. Однако нет смысла разжигать воображение подобными доводами. В конечном счете обнаруженные следы могут оказаться не уликами, а просто случайными отметинами. Каждая мелочь становится подозрительной, если начинаешь в нее всматриваться. Я вспомнил давнишний случай, когда очень уж много фактов доказывали убийство, а в итоге было установлено самоубийство. Стало быть, подождем заключения экспертов.

Одно бесспорно: если здесь убийство, то оно было не только предумышленным, но и тщательно и хитроумно задуманным, но и совершенно хладнокровным преступником. Последовательные этапы операции: прыжок на балкон, газ, проветривание, кража, инсценировка несчастного случая, уход—все это требовало не только времени, но и железных нервов.

Кроме того, преступник должен был хорошо знать квартиру Асенова. Ведь он делал ставку на газовую плиту, а они еще не слишком распространены у нас из-за отсутствия собственного природного газа.

Эта мысль заставляет меня покинуть комнату Асенова и отправиться к хозяйке покойного.

Гражданка Гелева живет рядом, за перегородкой, отделяющей ее комнату от той части квартиры, которую она обычно сдавала.

Гелева открывает дверь после первого же звонка. Она улыбається, стараясь скрыть страх и досаду, и приглашает меня в помещение—гибрид спальни и гостиной. Комната обставлена красивой, но довольно старой мебелью.

— Присаживайтесь,—натянуто улыбается Гелева.—Хотите кофе?

— Только если он уже готов. И если позволите, я закурую.
— Конечно. Я тоже курю. А кофе и в самом деле почти готов.

Это «почти» занимает около десяти минут, но их нельзя полностью списать в пассив, ибо открытая дверь дает возможность продолжать неизбежный в таких случаях разговор:

— Сколько раз останавливался у вас Асенов?
— Три раза. Уже в первый приезд квартиры ему понравилась... У меня, сами видите, все чисто...

— Да, это видно. А как он проводил время? С какими людьми встречался? Кто бывал у него? Расскажите все, что о нем знаете.

— Это был исключительно аккуратный человек. Насколько я поняла из его телефонных разговоров (он иногда забегал ко мне позвонить), у него были только деловые связи. Здесь никто не бывал, кроме одной его приятельницы.

— Коевой?

— Я знаю ее как Магду.

— А что бы вы могли сказать об этой Магде?

— Да что вам сказать! Эти нынешние вертихвостки, вы их, наверное, сами знаете...

— Она надеялась выйти за Асенова замуж, не так ли?

— Может, и надеялась. Но Асенов был не из тех, кто женится на ком попало.

— А вы не знаете, с кем общалась Магда, когда Асенов уезжал в ФРГ?

— С такими же, как она сама. Встречала ее раза два на улице с какими-то подозрительными парнями.

— А у вас кто бывает?

— Соседки. Кто же еще?

Гелева приносит поднос с кофе, ставит передо мной на столик и садится, положив ногу на ногу. У Гелевой еще густые волосы, белое ухоженное лицо, и выглядит она молодо, хотя ей, наверное, уже за пятьдесят. Надеюсь, нервы у нее тоже в порядке.

— А супруг ваш разве не заходит?—спрашиваю я, отпивая кофе.

— Хотите сказать, бывший?—Она недовольно морщит свои полные губы.—Заходит иногда, чтобы испортить мне настроение.

— Так ли?

— Именно так! Всегда хочет вытянуть из меня деньги.

— Под каким предлогом?

— Считает, что я должна ему за квартиру. В свое время он действительно помог мне ее купить, но я давно...

— Ясно. А как вы провели вчерашний вечер?

— У меня была Савова, соседка снизу. Пили кофе, болтали, потом я ее проводила.

— В котором часу?

— Около десяти. Прибрала немного комнату и легла, но мне не спалось.

— Вы слышали, когда пришел Асенов?

— А как же! Только включила радио, и он явился.

— Когда это было?

— В полночь.

— А потом?

— Потом ничего. Перед тем как заснуть, ничего больше не слышала.

— Благодарю вас за сведения.—говорю я, поднимаясь.—Да, чуть не забыл: почему вы перенесли газовую плиту на ту половину?

— Да потому, что квартиранты хотят пользоваться плитой, а газовые гораздо дешевле электрических.

Гелева смотрит на меня вопросительно, стараясь угадать причину моего вопроса, и добавляет:

— И при чем здесь плита? Если человеку суждено умереть, он и без плиты умрет.

Я знаю, что подобные убийства по законам детективной литературы должны совершаться в мрачную погоду с туманами и дождями, причем дождь может быть любой: моросящий и надоедливый, косяй и холодный, проливной и даже грозовой. А инспектору полагается бродить в этой кромешной тьме и пытаться рассеять туман, которым убийца окутал свое злодейское преступление.

Короче, традиции жанра мне известны, но убийства не считаются с календарем, и когда я выхожу на улицу, то попадаю в объятия погожего весеннего дня. Деревья распустились, и сквозь нежную зелень ветвей я вижу фигуры парней, девушек, матерей с детьми, и точно комок над всем этим—синее, синее небо. Вот он, мирный город, по которому иду и я. Иду и чувствую себя лишним—вместе со своими мрачными версиями и прочими атрибутами своей профессии, которая, по сути дела, является анахронизмом. Правда, этот анахронизм лишь следствие другого анахронизма—преступ-

ности. Но так или иначе, туманы и дожди больше соответствуют деятельности инспектора.

Выхожу на бульвар Витоша и через несколько десятков шагов достигаю кафе «Бразилия». Зал после солнечной улицы кажется темным и сыроватым. Подхожу к бару и вижу знакомую официантку.

— Здравствуй! Что подать?

— Только не кофе.

— Если не кофе, тогда зачем пришел к нам?

Официантку немного задевает мое пренебрежение к гордости кафе «Бразилия», но все же она приносит мне апельсиновый сок.

— Среди ваших клиентов нет ли неких Филипа и Магды?

— А как же! Они тут постоянно околачиваются.

— А когда?

— В основном по вечерам.

— Кто еще в их компании?

— Два парня—Спас и Моньо.

— А еще?

— Раньше приходили две девушки—Дора и Лиза, но давно уже их не видно.

— Как они себя ведут?

— Вполне прилично. Только этот Спас немного дикий.

— В каком смысле?

— Силы много, а ума мало. Однажды ввязался в драку с двумя клиентами. Хорошо, Филип его остановил.

— Связаны они с иностранцами?

— Такого не замечала.

— Мерси! Сок был чудесный.

— Но ты его даже не пробовал!

— Какая разница—я знаю вашу фирму.

Выхожу на улицу и, слегка щурясь от солнца, снова бреду по городу рядом с собственной тенью.

Устраиваюсь в своем тихом кабинете за добротным письменным столом. Это не то что моя прежняя канцелярия, с рядами пустых столов и сорокасветовой лампочкой. Теперь у меня свой, ярко освещенный кабинет, в нем есть глобус, напоминающий мне луну. От луны, согласитесь, уже совсем недалеко до романтических воспоминаний о встречах с любимой, когда над головой колыхаются ветви ночного леса...

Но теперь мне не до приятных воспоминаний и ночных прогулок. Отгородившись от живого мира стенами кабинета, я должен погрузиться в деловые бумаги и документы. Немного справок. И больше работы мозговыми извилинами.

Кто-нибудь может подумать, что я напрасно трачу драгоценное время, теряю темп и вообще отстаю от поезда. Убийца—если он существует—воспользуется моей медлительностью и уничтожит все улики. Улики? Какие именно? Грязные носки, которые можно сжечь за пять минут. Отмычка, которую можно ночью выбросить в колодезь канализации, отправив туда заодно и пару перчаток. Запыленная одежда—пуловер или куртка—после нескольких взмахов щеткой снова станет чистой. Вот и нет улик.

Однако я подозреваю, что существует еще одна улика, от которой не так легко избавиться. И эту улику—если, конечно, она вообще существует—преступник уничтожить не будет, а постарается спрятать понадежнее. Весь вопрос: где? И естественно: кто это сделает?

И вот я сижу за своим столом, связываюсь по телефону с разными службами и стараюсь полностью использовать возможности своей конторы.

Когда меня вызывают к шефу, я как раз просматриваю документы из темно-зеленой папки.

Полковник встречает меня стоя, кивает в знак приветствия, показывает рукой на кресло, а затем на деревянную коробку на столике, что означает «можешь курить» и в то же время «готовься к подробному докладу».

— Итак, что нового?—спрашивает шеф, дожидаясь, пока я сяду и закурую сигарету.

Излагаю с предельной краткостью установленные до сих пор факты, стараюсь не пропустить ничего существенного, хотя полковник уже в курсе наиболее важных деталей.

— Не понимаю, почему хозяйка так рано позвонила Асенову?—спрашивает он.

— Она неслась ему завтрак. В семь часов, как обычно.

— Что любопытного в показаниях Манева и Коевой?

— Ничего интересного, кроме того, что они полностью совпадают. Скандал изображают как сцену ревности.

Шеф задает еще несколько вопросов о том о сем, но метит именно туда, где у меня «тонко». Затем следует неизменное:—Какие у тебя версии?

Полковник слушает меня, погруженный в размышления, что дает мне возможность якобы по ошибке закурить вторую сигарету. Сам шеф не курит и не любит, когда в его кабинете чересчур дымно.

Заканчиваю изложение и умолкаю, убежденный, что исчерпал все. Но когда полковник заговаривает сам, два-три мелких, а может быть, и существенных упущения с моей стороны вдруг становятся очевидными. Ничего удивительного. В голове шефа сконцентрирован не только его собственный опыт, но и опыт всех его помощников. Кроме того, шеф умеет анализировать факты с той последовательностью и полнотой, какой иной раз недостает мне.

— А в остальном считаю, что ты правильно наметил круг

Продолжение на 30-й стр.

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«ДВА ХОРОШО»

Так называется движение, популярное в школах ДРВ. «Два хорошо» — это хорошо учить и хорошо учиться.

В минувшем учебном году страна перешла к единой восьмилетней системе образования. Напомним, что раньше обязательное обучение осуществлялось в школах двух ступеней: четырехклассной начальной и трехклассной школе второй ступени. Таким образом, сейчас срок обязательного обучения увеличен на год. А полное среднее образование дают школы третьей ступени.

В столице страны Ханое в закончив-

шемся учебном году в восьмилетней школе занимались 283 тысячи мальчишек и девчонок, что на десять процентов больше, чем в предыдущем учебном году. В школах третьей ступени число учащихся увеличилось на двенадцать процентов — в старших классах занимались тридцать семь тысяч молодых людей.

Двадцать тысяч педагогов в равной мере заботятся и о теоретических знаниях ребят, и о формировании трудовых навыков, и о физической закалке, и об эстетическом воспитании, и, разумеется, об их гражданском, идейном становлении.

«ВЬЕТНАМ ЮФ», ДРВ

РОБИН ГУД В СУТАНЕ

Зажиточных жителей бельгийского города Намюр охватило беспокоейство: после ряда краж со взломом местная пресса заговорила об опасном маньяке-граббителе.

Однако все попытки жандармов найти его были тщетны.

Помог случай: поздней прохаживаясь около одного ресторана далеко за полночь, услышав подозрительный шум. Затаившись, он увидел выходящего из дверей закрытого заведения мужчину, несшего ящик с бутылками в багажник машины. Прибывший наряд полиции подтвердил: человек, совершивший нападение на ресторан... местный священник Морис Тирион. Сначала обвиняемый молчал. Тогда полиция провела у него на дому обыск. А надо сказать, что по совместительству Тирион, 43-летний настоятель церкви «Сен-Жан-де-Дье», также и директор приюта физически и умственно неполноценных детей. В кладовке приюта

нашли многое из похищенного ранее.

После этого отец Тирион заговорил. Он прибежал к кражам потому, что государственные власти Бельгии преступно забыли о своих находящихся в беде маленьких гражданах. Зажиточные же бюргеры Намюра готовы помочь им больше на словах, чем на деле. Вот и воровал священник-директор на свой страх и риск цемент и кирпич, чтобы хоть как-то, пусть уж и не по-божески, но все-таки оборудовать приют. Чтобы его больные питомцы не ползали в холодное время года по ледяным каменным полам, он выкрадывал у богатых горожан ковры. При этом отец Тирион карал по своему усмотрению лишь самых обеспеченных, оставляя в покое малоимущих, за что и удостоился клички «Робин Гуд в сутане». Тотчас же после ареста Тириона в городе начались демонстрации с требованием освободить его.

«ПШЕКРУИ», ПОЛЬША

РАДИ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

У Моны Лизы появился еще один повод к улыбке.

Леон Мекуса, живущий в Париже, продал свое весьма процветающее текстильное дело, которое он начал тридцать пять лет назад, и нанялся на работу охранником в Луар.

Жалованья, которое он теперь получает, едва хватает на питание, но зато работа позволяет ему в течение восьми часов в день сидеть около картины, которую он любит более всего.

Леон говорит: «Я не могу купить ее, но теперь по крайней мере я могу находиться около нее постоянно. Я был очарован ею с детства, с той

минуты, как увидел этот шедевр Леонардо да Винчи».

Его жена поясняет: «Леон должен был выбирать между бизнесом, деланием денег и любовью к искусству».

Мона Лиза одержала верх.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ИНКИ- ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛИ?

Утверждая, что инки летали на воздушном шаре гораздо раньше братьев Монгольфьер, американец Г. Вудмен и англичанин Дж. Нотт предложили новое объяснение загадки перуанской области Наска — видимых с самолета линий на каменной земле, которые образуют изображения солнца, кондора и т. п. Кем были созданы эти изображения — пришельцами из космоса или коренными жителями страны? Вудмен и Нотт считают, что сделали это инки, которые руководили проведением линий с воздуха — с борта прамонгольфьеров, построенных ими самими. Для доказательства своего утверждения два исследователя построили воздушный шар из волокон и других материалов, идентичных найденным в древних гробницах в этой области и имеющих возраст 2000 лет. После наполнения оболочки воздушного шара теплым воздухом исследователи поднялись на нем на высоту 125 метров, пробыли на этой высоте четыре с половиной минуты и благополучно возвратились на землю.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ПОЧЕМУ НЕ ПОЛУЧИЛАСЬ КАРЬЕРА

Ее зовут Каролина Варга-Дипиду, она цыганка, ей тридцать два года, глаза карие, волосы каштановые. Профессия — танцовщица. Каролина обладает удивительными способностями.

Известие о том, что канадский психолог Джон Эртл обнаружил женщину с коэффициентом интеллекта 186, что на 14 больше, чем у гениального Альберта Эйнштейна, вызвало сенсацию.

Электронная установка Эртла черпает информацию об интеллекте человека прямо из его мозга. Человек, подвергающийся тесту, может даже не уметь ни писать, ни читать, то есть культурный слой не влияет на процесс определения. Находящиеся в специальном шлеме чувствительные электроды снимают показания биотоков мозга с поверхности головы и передают их на компьютер.

Каролина удивила многих, получив в 18 лет звание бакалавра в Бруклин-Колледже в Нью-Йорке. Другим это удавалось только к 22 годам. Потом в Колумбийском университете она получает титул магистра общественных наук. Блестящая карьера молодой цыганки, однако, быстро кончилась. Из-за расовых предрассудков и недоверия со стороны работодателей она смогла занять лишь место учительницы школы для умственно отсталых. Разочарованная, она уходит из школы и поступает... в школу танцев.

На изобретение Джона Эртла находится много охотников, которым не терпится поставить дело на широкую ногу и измерять уровень интеллекта даже у младенцев. Все это вызывает опасения у психолога, поскольку фактов злоупотребления достижениями науки в ее истории более чем достаточно.

«ЖИВОТ», ЧССР

АФРИКАНСКОЕ СОНГМИ

На страницах западных газет общается об ужасном массовом убийстве, совершенном «белыми» войсками родезийского расистского правительства. Об убийстве рассказал один из участников преступления, двадцатидвухлетний Том Маккартис.

Донесчик информировал власти о том, что 17 партизан намереваются прийти в одно селение у подножия горы Мавурадонха, недалеко от границы с Мозамбиком. Подразделение, в котором служил и Маккартис, было послано к этому месту и окружило село. Партизан пропустили в селение, после чего командир приказал включить прожекторы. На хижины, освещенные, как при дневном свете, обрушился град пуль. Тринадцать партизан были убиты, четверо взяты в плен.

И тогда началась резня. Убивали мужчин, женщин, детей. Затем трупы свалили в кучу, облили бензином и подожгли. Для устрашения населения родезийские солдаты пролетели на вертолетах над селениями, привязав к машинам тела убитых партизан.

Ужасная бойня, о которой рассказал Маккартис, показывает, что «белые» родезийцы находятся в плену истерии и ужаса. Освобождение Мозамбика, а затем Анголы глубоко изменяет положение в южной части Африки, уменьшает поле маневрирования — и в политическом и в военном аспекте — расистов и усиливает патристическое движение.

Окруженные почти шестью миллионами африканцев, жаждущих освободиться от колониального гнета, 300 тысяч белых чувствуют, что приходит конец их господству.

«ПО СВЕТА», БОЛГАРИЯ

ВЕНЕЦИЯ. ЕЩЕ ОДИН «ШЕДЕВР»

Когда служитель базилики святого Марка в Венеции ранним мартовским утром открыл дверь, чтобы выйти на улицу, сердце у него внезапно заколотилось: все пятнадцать квадратных километров знаменитой площади святого Марка были завалены бумагой: рекламными объявлениями, афишами, расписаниями поездов, старыми газетами, порнографическими изданиями и горами бумажных салфеток и скатертей.

Собравшиеся к месту «происшествия» жители Венеции начали шумно выражать свой протест, требуя к ответу муниципальных уборщиков мусора (за день до этого те объявили забастовку). Но причиной безобразия оказалось стремление к самовыражению новоявленного гения модернизма западногерманского художника Ганса Юргена, более известного под именем Га-Шульт. Свой «шедевр» Га-Шульт наименовал «Живая Венеция» и посвятил его открывшейся 13 июня этого года в Венеции художественной выставке «Биенале современного искусства».

Чтобы перенести на площадь 15 тонн бумаги, Га-Шульту пришлось нанять более 60 носильщиков. А часам к 10 вечера он лично покрыл бумажные груды газетами, причем уголок каждой газеты аккуратно загнул сверху, поскольку это, по его словам, должно было символизировать «неустанное движение жизни, которое окружает всякого, кто побывает в Венеции».

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

Безудержная охота на человекообразных обезьян, и в частности на орангутанов, поощряемая стремлением ряда дельцов с наибольшей выгодой для себя продать их зоопаркам мира, привела в последние годы к значительному сокращению обезьяньего стада. Так, по самым осторожным оценкам экспертов, орангутанов, живущих на островах Калимантан (Борнео) и Суматра, сейчас осталось едва ли 1000 экземпляров. Этому редкому виду человекообразных обезьян грозит полное вымирание, если срочно не будут приняты радикальные меры, направленные на сохранение и защиту животных. Пойманные в этом районе орангутаны тайно переправляются в Сингапур, но вследствие недостаточности квалифицированного

ухода многие умирают еще в пути. Международный союз директоров зоосадов недавно вынужден был принять решение: члены этой организации впредь будут покупать только тех орангутанов, на вывоз которых имеется официальная лицензия.

Представляет также интерес почин Антони Горотуда, создавшего на острове Калимантан самую «сумасшедшую», по его выражению, школу в мире, директором которой он является. По инициативе Горотуда все ранее пойманные обезьяны направляются в эту школу на «переучивание» и избавление от приобретенных ими в неволе вредных привычек. По мнению ученых, акция «назад к природе» должна способствовать сохранению этого редкого вида человекообразных обезьян.

НБИ, ГДР

ОПЕРАЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Обескураженные весьма невысоким процентом удачных операций, связанных с пересадкой сердца, многие хирурги уже отказались от них. Но есть и исключение — доктор Норман Шамвей из Станфордского университета. На заседании Ассоциации врачей-кардиологов было сообщено, что начиная с 1968 года Шамвей и его помощники в среднем раз в месяц делают пересадку сердца и что 36 пациентов из 96 сейчас живы. Ни одна другая группа врачей не может похвастаться столь же высокими достижениями. Кроме 96 операций, проведенных в Станфорде, во всем мире известны еще 190 случаев трансплантации сердца, и из этих почти двух сотен пациентов с чужим сердцем живут лишь четырнадцать человек.

Успех Шамвея вызвал новый интерес широкой публики к этим

сложнейшим проблемам медицины.

Пациенты клиники в Станфорде своей жизнью обязаны нескольким нововведениям, осуществляемым в послеоперационный период. Прежде всего им дают лекарства, которые стимулируют деятельность сердца после трансплантации. Затем, учитывая ослабление организма больного и его возрастающую восприимчивость к инфекциям, пациенту помогают бороться против возможных недугов с помощью ряда антибиотиков. Кроме того, вскоре после операции врачи рекомендуют больному курс физических упражнений с весьма солидными нагрузками. Все это, вместе взятое, по мнению Шамвея и его помощников, позволяет пациентам с пересаженным сердцем надеяться на лучшее.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

ВЕХА В ИСТОРИИ ТЕАТРА

В рамках программы культурного сотрудничества между Республикой Кипр и ГДР Кипрская театральная организация начала сезон 1975/76 года постановкой пьесы Бертольда Брехта «Кавказский меловой круг». Постановил спектакль режиссер из Германской Демократической Республики Хейнц-Уве Хаус. Безупречная режиссура Уве Хауса получила восторженные оценки прессы.

Премьера состоялась 25 октября

1975 года в переполненном муниципальном театре Никозии. Спектакль имел громадный успех и стал заметной вехой в истории театра Кипра.

Многие факторы объясняют фурор. И великолепная пьеса, и превосходная режиссура, и отличная игра актеров, стремящихся оправдать ожидания зрителей, и интересная работа кипрских деятелей театра — композитора и художника.

«САЙПРЕС ТУДЭЙ», КИПР

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

БРАЗИЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

Начало на 26-й стр

расследования.— заканчивает полковник.—И все же помни, что ответ может находиться и вне этого круга. Действуй без поспешности в выводах.

— Разумеется,—киваю я и готовлюсь встать.

Но полковник останавливает меня:

— Когда я говорю «без поспешности в выводах», это не означает проволочки. Напротив, необходимо действовать быстро. Ты знаешь, Антонов, я считаю тебя хорошим работником, и у меня нет привычки вмешиваться в твои дела, хотя иногда ты проявляешь самонадеянность и пользуешься... ну, назовем их «своеобразными» методами расследования. Однако этот случай особенный. Речь идет о смерти,—видимо, смерти насильственной—иностранный подданный. Происшествие тотчас подхватит вражеская пропаганда. То, что Асенов—болгарин, используют эмигрантские центры. Уголовное преступление будет представлено как политическое убийство. Именно поэтому необходимо действовать быстро.

— Понятно,—говорю я и ухожу.

Снова склоняюсь над зеленой папкой. Документы, собранные в ней, это главным образом протоколы допросов,

отражающие отдельные эпизоды из биографии этой «отзывчивой» девушки—Магды Коевой. Неразборчивые связи с иностранцами. Предупреждения в милиции и обещания начать новую жизнь. И другие подробности в том же духе. Последние данные полугодовой давности. Надеюсь, что Магда все же изменила свое поведение.

Выписываю из протоколов некоторые имена и прошу принести мне другую папку, связанную с одним из этих имен.

Уже заканчиваю знакомство со второй папкой, когда входит лейтенант и докладывает, что меня ждет некий Пенев. Приходится немного сосредоточиться и припомнить, что он живет в одной квартире с Моньо и Спасом и что я сам пригласил его.

Объясняю Пеневу, о чем идет речь, и прошу его рассказать о Спасе Влаеве и Симеоне Кирове, которого чаще называют уменьшительным именем Моньо.

— Гангстеры!—лаконично отвечает Пенев.

— Что вы имеете в виду?

— Так ведь я же сказал: гангстеры! Людям просто некуда от них деться. Каждый вечер—магнитофоны, крики, песни до поздней ночи.

— Что еще?

— Разве этого мало? Я трудовой человек. Счетовод. Мне необходимо иметь свежую голову. А после бессонной ночи...

— Отлично вас понимаю,—прерываю я Пенева.—А на что живут эти двое, чем занимаются, с какими людьми общаются?

— С кем же им общаться! С такими же паразитами, как они сами. Бывает у них Филип, якобы художник. Насколько он художник, черт его знает! И Спас и Моньо вроде учатся на юридическом факультете, но как они учатся и когда, одному богу известно. Спас обирает мать, а Моньо посылают деньги

родители из провинции. Отец его, говорят, важная личность, начальство какое-то. Мог бы приехать в Софию да посмотреть на своего сынка, чем он тут занимается!

Пенев продолжает кипятиться, поминая то бога, то черта. Но наконец мне удается направить его внимание на вчерашние события.

— Вчера они начали пьянку еще засветло. Правду сказать, этот Спас пьет не очень, зато уж Моньо лакает и за живых и за мертвых. Конечно, перво-наперво включили магнитофон, да погромче, так, что голова раскалывалась. Крутят без конца «Бразильскую мелодию»... Как не опротивело ее слушать, одному богу известно. Она у меня в ушах навязла, а они...

— Вполне вам сочувствую. Ну, а потом?

— Потом они включили приемник.

— Когда?

— Около восьми. Во всяком случае, до новостей.

— Значит, слушали Софию?

— Да. А примерно в одиннадцать поймали другую станцию.

— Когда у них все стихло?

— Как обычно, за полночь. Не раньше двух.

— К ним кто-нибудь приходил в это время?

— Никто не приходил.

— Не приходил или вы просто не заметили?

— Никто не приходил,—упорствует Пенев.—Моя комната возле самого входа в квартиру, так что я все слышу.

— А из этих двоих никто не выходил?

— Не заметил.

— Не заметили или точно никто не выходил?

— Не заметил! Потому что этот Спас, бог знает почему, имеет привычку «выходить» через окно, и если он вылез через окно, я не мог его заметить. Наша квартира, знаете, на нижнем этаже, и этот гангстер из окна прыгает прямо во двор.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Ничего другого вы не замечали и не слышали?
— Что можно вообще услышать в этом бедламе... Кстати, раз уж я к вам пришел, нельзя ли принять меры против этих гангстеров, а?

Провожая Пенева до дверей. Он уходит на работу, а мой путь лежит в дом, где живут Спас и Моньо.
Женщина, которая отзывается на мой энергичный звонок, похожа, ровесница Гелевой, но, увы, выглядит она куда хуже. Увядшее лицо, беспокойный взгляд, поредевшие волосы неопределенного цвета плюс столь же неопределенное, исходящее от нее благоухание, в котором улавливается запах духов, камфары и валерианы.

Мое служебное удостоверение усиливает ее беспокойство.
— Если вы к Спасу, так он только что ушел. Неужели снова натворил что-то?
— Не знаю,— отвечаю уклончиво.— В этом еще надо разобраться.
— Имейте в виду, Спас—прекрасный юноша, только немного нервный, иногда его заносит. Но в этом виноват его отец, этот тип...

— Не волнуйтесь, в сущности, меня больше интересует Моньо.
Женщина спохватывается, что наговорила лишнего о Спасе, и торопливо бормочет: «Входите, прошу!»

Гостиная, темная и тесная, похожа на склад старой мебели. Комната, в которой я оказываюсь после стука в дверь, светлая, но такая же неуютная. Молодой человек, поднявшийся мне навстречу, тоже выглядит не особенно привлекательно: худощавый, с продолговатым веснушчатым лицом, соломенными бровями и соломенными спутанными волосами.

— Товарищ Киров?
Он кивает, продолжая смотреть на меня вопросительно своими светлыми и сонными глазами. Показываю удостоверение, и вопрос в его зрачках гаснет, сменяясь смутной тревогой.

— Пожалуйста... Не обращайте внимания на беспорядок... Он пытается что-то прибрать, хотя, если начать наводить здесь порядок, понадобится по крайней мере целый день. Две кушетки с неопрятными одеялами и смятыми подушками, мужская одежда, раскиданная по стульям, пустые бутылки и книги на полу, стол, заваленный чашками, пепельницами и окурками, магнитофон и магнитофонные ленты—это лишь часть того, что можно уловить беглым взглядом. Здесь наверняка найдешь не один, а десяток грязных мужских носков.

Отодвигаю брошенный на одну из кушеток пуловер, сажусь и закуриваю. Моньо садится напротив и тоже закуривает, надеясь, очевидно, этим скрыть свое смущение.

Сквозь широкое и грязное окно видны запущенный двор, распускающееся высокое ореховое дерево, полустгнивший деревянный забор и—по другую сторону—облупленная ограда. Солнце уже скрылось за домами, и от этого пейзаж выглядит еще мрачнее.

— Почему вы не убираете в комнате?—спрашиваю я, только чтобы что-то сказать.

— Не могу собраться с силами,—улыбается Моньо своей бледной улыбкой. Нос и верхняя губа юноши нервно подергаются, точно он хочет прогнать назойливую муху.

— Вам нездоровится?

— Да, вчера немного перебрал спиртного,—скромно отвечает Киров.

— И бразильских мелодий,—добавляю я.—Нельзя ли и мне послушать эту мелодию?

— Почему, же нет!—оживляется Моньо. Он включает магнитофон, дрожащими пальцами устанавливает кассету и нажимает клавишу. В комнате звучит самба. Совсем неплохо, если бы не так громко.

— Если можно, чуть потише,—прошу я.—И вообще, не так, как прошлой ночью.

— А, вас прислал квартирант,—догадывается Моньо.

Он убавляет звук и снова садится на кушетку. Губа и нос Моньо снова дергаются. Небольшой тик—напоминание о его юношеских излишествах.

— Скажите, откуда у вас эта страсть к громоподобному исполнению?

— Это слабость Спаса. Со временем привык и я. У Спасы есть правило: чем громче, тем убедительнее.

— Вот как! И поэтому вы избрали эту самбу своим гимном?

— Случайная находка. Наш дом родной—кафе «Бразилия». И когда услышали «Бразильскую мелодию», решили, что это будет наша песня. Спас даже записал ее восемь раз подряд на одной ленте, чтобы каждый раз не перекручивать катушку.

— Хитро придумано! А теперь расскажите, чем начался и как проходил ваш вчерашний кутеж.

— Ничего особенного. С той лишь разницей, что мы находились в уменьшенном составе. Мы должны были встретиться в «Бразилии», но Спас предложил выпить в домашней обстановке.

— Он вам предложил?

— Да. Ему кто-то дал две бутылки домашней ракии.

Самба закончилась резким аккордом, но тут же началась снова. Господи, помоги!

— А что стало с этими двумя бутылками?

— Выпили. Хотя, в сущности, больше прикладывался я. В одной бутылке оставалось несколько глотков, но я их только что выпил в лечебных целях.

— Наверное, ракия была хороша...

— Да так, ничего особенного,—отвечает Моньо, машинально глянув на две бутылки, валяющиеся на столе.

Гашу сигарету, смотрю на часы, прикидываю, не пора ли идти, и спрашиваю:

— А когда кончилась ваша вечеринка?

— Точно не могу сказать,—смущается Моньо.

— Случается... Что вы запомнили последнее? И сколько было примерно времени?

— Не могу сказать точно,—бормочет Моньо.—Понимаете, разговоры, музыка, снова разговоры и снова музыка—весь вечер одно и то же. Нет ориентира времени.

— Видите ли, Киров: у вас есть ориентир, и я настойчиво прошу им воспользоваться. Ибо речь идет не о жалобе соседа, а о вещах более серьезных.

Сообщаю ему некоторые факты по делу Асенова, наблюдая за реакцией юноши. Светлые глаза Моньо испуганно моргают.

— Короче говоря—попытайтесь вспомнить. У вас был включен приемник... да еще так, что и мертвый проснется. К сожалению, не тот, который нас сейчас интересует. Вы слушали информационные бюллетени, музыкальные и текстовые передачи—точнее ориентира не придумаете!

Длинное лицо Моньо становится еще длиннее от явного усилия сосредоточиться. Что кроется за этим усилием—действительно желание вспомнить или желание ввести меня в заблуждение?

— Мы слушали заграницу,—выдавил наконец Моньо.—Монте-Карло, Люксембург или что-то в этом роде.

— Неправда,—спокойно парирую я,—и притом непростительно глупая для будущего юриста. Вы забываете, что приемник, кроме вас, слышал и ваш сосед.

Моньо понимает, что поскользнулся.

— Извините,—говорит он,—но в голове у меня все перепуталось.

— Допустим. Собираетесь с мыслями, я подожду. Только помните, что с этой минуты вы несете ответственность за свои показания. Не знаю, поняли вы или нет, что речь идет об убийстве.

— Кажется, последний бюллетень, который я слышал, был где-то в половине одиннадцатого...

— Кажется или уверены?

— Скорее уверен. Во всяком случае двенадцатичасовой выпуск новостей я уже не слышал. Последнее, что я припоминаю, была передача о джезде... Помню, я тогда сказал Спасу, что тот, кто любит болтать о джезде, обычно понятия о нем не имеет.

— А когда и почему вы перешли с магнитофона на радио?

— Кажется, мы включили радио часов в восемь. Не могу вспомнить почему, но вроде Спасу захотелось послушать новости.

— А потом?

— А потом оставили радио, пусть себе играет. Вообще забыли о нем.

— Хорошо. Больше не буду вас задерживать. Наверное, вам надо заниматься... Вы, если не ошибаюсь, уже прослушали весь курс лекций?

— Да, лекции давно позади,—бормочет Моньо.—Плохо другое—с экзаменами не ладится...

— Вот как?—спрашиваю я с состраданием.—Так пить, и вдруг не ладится...

— Это к делу не относится,—вдруг обрывает меня юноша.

— Извините за отклонение,—отвечаю я, вставая.—Но вот смотрю, как вы живете...

— Благодарю за сочувствие. Только, знаете ли, ненавижу, когда мне дают советы.—Моньо смотрит на меня своими светлыми глазами, которые вдруг становятся холодными и неприязненными, и поясняет:—Всегда будь против того, что тебе навязывают другие, и ты никогда не ошибешься. Это мой принцип. Другие думают о своих собственных интересах, а не о твоих.

— А вы не предполагаете, что интересы людей иногда могут совпадать?

— Если совпадают, тогда другое дело,—отвечает Моньо, смягчаясь.

— Суть в том, что это за совпадение. Смотрите, как бы ваши интересы не совпали с интересами преступников и людей вообще грязных.

— Я не преступник!

— Допустим. Иначе я бы не вел этого разговора. Но вопрос не только в том, каков вы сегодня, но и в том, каким будете завтра. Людям свойственно развиваться. Одни идут вперед, другие деградируют...

— Очень интересно!—Моньо пытается напустить на себя развязность.

— Вы не можете всю жизнь оставаться в таком состоянии... Пить и слушать бразильские мелодии... Или вы сам выберетесь отсюда и найдете свое место в жизни, или вас вышвырнут как паразита. Невозможно быть вечным студентом.

— Это мои проблемы,—пытается сопротивляться молодой человек.

— Пока да. Но скоро они могут оказаться не только вашими. Пользуйтесь, пока она у вас есть, возможностью самому принять решение. Это будет и достойнее и благороднее. В противном случае решение примут за вас.

Последние слова звучат более угрожающе, чем хотелось бы.

Моньо смотрит на меня хмуро и озадаченно, соображая, что ответить, но мне его немедленный ответ не нужен. Я киваю ему на прощание и выхожу из комнаты.

На улице уже смеркается, когда я покидаю этот дом, покидаю, обогащенный дополнительными сведениями, полу-

ченными в двух-трех соседних квартирах. Рабочий день не кончен, и у меня назначена еще одна встреча. Сажусь на троллейбус и еду к новым домам квартала «Исток».

Помещение, в котором я оказываюсь, приятно контрастирует с жилищем Моньо. Просторная студия, застланная бежевым ковром, красивая мебель, светлые стены с изящными светильниками, две зеленоватых тонов картины, о которых в силу своей неосведомленности говорить не стану, и широкий стол в углу, заваленный чертежами. Хозяин всего этого—Марин Манев, 35-летний архитектор, неженатый и несудимый. Он дома. Тут и Дора Денева, 24-летняя студентка, представленная мне как невеста Манева.

Хозяин предлагает мне ступ, садится на диване рядом с Дорой и, поскольку он уже имеет представление о моей профессии, смотрит на меня вопросительно.

— Неплохо вы здесь устроились,—замечаю я добродушно, не обращая внимания на молчаливый вопрос хозяина.

— В общем, да,—говорит он, понимая, что разговор не обойдется без вступления.—Я против разделения квартиры на множество комнат. Люди часто мечтают о нескольких комнатах, в сущности, не зная, что с ними делать. Ведь обычно человек проводит время в одной и той же комнате, поэтому важно, чтобы она была достаточно просторной и уютной.

— Совершенно верно,—соглашаюсь я.—Но когда пойдут дети, картина изменится...

— Здесь есть и другие помещения,—вставляет Дора.—И если вам нужно поговорить с глазу на глаз, я могу выйти.

Она, видимо, по-своему истолковала направление разговора, но в то же время у нее нет большого желания оставлять нас одних.

— Не беспокойтесь. Речь пойдет о некоторых самых банальных сведениях.

Вслед за этим я коротко излагаю причину своего визита. Манев слушает меня, нахмурился брови, в чем нет, на мой взгляд, надобности, ибо его красивое лицо и без того имеет несколько мрачное выражение, быть может, приобретенное в результате продолжительного и сосредоточенного изучения чертежей. Он высок и строен, а его уверенные, энергичные жесты слегка контрастируют с тихим, чуть глуховатым голосом. Лицо Доры также не исполнено благодущия. Как-то неуловимая тень лежит на этом приятном лице, какая-то отчужденность притаилась в темных глазах и в легкой морщинке у губ.

— Откровенно говоря, поведение Филипа в ресторане меня удивляет,—отвечает Манев, когда я задаю первый вопрос.—Мой брат не безгрешен, но скандалистом он никогда не был.
— Я бы попросил вас забыть о том, что Филип ваш брат.
— Именно это я и делаю,—отвечает немного раздраженно, но не повышая голоса, Марин.—Филип принадлежат к людям, которые прежде всего стараются вести себя корректно, беспокоятся о своих манерах.

Хозяин смотрит на Дору, словно ожидая поддержки со стороны невесты, но она продолжает сидеть с безучастным лицом. Дора делает вид, что разговор ее не касается, но эта маска плохо скрывает ее напряженность.

— Ваши слова звучат несколько двусмысленно,—говорю я.—Можно подумать, что Филип из тех, кого больше волнует форма поведения, чем суть самих поступков.

Манев не отвечает, из чего я заключаю, что попал в точку.
— Вообще, на основании тех беглых сведений, которыми я располагаю, складывается впечатление, что ваш брат ведет жизнь не слишком примерную.

— У каждого своя драма,—уклончиво замечает Манев.

— Конечно, мечтаешь об одном, получается другое. Но это общее рассуждение. А меня интересуют вещи конкретные. Ваш брат, если не ошибаюсь, раньше жил вместе с вами?
Хозяин кивает.

— И почему вы расстались?

— Да так... мелкое недоразумение. Говоря откровенно, главная причина в том, что Дора стала жить у меня. Квартира, если вы заметили, не более чем для двоих.

Он снова смотрит на невесту, как бы ожидая поддержки, но она продолжает молчать.

— Ясно... Недавно вы обратились с жалобой на угон машины, а через два дня заявление назад. Был ли ваш брат связан с этой историей?

— Не допускаю,—почти уверенно отвечает Манев.—Просто через два дня машина оказалась на том же месте, откуда она исчезла. Вероятно, ею временно решили попользоваться какие-то юнцы...

И он снова усталился в пространство.

— В таком случае мне ничего не остается, как поблагодарить вас за беседу,—закрываю я, подымаясь со стула. Хозяин тоже встает и смотрит на меня, как бы желая сказать: «Не думаешь ли ты, что я стану чернить собственного брата?» Поднимается и Дора, освободившись наконец от своего оцепенения.—Возможно, появится необходимость повидаться еще раз,—улыбаюсь я.—Не люблю надоедать людям, но в данном случае это не моя вина.

И я бреду назад, размышляя о том, почему это с некоторыми типами допрос в строгой обстановке служебного кабинета куда более эффективен. Допустим, Марина, как брата, еще можно понять. Но эта Дора... Однако, как сказал архитектор Манев, у каждого своя драма...

Продолжение следует.

Рисунки Анатолия БУДИЛОВА, Валерия АШМАНОВА, Владимира ИВАНОВА, Виктора СКРЫЛЕВА, Леонида ТИШКОВА, Евгения МИЛУТКИ

Под редакцией
заслуженного тренера
РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

В БОРЬБЕ ЗА КУБОК СССР

Из проведенных в этом году всесоюзных шахматных соревнований наиболее значительными были командные междуведомственные баталии на Кубок СССР. Золотые медали завоевали шахматисты «Буревестника». Возглавляемая экс-чемпионом мира Василием Смысловым, гроссмейстерами Борисом Гулько и Марком Таймановым дружина студенческого спортивного общества на солидную дистанцию опередила всех своих соперников.

Серебряные медали достались шахматистам «Труда». Удачно выступила сборная сельских спортивных обществ с гроссмейстерами Анатолием Лутиковым и Ратмиром Холмовым во главе. Она удостоена бронзовых медалей.

Борьба в кубковых матчах была настолько острой и бескомпромиссной, что за чертой призеров оказались сильные коллективы армейцев с чемпионатами мира Анатолием Карповым и Ноной Гаприн-

дашвили и спартаковцев (с экс-чемпионом мира Тиграном Петросяном). А команда «Даугавы», где первым номером играл экс-чемпион мира Михаил Таль, вообще замкнула турнирную таблицу и из высшей кубковой лиги перешла в первую...

Предлагаем читателям «Смены» проанализировать несколько нестандартных, доставляющих эстетическое удовольствие творческих примеров из партий кубковых состязаний.

К такому положению пришли после 26-го хода черных лидер команды ЦСКА А. Карпов и мастер из Новосибирска динамавец Юрий Аникаев.

Чемпион мира, игравший белыми, несколько ранее в целях овладения инициативой отдал пешку. В данный момент молодой ленингра-

дец жертвует еще две пешки и развивает стремительную атаку на короля противника, не успевшего укрыться.

27. e4—e5! Cf6:e5 28. Lh1—f1 Lh8—h6 29. Ce1—d2 Lh6—f6 30. Ka2—b4 Ka5—c4 31. b3:c4 b5:c4. Стараясь организовать встречную игру и приостановить наступление чемпиона мира, его партнер, в свою очередь, жертвует коня. Однако штурм, предпринятый А. Карповым, решает исход схватки очень быстро.

32. Fd3—h7! Fc7—a5 33. Fh7—g8+ Kрe8—e7 34. Fg8—g7+ Kрe7—e8 35. Fg7—g8+ Kрe8—e7 36. Kb4—c6+ Cd7:c6 37. Fg8—h7+ и черные капитулировали.

Перед вами позиция, создавшаяся после 14-го хода черных в партии Б. Гулько с мастером из

розного Владимиром Диршкевичем в матче «Буревестник»—«Труд».

На «поле боя» вроде бы материальное равновесие, ибо у черных за коня имеются три «пехотинца». Но в шахматной борьбе арифметике отведена сугубо подчиненная роль. Основное же—плюсы и минусы в дислокации фигур обеих сторон. А здесь превосходство белых в этом смысле не вызывает сомнений даже у неискушенного любителя шахмат.

15. La1—b1 Fc2—d3 16. Lf1—g1! Fd3—a6 17. Cg2—f1 Фа6—a7 18. Cf1—d3 e7—e6 19. h2—h4!

На фоне очевидной дисгармонии в неприятельских «вооруженных силах», особенно разобщенности их короля с ферзем, стремительное наступление московского гроссмейстера (у него были белые) на своем правом фланге выглядит весьма красочно.

19. ... b7—b6 20. Lb1—b2 Cc8—a6 21. Cd3—b1! c6—c5 22. h4—h5 Ла8—c8 23. h5:g6 h7:g6 24. Lb2—h2 c5:d4 25. Ce3:d4 Cg7:d4 26. Kf3:d4 Kpg8—g7.

Эффектная комбинация, связанная с жертвой обеих коней, мгновенно завершает энергично проведенную атаку.

27. Fe1—h4 Lc8:c3 28. Kd4:e6+!, черные сдались.

На этой диаграмме отображена ситуация, возникшая после 17-го хода черных в партии Т. Петросяна с молодым гроссмейстером из Львова О. Романишиным в матче «Спартак»—«Авангард».

Оригинальной жертвой пешки игравший белыми москвич вызвал любопытные осложнения. Но партнер экс-чемпиона мира тоже проявил тактическую зоркость, и боевой поединок завершился заключением мирного соглашения. Вот как развернулись события.

18. f3—f4! e5:f4 19. Kd2—f3 Fg5—g4 20. e3—e4! Ld8—f8 21. Lf1—e1 f5:e4 22. Cd3:e4 Ce6—f5! 23. Ld1—d5 Cf5:e4 24. Le1:e4 Kh5—f6 25. Ld5—g5 Fg4—d7 26. Le4:f4 Fd7—e7 27. Fc2—f2 b7—b6 28. h2—h3 Ла8—d8 29. Cb2:f6 Lf8:f6 30. Lf4:f6 Fe7:f6. Согласились на ничью

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 5/VII 1976 г. А 00957. Подписано к печати 16/VII 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1805. Заказ № 2513. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

КРОССВОРД

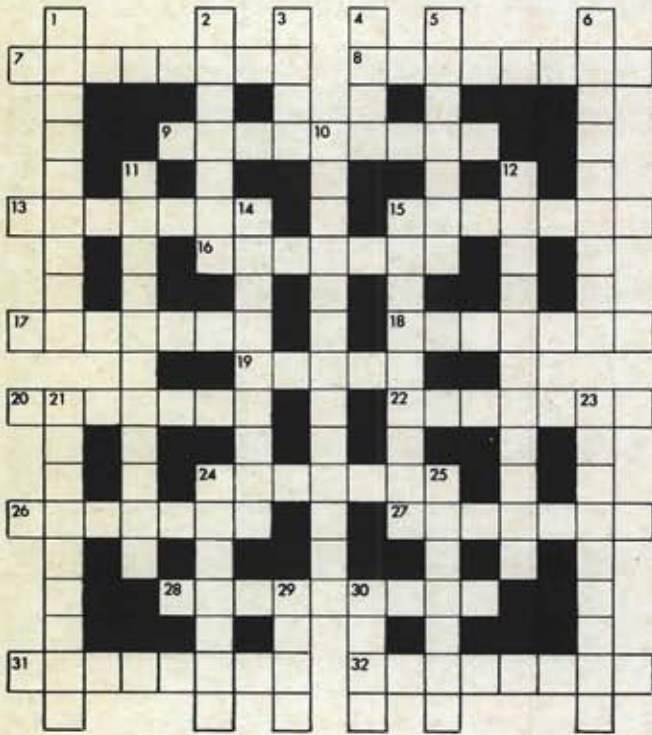
Составил В. ФОМИНСКИЙ
Москва

По горизонтали:

По вертикали:

7. Степень достоинства, ценности продукции, товаров. 8. Движение к более высокой стадии развития. 9. Писатель. 13. Легкая постройка для отдыха в саду, парке. 15. Последователь определенного направления в литературе, искусстве. 16. Древнегреческий механик и математик. 17. Старинное название северных русских земель. 18. Город в Тульской области. 19. Народная поэтесса Литвы. 20. Типографский шрифт. 22. Стихотворение В. Маяковского. 24. Весенний цветок. 26. Человекообразная обезьяна. 27. Рабочий-металлист. 28. Певчая птица. 31. Геолог и палеонтолог, академик, лауреат Ленинской премии. 32. Литературные произведения, объединенные общей темой.

1. Советский педагог и писатель. 2. Полуфабрикат, изделие в металлургии. 3. Возделанный или засеянный участок земли. 4. Столица Западного Самоа. 5. Специалист по исправлению недостатков речи. 6. Творческое воспроизведение действительности. 10. Аппарат, улавливающий и преобразующий электромагнитные волны. 11. Часть речи. 12. Город в Татарии. 14. Государство в Южной Америке. 15. Эпоха Возрождения. 21. Полуостров на юго-востоке Азии. 23. Стихотворение Н. А. Некрасова. 24. Представительница коренного населения автономной области в РСФСР. 25. Пристань на Оке. 29. Основоположник советской таджикской литературы. 30. меховая обувь.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

4. Патриот. 7. Лермонтов. 8. Лютня. 9. Залог. 14. Вольт. 16. Сопрано. 18. Сардина. 19. Находка. 20. Диета. 21. Лимон. 22. Кокаин. 23. Тангенс. 25. Ноктюрн. 27. Берет. 29. Финик. 30. Агdam. 32. Стационар. 33. Рисунок.

По вертикали:

1. Лауренев. 2. Аргон. 3. Контракт. 5. Иллюзии. 6. Авдотка. 10. Каратыгин. 11. Клеопатра. 12. Бадминтон. 13. Номинал. 15. Андorra. 17. Овжис. 18. Сатин. 24. Ногинск. 26. Ондатра. 27. Бригадир. 28. Таганрог. 31. Минус.

СПОКОЙНО

МОЙ ДРУГ РАБОТАЕТ НА ЗЕЕ

Музыка Александры
ПАХМУТОВОЙ

Слова Николая
ДОБРОНРАВОВА

Я кое-что еще успею,
Усталость с плеч своих стрягну.
Мой друг работает на Зее,
И я завидую ему.

Припев:
А в жизни — то боль, то сказка,
И вновь поворот крутой...

Но песня родного Братска,
Но песня святого братства
Осталась заветной моей звездой.

Мы оба жили, как умели,
В беде не прятали лица.
Но тот, кто в жизни выбрал Зею,
Тот Братску верен до конца.

Припев.

В ракеты люди пересели,
Уже до звезд подать рукою...
Но друг работает на Зее,
И мне до друга далеко!

Припев.

Я жить спокойно не сумею —
Душе огонь необходим.
Мой друг работает на Зее,
Я скоро буду рядом с ним.

Припев.

«КАРТОЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО»
МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР КУКОЛ
КАЛЬКУТТА, ИНДИЯ

«ГУСТАВ»
АЛЬБРЕХТ РОЗЕР,
ШТУТГАРТ, ФРГ.

ЧЕРЕЗ СЕРДЦА ДЕТЕЙ К СЕРДЦАМ ВЗРОСЛЫХ...

«МАЛЕНЬКИЙ ИЛЛИВАД»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КУКОЛЬНЫЙ
ТЕАТР ИСТОНСКОЙ ССР, ТАЛЛИН

Под таким девизом проходил в июне нынешнего года в Москве XII конгресс Международного союза деятелей театра кукол (УНИМА). В рамках конгресса был проведен международный фестиваль театров кукол.

С интересом был встречен спектакль Центрального театра кукол под руководством народного артиста СССР Сергея Образцова «Дон Жуан-76». Эта постановка представляет собой сатиру на все виды коммерческих мюзиклов: романтических, лирических, эротических, детективных, душераздирающих, сатира на ту самую «сладкую и пританцовывающую»

жизнь, о которой во все времена грезят мещанин-потребитель.

Запомнился зрителям и мини-спектакль «Инвалид», поставленный кукольником из ФРГ Альбрехтом Розером. Сцена, а на ней — маленький человечек в военной форме... Отзвучала шарманка, протянулась в зрительный зал рука нищего, и сразу же за этим условным персонажем, за куклой, встали судьбы миллионов людей, искалеченных войной...

Острый, публицистически страстный спектакль «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», посвященный событиям в Чили, показал шведский национальный театр.

Актеры играют на открытой площадке, становясь по мере надобности и кукловодами и массовой куклой. Они пользуются разными куклами, и маленькими, величиной с ладонь, и большими — в человеческий рост. Изменения размеров кукол и переключения от кукольного к «живому» плану помогают решить самые разные сценические задачи, передать огромный диапазон человеческих чувств.

Необычную форму кукольного представления продемонстрировали актеры из Франции Клод и Коlette Монестье в спектакле «Птица... летит».

Артисты работают перед публи-

кой с бумагой, тканью, нитками. Взмах ножниц — и вылетает птица. Потом листки бумаги станут волной, корабликом, солнышком, лестницей... Еще несколько движений — и бумага превращается в живого человечка!

В фестивале приняли участие театры кукол из самых разных стран мира. Лучшие из спектаклей стали ярчайшим доказательством того, что театр кукол может и должен обращаться к самым глубоким, самым острым проблемам современности.

Николай МИШИН
Фото Юрия УСТИНОВА

«ЗВЕЗДНЫЙ МАЛЬЧИК»
КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР КОНСТАНЦЫ, РУМЫНИИ

«ЗАЧЬЯ ШКОЛА»
НАРОДНЫЙ ТЕАТР КУКОЛ
СТАРА ЗАГОРА, БОЛГАРИИ

«СИСИ-МАИ» — ТАНЕЦ ДРАКОНА
ТЕАТР МАРИОНЕТОК TAKEKA, ТОКИО
ЯПОНИЯ

